

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
Общественная организация «Тамбовское областное филологическое общество»

Филологическая Регионалистика

НАУЧНЫЙ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

————— 2013 ■ № 1 (9)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Н. Ю. Желтова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. В. Полякова (зам. главного редактора),
Н. Л. Потанина (зам. главного редактора),
А. Л. Шарандин (зам. главного редактора),
Э. Н. Дзайкос (отв. секретарь),
Е. В. Алтабаева (Москва),
А. В. Бурыкин (Санкт-Петербург),
Л. Геллер (Париж, Франция),
М. М. Голубков (Москва),
Р. Гольдт (Майнц, Германия),
В. Г. Зусман (Нижний Новгород),
Н. В. Корниенко (Москва),
С. И. Красовская (Москва),
Дж. Куртис (Оксфорд, Англия),
Т. В. Махрачева (Тамбов),
Д. С. Московская (Москва),
С. Ю. Николаева (Тверь),
Л. К. Оляндер (Луцк, Украина),
Т. А. Сидорова (Архангельск),
М. А. Хатямова (Томск),
И. О. Шайтанов (Москва)

УЧРЕЖДЕН в 2009 г.

ИЗДАЕТСЯ ДВА РАЗА В ГОД

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ ПО НАДЗОРУ
В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ
СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПИ № 77-35659 от 17 МАРТА 2009 г.

- © Общественная организация
«Тамбовское областное филологическое общество», 2013
- © Журнал «Филологическая регионалистика», 2013
- © ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина», 2013
- © Коллектив авторов
- © Кончаков Р. Б., Кончакова С. В., макет обложки, 2009

При перепечатке и цитировании материалов
ссылка на журнал обязательна

FSBEI HPE «Tambov State University named after G.R. Derzhavin»
Public Organization «Tambov Regional Philological Society»

PHILOLOGICAL REGIONAL SCIENCE

SCIENTIFIC
AND INFORMATION-THEORETICAL JOURNAL

————— 2013 ■ № 1 (9)

EDITOR-IN-CHIEF

N. Yu. Zheltova

EDITORIAL BOARD:

L. V. Polyakova (Deputy Editor-in-Chief),
N. L. Potanina (Deputy Editor-in-Chief),
A. L. Sharandin (Deputy Editor-in-Chief),
E. N. Dzaikos (Executive Secretary),

E. V. Altabayeva (Moscow),
A. V. Burykin (St. Petersburg),
L. Geller (Paris, France),
M. M. Golubkov (Moscow),
R. Goldt (Mainz, Germany),
V. G. Zusman (Nizhny Novgorod),
N. V. Kornienko (Moscow),
S. I. Krasovskaya (Moscow),
J. Kurtis (Oxford, England),
T. V. Makhrachova (Tambov),
D. S. Moscovskaya (Moscow),
S. Yu. Nikolaeva (Tver),
L. K. Olyander (Lutsk, Ukraine),
T. A. Sidorova (Arkhangelsk),
M. A. Khatyamova (Tomsk),
I. O. Shaitanov (Moscow)

FIRST PUBLISHED IN 2009

BIYEARLY

REGISTERED
BY THE FEDERAL SERVICE FOR SUPERVISION
IN THE SPHERE OF TELECOM INFORMATION
AND MASS COMMUNICATIONS

CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION
PI № 77-35659 AS OF 17 MARCH 2009

- © Public Organization
«Tambov Regional Philological Society», 2013
- © Journal «Philological Regionalistics», 2013
- © FSBEI HPE «Tambov State University
named after G.R. Derzhavin», 2013
- © Composite Authors
- © Cover design by R. B. Konchakov, S. V. Konchakova, 2009

A reference to the journal
while reprinting and quoting is obligatory

В номере:

Филологическая наука и культура региона: проблемы теории и методологии

С. А. НЕБОЛЬСИН

«Русский Феникс»: Москва 1812 года
как символ русской и европейской поэзии 7

К 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина

Н. Ю. ЖЕЛТОВА

Державин и Серебряный век 23

С. В. ГУСЬКОВА

История опубликования первого сборника произведений Г. Р. Державина 30

Художник и культурное пространство. Проблемы литературного краеведения

М. А. КЛИМКОВА

«Я хотел бы, маменька, прославить твои добродетели...»:
из истории дворянской усадьбы Боратынских 33

Е. Н. БАРМИНА

Из рода Боратынских: к творческой биографии О. А. Ильиной 42

Т. А. ОПРИТОВА

«Жил среди нас скромный писатель...»:
О жизни и творчестве драматурга Д. П. Девятова 49

Проблемы лингвистической регионалистики

Е. В. АЛТАБАЕВА, В. Е. МАЯСОВ

Концепция замятинского текста и новые научные парадигмы 55

Н. В. НОВИКОВА, Л. И. ДМИТРИЕВА

Профессиональные фамилии Тамбовской области 60

Активные процессы в современном русском языке

Д. А. ОСИЛЬБЕКОВА

Семантическая и функциональная неоднородность
модификационных суффиксов имен существительных 67

Материалы и сообщения

М. В. РОДИНА

Образ матери в романе Мо Яня «Большая грудь, широкие бёдра» 72

О. Г. ПОПОВА

Экономическая терминология в средствах массовой информации 75

Хроники: факты, события, имена

Н. Ю. ЖЕЛТОВА

Новые традиции в сохранении региональной культуры: Год Державина в Тамбове 78

Н. А. ПОТАНИНА

Русский поэт и славянский мир: к 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина 83

Н. Ю. ЖЕЛТОВА, Т. В. МАХРАЧЕВА

Филологическая регионалистика.

О деятельности многопрофильного студенческого объединения 85

Информация

Членские взносы и порядок их оплаты 89

Требования к оформлению рукописей

для публикации в журнале «Филологическая регионалистика» 90

Наши авторы 92

In the issue:

Philological science and culture of the region: problems of theory and methodology

S. A. NEBOLSIN

“Russian Phoenix”: Moscow in 1812
as a symbol of Russian and Europe poetry..... 7

By the 270th anniversary of the birth of G.R. Derzhavin

N. Yu. ZHELTOVA

Derzhavin and Silver Age 23

S. V. GUSKOVA

The history of the publication of the first collection of works by G. R. Derzhavin 30

The artist and cultural space. Problems of history local literature

M. A. KLIMKOVA

“I would like to make your virtues, mother, famous...”
stories from noble estate of Boratynsky 33

E. N. BARMINA

From Boratynsky generation: to creative biography of O. A. Ilyina 42

T. A. OPRITOVA

“Humble writer had lived with us...”
on life and creation by dramatis D. P. Devyatov 49

Problems of linguistic regional science

E. V. ALTABAEVA, V. E. MAYASOV

The concept of Zamyatin text and new scientific paradigms 55

N. V. NOVIKOVA, L. I. DMITRIEVA

Professional surnames of Tambov's region 60

Active processes in the modern Russian language

D. A. OSILBEKOVA

Semantic and functional heterogeneity
of modifying suffixes of the nouns..... 67

Materials & reports

M. V. RODINA

Image of mother in the novel “Large breasts, wide hips” by Mo Yan 72

O. G. POPOVA

Economic terminology in Mass Media..... 75

Хроники: факты события, имена

N. Yu. ZHELTOVA
 New traditions in saving the regional culture: Year of Derzhavin in Tambov. 78

N. L. POTANINA
 Russian poet and the Slavic world: on the 270th anniversary of the birth of G. R. Derzhavin 83

N. Yu. ZHELTOVA, T. V. MAKHRACHOVA
 Philological regionalistics.
 On the activity of multi-profile student community. 85

Information

The membership fees and the procedure of their payment. 89

Requirements to manuscripts for publication in the journal 91

Our contributors 92

Филологическая наука и культура региона: проблемы теории и методологии

«РУССКИЙ ФЕНИКС»: МОСКВА 1812 ГОДА КАК СИМВОЛ РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

С. А. Небольсин

О Москве 1812 года,— как о явлении и как о символе, который прижился в европейской поэзии, но был по-разному там употребляем, осмысляем и толкуем,— нам уже приходилось писать [См.: Небольсин 1999; 2000]. Удержим некоторые из тогдашних наблюдений и разовьем их.

1

Спаленная пожаром, французу отдана — Москва 1812 года запомнилась не только нам, а, конечно, и всей Франции. Не жалея свою восточную соперницу, пленницу и жертву, захватчики-«супостаты» были все-таки достаточно одарены нравственно, чтобы пожалеть самих себя. «Что за скифы!», «ну и скифы!» — подкрепленные своего рода традицией основания восклицать такое вполне имели ошеломленный Бонапарт и его клеветы [См.: Небольсин 1999]. Ведь славяне вдруг подтвердили, что им — как некогда странному восточному племени, по Петрарке — ради уничтожения врагов «il morir non dole», то есть не больно погибать. Здесь имеется в виду канцона Петрарки, обращенную к Джаккомо Колонне, строки из которой Пушкин использовал, описывая гибель Ленского (глава VI «Евгения Онегина»).

Бойких французов манила не только экзотичная строптивость скифо-азиатов. Их женолюбивому предводителю, например, льстило обрести в Москве податливую дикарку. И Бонапарта можно понять. Ведь и пылкая, но «second-hand» креолка Жозефина де Богарне ему уже приелась; новая императрица, Мария-Луиза, была корсиканцу-парвеню хотя и протокольно необходима, но на фоне пикантных карибских и египетских впечатлений супруга она наверняка казалась ему нордически холодновата. И вдруг случилось то, что Москва в итоге не пошла к апостолу всевропейской «вольности и прав» ни в каком упомянутом выше качестве: то есть вовсе не услады обладания, а пожар она готовила блудливому и заблудшему герою. К ней подходило разве что «умирать не больно»; но не состоялось и этого — Москва не умерла.

В статье анализируется рецепция образа Москвы 1812 года в поэтических произведениях русских и европейских поэтов. В работе рассматриваются национальные, идеологические различия в осмыслении роли столицы в духовной истории России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
русская поэзия, европейская поэзия, война 1812 года, образ Москвы.

Начало тех баталий хорошо отражено в литературе. Оно обескураживало захватчиков. Были и знаки удрученно-серьезных размышлений над досадным во многом ходом войны — чего не предполагалось ранее в запальчивости, в одержимости иллюзией близкой и легкой победы. Такие знаки обнаруживает молодой благородный француз в «Рославле» Пушкина. Не будем подробно останавливаться на них. Но читателю даже сегодня важно и грустно, что зачатки понимания России оказались обеспечены чужеземцу лишь через нерадостные опыты плена. Однако — если вдуматься — разве менее сложно и парадоксально было положение самого Наполеона?

Швейцарский поэт Конрад Фердинанд Майер в своих стихах «Наполеон в Кремле» (“Napoleon im Krem”) рисует следующий портрет дерзкого полководца, осаждаемого зловещим призраком судьбы. Она, быть может, впервые является триумфатору в своем непредвиденном коварстве и жестокости:

Er nickt mit seinem großen Haupt
Am Feuer eines fremden Herds:
Im Traum erblickt er einen Geist,
Der seines Purpurs Spange löst.

Der Dämon schreit mit wilder Gier:
“Mir lüftet nach dem roten Kleid!”
In ungezählter Menschen Blut
Getaucht, verfärbt der Purpur nicht.

Die beiden rangen Leib an Leib.
“Gib her!”, “Gib her!”. Der Dämon fleucht
Mit spitzen Flügeln durch die Nacht
Und schleift den Purpur hinter sich.

Und wo der Purpur flatternd fliegt,
Sprühn Funken, lodern Flammen auf!
Der Korse fährt aus seinem Traum
Und starrt in Moskaus weiten Brand.

[Meyer 1882: 159]

Вдумаемся в эту картину, не лишенную психологически сложного подтекста. И такой подтекст, и игра значений в немецких словах подлинника, и ритм, и фразеология, и образность с совмещением разных планов затрудняют буквально-однозначную передачу этих стихов по-русски. Самое большое, что нам доступно здесь — ритмизованный, с минимумом «вольностей» пересказ:

Склонив к пожарищу чужого очага
Свой мощный лоб, он видит: некий призрак-дух
Застежки рвет с его пурпурного плаща.

И хищный возглас этот Демон издает:
«О, как мне люб багрец твоих одежд!»
А пурпур, погруженный в кровь бесчестных жертв,
Не блекнет, только насыщаясь ей.
Тесня друг друга, Демон и герой
Озлобленно кричат: «Мое! Мое!»,—
И рыщет Демон по ночи, и сполохи огня,
Как шлейф пурпурного плаща, летят за ним,
И, брызжа искрами, тот пурпур больно жжет.
Гуляет пламя, возгораясь все сильнее,
И корсиканец, отгоняя свой кошмар,
Вперяет снова взор в пожар Москвы.

При полной возможности иных переложений и из этого несовершенного опыта ясно, что подлинник не обошелся без мотива смертоносно-жгучего, пропитанного вражеской кровью Гераклова плаща. И понятно, что под грузом неожиданно, обескураживающе тяжелого московского испытания Наполеон и вперяет взор в пожарище как таковое, и — полубессознательно — предается мрачным отвлеченным видениям. Явленный же Бонапарту в этих видениях «демон», который упоен разгулом огня — это не собственно Москва-Россия как фурия мести, а внутренний, запоздало осознаваемый грех и крах самого императора — «ратника, вольностью венчанного».

То есть сей «Демон»-то — а рокового спутника и полупризрачного собеседника и оппонента Наполеона разумно было бы обозначать, как и в немецком подлиннике, через прописную букву — этот Демон не столько противостоит Наполеону, сколько владеет изнутри его душой; и дьявольское в этой душе — не вымысел и не наваждение, а нечто вблизи самой ее же сущности, даже стержень ее состава.

Конечно, швейцарец Майер воочию не видел войны двенадцатого года, потому что он был современник не Пушкину, а лишь Достоевскому и Толстому. Он отразил в своих стихах уже довольно рациональный — даже рационализированный, если против пушкинского образца — поздний европейский опыт осмысления бонапартизма. (Годы жизни поэта: 1825–1898.) Но и против истин далеко ушедшего момента из чужого прошлого Майер не погрешил. Сложная игра красок была успешнейше использована и у только что помянутого Достоевского в «Записках из подполья». Там образ дерзкого и злобного мечтателя и фантазмагоричен, и карикатурен, и вполне реален; а его бред — «я иду босой и голодный проповедовать новые идеи и побеждаю ретроградов под Аустерлицем» — оттенен значительной долей сарказма. Так трактуемая писателем, виктория узурпатора и захватчика — она есть и предмет полубезумных чаяний героя-человеконенавистника, и знак пусть хотя бы отдаленной, но его же катастрофы.

Подобное было и в 1805–1807 годах, да и в начале кампании 1812 года. Будущее прельщало и манило блеском славы, а в итоге оно оказалось грозным, жутким крушением. Разве розги — не крушение? Москва вскоре после Бородина уже явила предзнаменование этому. И рок добавлял затем новые беды, так что мечущиеся «смущенные народы» — игральщица таинственной игры — не раз сменяли ребячливую эйфорию на ужас и обратно.

Ведь прошло не многим более года со времени московского конфуза французской Армады, как законодательница европейских настроений уже предавалась возбуждению иному. Вся Франция — часть ее вынужденно, а часть совершенно искренне и даже не без нового упоения восточной экзотикой — теперь была готова приветствовать своего освободителя либо, как минимум, своего победителя. Она безоговорочно теперь славилась Россию казаков, башкирцев и калмыков, явившихся в Париж чуть ли не на верблюдах — то есть славилась ту же, в общем, «Скифию». И добавим, не претендуя на глубину человековедения или психологии воюющих обществ: будь эти парижские ликования недостаточно бурны, доля освобожденных парижан могла бы оказаться тяжелее.

Такая смесь восторгов и ослобнения представляет собой не просто мимолетное — скажем, лишь «конкретно-историческое» — восприятие Москвы и России. Подобным же образом складывалось осмысление «**всего русского**», во все времена. Недаром Жан-Поль Сартр, о чем мы уже писали, свидетельствовал только лишь какие-то полвека назад — в 1960 году, — что увидеть казаков, пьющих воду парижских фонтанов, было заповедной мечтой свободолюбивой Франции времен его молодости [См.: Небольсин 1999: 139]. А ведь это — что 1918-й, что 1960-й годы — век уже далеко не девятнадцатый!

Так что и в одну и ту же эпоху, и в совершенно разные времена повторялось однородное. На Висле, например, в 1813, 1830 или 1941-м годах недружелюбные к нам девы могли жаждать реванша, упиваться, кичиться им и на него уповать. Они могли лелеять, как в «Слове о полку Игореве», некую «мечь Шаруканю»; а на Сене наоборот — столь же, вроде бы, и свободолюбивые, и столь же податливые, в принципе, вакханки ждали к себе в гости и даже тоже жаждали, но обратного — то есть ждали и жаждали скифских наездников с Дона. И так было не раз, и не только в позапрошлом столетии.

Поэтому и важен, при беседе о пылающей Москве 1812 года, очерк целого ряда сторон — да, если так можно выразиться, то «ряда сторон образа» — об-

раза Москвы: а именно, **Москвы как исконной и исполненной внутреннего напряжения европейской проблемы вообще**. Да и проблемы мировой.

Рассмотреть эту проблему глазами некоторых западных наблюдателей памятного времени и вникнуть в вытекавшие из тех наблюдений мысли — небесполезно. Конечно, поэты 1812 года не заглядывали в то будущее Европы, с которым вплотную соприкоснулись Конрад Майер, Достоевский и Лев Толстой. Они не видели и бонапартизма уже XX века, они не знали нашей Отечественной войны 1941–1945 годов, когда Россия снова решала судьбу Европы в борьбе с выскочкой-нацистом. Но в давнее прошлое они смотрели пристально; и показательную, поучительную связь между «преданием» и тем, что им довелось наблюдать воочию, что Европе даже еще только предстояло испытать, они постигали весьма глубоко. Удержать это дальновидение желательно. История, склад и существо нашего города к этому располагают и этот угол зрения оправдывают.

4

Восемь с лишним столетий показали Москву людям и народам как особое явление в себе, как символ и даже как миф. И этот последний — миф — лишь в редких сравнительно случаях был плодом надуманной, капризно-мозговой «мифопоэтики». (Само слово «мифопоэтика» и родилось для оправдания безответственной литературоведческой эквилибристики и лжи.) Вспоминая и напоминая о многом в силу прямой своей природы, московский миф был еще и предсказательным. А предсказательность есть тоже сущность этого жанра, если брать его вне «мифопоэз».

Москва есть совершенно феноменальная разновидность жизни — такое ощущение проходит через многие и многие записки и рассказы о русской столице.

Ее, Москвы, то бьющее кипение через край, то словно уходящее куда-то в берлогу содержание; ее теплое хлебосольство и ее довольно холодное безразличие к новопришельцу; ее Кремль и ее «сорок сороков», ее терема-палаты и Хитровы рынки; ее доступные, судя по ярким мемуарам очевидцев, чуть ли не любому горожанину, любому варяжскому гостю или внутреннему турку (любому, от Рябушинских до Гиляровского) доступные расстегаи со стерляжьей ухой и ее же бесчисленные юродивые и нищие; ее мучительно-жаркая баня и не ко всем ласковая стужа (не ко всем, потому что собственно «русская кровь на морозе горит»); ее кулачные бои на льду и сосредоточенный покой ее монастырских келий, ее крестные ходы и ее обстановка как будто уже совершенно всесветного схода. Как это много и ярко!

«За столом никто у нас не лишний, по заслугам каждый награжден» и отмечен — именно каждый, среди весьма несхожих языков и иногда вер; это отзвук и истин советского времени, и советского рода художественных деклараций того времени; но и в старое время сочно-плодотворная, плодоносная русская среда в Москве давала возрасти, прирасти и, при полном дружелюбии, прижиться многим и многим обычаям и языкам.

Кому-то это шло — ну, порою; ну, сейчас — против шерсти. С правого берега Днепра доносились голоса, будто если *кто завёдэ москалёву сумку, то дуже швидко завёдэ вин и москалёву думку*.

Как настороженность, как желание самобытности — такое понятно. И русский должен понимать и чужую заботу, заботу даже неблизкой *людьны*. Но справедливости ради: сколько именно на московской школе, на московской земле взошло самобытнейших и добрых многонациональных дум, братских всем.

Так же и на наших глазах в советское время. Собирались снимать кино «Свинарка и пастух», а между тем, как отмечается, жестокие чистки конца 30-х годов выкосили чуть ли не всех московских горцев; нету человека с Кавказа на главную мужскую роль! И что же: без всякой ксенофобии сделали предложение вовсе не кавказцу, а актеру Зельдину.

И в какой стороне я не буду,
По какой не пройду я траве —
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве —

— наш актер это пел искренне, был счастлив этим, и до сих пор слышится, как пел и играл он это — с милым почти неощутимым акцентом. И горцы, включая всенародного вождя, одобрили его.

Вспомним, по заведеньям и привычкам старой столицы, ее святочные гулянья, но также и труды изо дня в день, ее умельцев и чернорабочих; ее ратные дела, ее соляные и пресненские бунты-восстания; ее «ярмонки» и театры, всю ее «консерваторию» и «филармонию», ее художественную литературу. Едва ли какой еще город давал почувствовать в себе столько красок, в таком наборе [См.: Москва в русской и мировой литературе., 2000].

Конечно, возможен вопрос: а не таков ли, и даже еще не внушительнее ли, чем Москва, вечный город Ромула и Рема? Отвести подобный вопрос трудно, — да он, впрочем, как раз и заостряет зрение, даже выправляет ложное видение дела. Радостно-яркое, язычески-карнавальное начало издавна питало жизнь города и мира, берущих свое начало с Капитолийского холма. И оно, весьма любопытно, почему-то вполне уживалось у них с искренней, как принято понимать, верой по Священному писанию.

И так обстояли дела вплоть до добровольного отказа Европы от христианской этики и эстетики, которые, собственно, только и делают наш материк — мы тот же вопрос еще затронем гораздо позже — явлением именно европейским. И когда охрана и укрепление святых оснований перестали или наскучили быть проблемой, карнавалizm даже возобладал. Москва же воплощала в себе и долго хранила как раз не карнавальную, а хороводную стихию. Стихия эта и расцветивала, и оберегала чисто европейскую по духу ортодоксальную соборность России, принципиально отличную от свальности [См.: Небольсин 2004].

Изобилие красок внутри московской «парадигмы», пусть и при такой строго-принципиальной избирательности, все равно остается впечатляющим. Оно даже не позволяет сразу же вспомнить то, что среди прочего отнюдь не есть последнее: Москва с ее песнями.

«*Ах вы сени, мои сени <...>*» поэт НЕ НИЖЕ ПУШКИНА», скажет в 1880 году Достоевский [Достоевский 1984: 45]. И он едва ли не имеет в виду, что хоровая, и как раз хороводная по природе, народная песня не ниже, а ВЫШЕ ПУШКИНА. То есть этим Достоевский диалогично-осторожно, но все-таки подтвердит, конечно, мнение всей нашей классики: мнение как самого же Пушкина, так и всех писателей и композиторов России (по меньшей мере классиков от Глинки до Римского-Корсакова во всяком случае).

В Москву за песнями или в Москву разогнать тоску — здесь еще нет ничего разнузданно-карнавального. А хороводное здесь же по меньшей мере подразумевается. Оно, а не что-то иное и не на Апеннинах, дало миру Уланову, ансамбль Моисеева и «Березку», дало голос Исаковского и Фатянова.

Выразимся опять словами именно художника, только уже без доли того болезненно-трепетного диалогизма, который колеблет мысль как раз тогда, когда нужны твердые основы и выводы. «**На всех московских есть особый отпечаток**» и «**едва другая сыщется столица как Москва**». Это отмечено и не только русскими восприятиями Москвы: это есть у Грибоедова-Фамусова, есть, с некоторой долей сусальности, у Шмелёва, но в целом подобное же очевидно и для чужеземцев, от Меховского и Олеария до Гамсуна.

То есть недаром скандинав Гамсун писал о нас, посетив Москву, как о «сказочной стране» — в норвежском подлиннике заглавия Гамсуновой книги — это «abentyrland». Мы имеем в виду книгу путевых очерков К. Гамсуна «I abentyrland» («В сказочной стране», «В сказочном царстве»), созданную в самом конце XIX века и изданную в 1903 году. Любопытно здесь еще одно. Совершенно независимо от «Хаджи-Мурата» Л. Толстого

(«татарник», «татарин» и т. п.), Гамсун рисует стойкость русского человека, казака и горца через образ чертополоха-татарника. Это заглядывает и в наше время, с его испытаниями, выпавшими на долю и казачества, и горцев.

Есть что-то до чрезвычайности богатое и щедрое — и даже именно, как мы уже говорили, бьющее через край — в коренном московском складе, строе и облике жизни. И оно позволяет нашей пускай подчас и неброской бытовой правде перерастать самое себя. Быль перерастает в волшебнейшую сказку и, что называется, уже подлинно в миф.

В этой сверхлогике Москва оказывается нашим новым Иерусалимом. Она то сменяется Санкт-Петербургом (так и не отменившим, однако, ее самое), то вновь заменяет и в чем-то отменяет город-тритон. Иначе говоря — становится какою-то неподвластной житейскому закону, но все равно живой и тут, чудесно-вдохновенной поэмой, — причем с такими истоками создавшего ее вдохновения, которые уводят в вечность. Отсюда и Третий Рим, отсюда и тот же Новый Иерусалим, отсюда московские всегдашние спасенья чудом, как и при Тамерлане. Отсюда и уже привычное, даже непрестанное противоположение Москвы рукотворной северо-западной столице XVIII–XXI веков. И если та, последняя, когда-нибудь должна вдруг испариться со своих болотных пространств и согнуться как наваждение — что своего рода тоже достойный внимания миф, он у Достоевского явлен уже в «Слабом сердце» (1848) и «Петербургских сновидениях в прозе и стихах» (1861), — то у Москвы планета иная.

И эта планета представляется слишком многими как свехисторическая, чтобы такое показалось случайным заблуждением. Здесь постоянно — и именно эту тему мы намерены вскоре осветить фронтально — **«русский Феникс, пламенем объятый»** (будто бы азиатско-ассирийский, азиатско-абиссинский или азиатско-египетский); здесь и раньше, и всегда покров Божией Матери. Именно здесь в XX веке Благодать опять берет верх над полным сомнением Законом, над всяческим — питерским по духу — «юридическим факультетом», над канцелярствующим судоговорением.

Поистине: если такое когда на земле бывало, то оно бывало как раз в Москве-России. Ибо русскому человеку и народу может даже показаться и вообще не по душе верховенство умно сочиненных и писанных правил.

Здесь, добавим, иной раз встречается в общую картину и миф как сущий домысел, то есть как та же назойливая и досужая «мифопоэтика». Например, это есть у Байрона, который ни в Москве, ни в Петербурге никогда не был и оба названные города жаловал, естественно, меньше, чем вольнолюбивого

и чужелюбивого Мазепу. (О Мазепе Байрон сочинил и особую поэму, явно читанную Пушкиным как автором «Полтавы».) Полуварварство безнадежной азиатчины, то есть, буквально говоря,

Сонм полуварварских московских минаретов,

или *the half-barbaric Moscow minarets* — вот что и видится гордому взору иноплеменному, и исподтишка дерзко внедряется в облик православного столярного города (поэма «Бронзовый век» (“The Age of Bronze”, 1816)).

Возможно, здесь что-то восходит к фразеологии и вульгарной русистике самого Наполеона. Утверждать такого с решительностью мы, в меру нашего знакомства с предметом, не стали бы; однако известно, что у Льва Толстого в «Войне и мире» Бонапарт говорит как раз об **азиатско-китайском** виде наших православных храмов: *Moscou avec ses innombrables églises en forme de pagodes chinoises* («Война и мир», кн. 3, ч. 1, гл. 7). А быть может, все подобное восходит к едкому — и опять французскому — речению «поскребите русского, и вы обнаружите татарина» (*Grattez le russe, et vous trouverez le tartare*). Это важно потому, что в данной формуле примечательна не просто смешная, а прямо смехотворная, по замыслу острослова, сторона дела. Она состоит в следующем предположении: мол, любой цивилизованный человек согласится, что русское — оно еще как-то и вправду загадочно; но уж «татарское» — оно-то без всяких загадок понятно сразу. Оно уже априорно конфузно; оно априорно, то есть бесспорно и заведомо, неблагоприятно.

Не есть ли это упражнение в острословии обыкновенный фашизм и не есть ли это закоренелая французская ксенофобия? (Ее терпеть не могли Ромм, Кармен и Андрей Тарковский.) Нет, остроумие явно не принадлежит к числу достоинств страны, где уголовный закон запрещает сомневаться, что чье-то и когда-то национальное достоинство было якобы неприлично, было как-то фашистски или по-исламистски поругано. И особенно если там же, во Франции, занижать число жертв — тех или иных, но всегда нерусских — тоже есть уже уголовное преступление.

Налицо все основания считать: да, перед нами французский, в определенном смысле слова, шовинизм. Не так ли обычно готовится исподволь новое антирусское, антиатарское, антиисламское и антиправославное всеожжение — то есть, по-гречески, холокауст? (По-французски это исконно греческое слово звучит как «холокост»).

Итак, Россия для шовиниста — это завзятая, закоренелая, потаенная Азия, нечто прискорбно схожее с татарщиной. У Байрона же все такое — оно еще есть, конечно же, и «Скифия», согласно

западной мифопоэзе более чем двухтысячелетнего возраста [См.: Небольсин 1999]. И если отголосок такого прозвучал однажды даже у Есенина — «золотая дремотная Азия опочила на куполах» (стихотворение С. А. Есенина «Да, теперь решено: без возврата...», 1922); — то что же говорить о русских скифствователях уже совершенно мозговых и библиотечно-гимназических?

Вроде Брюсова-Блока-Белого: да, мы азиаты, мы скифы — и мы этим до крайности горды, ибо при всей нашей чахлости мы, недавние столичные гимназисты, привлекательны для наших декадентствующих «рабынь строптивых»: это они верят, что мы легко укрощаем их, рабынь, объезжаем совершенно диких коней, ломаем не бутафорской киркой слоистые скалы и т. п. Не будем, однако, перечислять или мерить одною меркою всех писателей, которые выдавали свой ли собственный, чужой ли морок за будто всемирную истину: «Азия» как «варварство» и т. п.

Да и мог ли тушинский вор смотреть на Москву глазами Дмитрия Донского или Юрия Долгорукого?

Правда, называя себя — для кого-то — чисто русским, вор в душе полагал свое дело, и само свое существо, благородно европейским. Как неприлично — считать, тем самым, глупость и ложь сущностью Европы! Однако важны не эпизоды. Во-первых, народным словом конфузные эпизоды предусмотрены наперед: скажем, русское скифствование — пословицей «назло тятке уши отморожу» [См.: Небольсин 1999]. Во-вторых, при всем множестве в нашей истории эпизодического, мимолетные мгновения заслоняет и теснит другое: чуть ли не всеобщая, исключая крайних западников, склонность понимать истину Москвы как высокую (**восток** и **восход** в их самом значительном смысле), а московское следование правде — как верность всемирному промыслу.

5

Москва, как все познаваемое, познается и в сравнении. Венгерский серб Михай Виткович (1778–1829) в своих стихах о нашей столице прибегает именно к такому поэтическому ходу:

Ныне найдется ли кто, чтоб о двух городах не слышал он?
Вена есть город один, а другой — это город Москва.
Их матерями зовут. Каковы же сердца матерей — показало
То, как недавно они Бонапарта встречали войска.

Финал или резюме этого сравнения —

Вена, спасая себя, губила чад своих малых —
Чад защищая своих, себя сожигала Москва.

Сравнивая тут Россию с Австрией, Виткович знает, чьим именно знаменам в наполеоновские годы действительно случалось «заблудиться» и вдохновлять солдат и военачальников на далеко не лучший, нравственно и политически, выбор (то есть выбор в пользу Наполеона). Лев Толстой говорит об этом в «Войне и мире» походя (кн. 4, ч. 1, гл. 1), но применительно к Витковичу нетрудно понять: для «маргинального» в известном роде славянина дело прямо-таки должно выглядеть иначе. То, что геополитика Вены известных лет обрекала на беду малые народы Австрии, и без того утесненные и угнетенные — является для такого поэта и чувствительным, и существенным, и прямо позорным:

Mostani században ki nem ösmér két anyavárost
Híríben? Egyik Bécs, másika Moszkva nevé.
Számos magzatait mindketteje, mily anyaszívvel
Kedveli, megmutatá nagy Bonaparte előtt.
Bécs önnön fiait, csakhogy maga élhessen, veszíti,
Moszkva, hogy élneek gyermeki, veszti magát.

(“Moszkva”, 1812)

Впрочем, достоверность этой антитезы перерастает свою собственную конкретику и снова переходит в измерения сверхисторические. Почти заведомо ясно, что лишь одна из двух описанных поэтом матерей права и подлинна. Москвичу это может льстить, Вене может быть упреком, справедливо брошенным из уст одного из «малых сих». Но нас здесь привлекают не столько чувствительные струны чьего-то национального самолюбия и не чья-то заземленно понимаемая геополитика, — будь она хоть верная, хоть ошибочная. Знаменательна проявляющаяся и здесь всеобщая тяга к **чрезвычайным** углам зрения и меркам. Ибо не библейски ли древен, не провиденциален ли этот образ — спор между двух женщин, притязующих каждая на достоверность именно своего материнства?

Если да, то позже Москва не случайно записала на одном из городских памятников и евангельские слова — о подтверждающей красоту и благородство человека заботе и жертве. (Памятник стоит у Ильинских ворот, недалеко от Лубянки.) А «Иерусалим новый» из Откровения св. Иоанна — восходящий к Богу не как призрак-домысел, а как прекрасная и верная невеста, украшенная для жениха своего (гл. 21, стих 1) — он позволяет опять вспомнить из сегодняшнего времени и о Москве тоже. Общее впечатление такое, что Москва, не пошедшая ни разу с повинной головою к «к тому, пред кем дрожали вы» (Пушкин «Клеветникам России»), — она как будто действительно почти для любого ее певца задумана не здесь, а на небесах. И Москва же словно предначертана со своей судьбой в величайших и совершенно домосковских Книгах.

А значит, конечно, тут опять налицо именно символ, и в нем срастаются и совмещаются, по истинному смыслу самого слова, и Москва, и Россия: это и наш город, это и наш мир.

Москва могла казаться жестковатой — то есть «слезам не верить», «бить с носка». Многие и из писателей наших это узнали — Ломоносов и Иван Суриков, например; а потом и Есенин с Николаем Рубцовым или Юрием Кузнецовым. (Несколько карикатурный аналог судьбам непонятых и не принятых — Венедикт Ерофеев. Благополучный же приспособленец, симулирующий свою исторгнитость «русскими фашистами» и свой изящный «нонконформизм» — это что-то вроде москвича из детей начальства Ерофеева Виктора.) И важно, что своего последнего художественного слова о Москве — которая способна порой оказываться холодна не только к новичку и к юношески очарованному страннику, но даже и ко всей создавшей ее стране — еще не произнес и народ в целом.

Москва иной раз — будто слепок со слабостей и заблуждений всей России; это тоже символично, хотя и должно разместиться на уровне гораздо ниже Завета и ниже взятого на себя русскою столицей — с готовностью и ответственностью — обета.

6

Углубимся еще далее в прямой предмет нашего рассказа — Москва 1812 года, как она воспринималась Европою по свежим следам великих событий. Тогдашний пожар нашей столицы немец Карл Теодор Кёрнер в сонете «Moskau» (1813) — это именно о Кёрнере думали мы, касаясь выше русского Феникса — описывает и осознает так:

Wie wölben dort sich deiner Kirchen Bogen!
Wie schwimmen der Paläste goldne Wände!
Es schwärmt der Blick, wohin ich ihn versende,
Von einer Pracht zur andern fortgeflogen.

Da wälzen sich auf einmal glüh'nde Wogen:
Es schleudern deiner Bürger eigne Hände
Auf eigne Dach die sprühnden Fackelbrände;
Ein Feurkreis hat prasselnd dich umzogen.

O, daß dich nur vom Aberwitz verdammen!
Ihr Kirchen, stürzt! Paläste, brecht zusammen!
Der Phönix Russlands wirft sich in die Flammen!

Doch hochverklärt aus seinem Feuerkranze
Wird er erstehen im frischen Jugendglanze,
Und Sankt Georg schwingt siegend seine Lanze.

Если только что процитированное тоже передавать по-русски и «подстрочно», то можно было бы предложить следующее.

Москва

Как [прекрасно-] округлы очертанья твоих церквей!
Как сияют золотыми переливами стены дворцов!
Разбегаются [в восхищении] глаза, куда ни глянь,
От великолепия то того, то другого года,
наплывающего на тебя.

И вот вдруг обрушиваются на все это волны пламени,
Собственными руками мечут твои граждане
На крыши собственных же домов пылающие факелы,
Огненное кольцо охватило тебя,
тебя оглушило треском и грохотом.

О, пускай тебя поносят, клянут за безрассудство!
[допустимый вариант — клянут, безрассудно-упорствуя]
Крушитесь же, церкви! Сотрясайтесь и падайте, дворцы!
Феникс России бросается в огонь!

Но из объятий пожара он еще более ярко
Восстанет в свежести своего юного блеска —
А замах копья Святого Георгия победоносен.

Москва-Россия, в восприятии Кёрнера, — это символическая триада: а именно, триада **красоты-великолепия — беды и самопожертвования — гибели и возрождения-победы**. Скажем больше: здесь есть уже и воскресение-увековечение. И бог любит эту тройственность, если нельзя сказать здесь троицу. Ведь недаром такой возвышенно-мифический образ, как Феникс, поддержан в сонете «Москва» фигурой столь прямого героя-воителя, как Святой Георгий.

В какой же мере и в каком ключе Кёрнеров образ Москвы разъясняет суть общеевропейской миссии России в памятные 1812 и 1813 годы? Да и суть русского исторического деяния и русского «международного присутствия» в принципе и всегда?

7

Прежде всего, сам по себе Феникс есть, по мнению многих, нечто весьма и сугубо неевропейское, архаично-древнее и «прелестное». Оно прелестно-пленительно, и — в меру языческих представлений — увлекательно-вдохновительно. Причем в поэтичности и «азиаткости» этого образа, связываемого с почти доисторическими «Ассирией» и «Эфиопией», оказывается как-то затушеван, либо смикширован традицией, элемент вероучительный, вероисповедально «маркированный».

Он — ибо язычество тоже своего рода верование — где-то и в каких-то заморских или заокеанских преданиях о фениксе, возможно, есть. Но на сегодня и в массово-обывательском, можно сказать, восприятии он приглушен некоей

общечеловеческой и секуляризованной практикой долгих заимствований и перепевов, некоей туманно-отвлеченной сказочностью. Она здесь выступает как чудо-красота (разумеется, «восточная»), но словно бы «без идеи». (Не та, говоря образно, красота, что когда-нибудь спасет мир.) Тайна тут и заключена, и она же, выражаясь несколько тавтологично, утаена от нас. Причем она утаена не своей, как это в искусстве бывает обязательно и в силу самой его сути, неисчерпаемой глубиной — а просто затерта давностью, заретуширована множественностью «рецепций». (При неизбежной длительности перепевов нередко ведь оказывается, в конце концов, почти забыто, что же именно исходно и что всеми нами, вплоть до газет, лишь перепевается.) А Феникс собственно внехристианского мифа — он гибнет даже не в огне: он томно «исходит», он благостно истлевет в ароматах своего пышного гнездилища. И в любом случае он, так сказать, гибнет не «из убеждений», и не ради каких-либо верований, а ради благополучного продолжения себя в своем потомстве. Это, собственно, и не гибель, а просто кончина отжившего свой век, хотя и не вполне зря.

Не без проверки по известным нам источникам подтвердим: о Фениксе-дереве, о Фениксе-птице «древние» писали именно так. Среди них — галикарнасский грек Геродот (V в. до н. э.), среди них латинянин Овидий (I век до Р. Хр.); Геродот делает это в «Истории» (книга вторая, Эвтерпа, параграф 73), а Овидий — в своих «Метаморфозах» (глава XV, стихи 393–407). Причем даже и Овидий, довольно поздний латинский языческий автор, оказывается не затронут веяниями той новой для человечества веры, которая уже тогда почти выросла — то есть зарождалась — на почве готовящейся стать православною Палестины. (Такие упреждения возможны. Вот ведь и античная Греция ждала и чтילה, еще не знакомая с Христом, «неведомого Бога» — см. Деяния апостолов, глава XVIII; «незримый хранитель» был и у нашего вещего Олега, хотя и еще некрещеного.)

Поэтому и важно вдуматься: насколько новая Европа, Европа немца Кёрнера была архаична по духу? Насколько она проделывала свой путь к Фениксу как трагически содержательному символу в режиме освоения мифического ассирийско-эфиопского образца, в режиме следования за греко-римской античностью — а насколько этот путь оказался не следованием, а переосмыслением всего подобного в духе Священного писания? Назвать его идеи архаикой — вроде бы ветошью, — могут разве что сугубые инноваторы Немцов и Хакамада — но русского и европейского в них мало, если пристально взглядеться в их лица и их ужимки.

Человек, не приверженный филологии дальнего следования, может уловить важные оттенки нашей темы и ее решения уже в недалеком преддверии эпохи Кёрнера. А именно, уже у Шекспира с именем Феникса — которое, по видимости, подсказала поэту будто бы древнеязыческая «Азия» — связаны представления, которые этой «Азии» и совсем не были знакомы.

Феникс для Шекспира — не любопытно-экзотический, биолого-ботанический феномен из сада или кунсткамеры мировых чудес, а жертвенно-воительное, духовно маркированное сопротивление злу, пороку, греху и смерти. Об этом говорят и трагедия «Генрих VI» (часть третья), и знаменитый XIX сонет, и песня «Феникс и Голубь» 1601 года.

Из пепла моего восстав,
Вам Феникс мстью будет
(«Генрих VI»),

или же

Ты притупи, о время, когти льва,
Клыки из пасти леопарда рви,
В прах обрати земные существа,
И феникса в крови его сожги
(сонет XIX),—

так с разных сторон испытывает классик общемировой, казалось бы, мотив; а в «Фениксе и Голубе» он подчеркивает через тот же образ еще и идею девственной чистоты.

И у Шекспира это не удивительно. Ведь он сам знал и испытал драматизм ухода от язычески-античного (эксплуатировавшегося в ренессансном ключе) к чистой христианской идее. Переход этот Шекспир тонко обозначил в «Гамлете», в «Отелло», в «Венецианском купце»; о такой грани в шекспировском миропонимании есть проницательная работа А. А. Ванновского, созданная в эмигрантско-японский период его жизни — «Движение Иисуса от иудаизма к христианству в понимании Шекспира». Причем Шекспир не случайно соотносил проблематику своего времени, своего собственного развития со всемирными ориентирами, которые вырабатывало и предлагало самое раннее, только еще зарождающееся христианство — то есть даже и с Ветхим Заветом, если его воспринимать в православной, не в иудаистской перспективе [См.: Ванновский 1989; Vannovsky 1962].

Причем важно следующее. Если при исчислении возраста священной для Шекспира и для Кёрнера символики начинать, скажем, с минус XVI века (Моисей и явившаяся к нему Купина), то эта сим-

волика легко поспорит в своей устойчивости с тем, что в том же, вроде бы, наполнении оставлено человечеству от Египта, Эфиопии и Ассирии. Иными словами, уже **Неопалимая купина Библии** — уже она есть своего рода объятость пламенем того, что нетленно, и того, что вдохновлено высшим вдохновением, а не просто занятно-стойкой, неистребимой верностью своему витальному началу. Пусть она свойственна таинственно-сказочной не по-христиански особи-дереву, особи-птице (и пусть это поэтично), но в соответствии языческому кругозору это и биологично, всего лишь биологично — как биологичны Фрейд и Бахтин на фоне столь деятельно эксплуатировавшегося ими Достоевского.

То есть, по сути дела, Купина, возникшая перед Моисеем (М., кн. II, гл. 3, ст. 2) — это нечто весьма и весьма древнее, ее древность исчислима, а ее истина по-особому высока. Она всегда и вечна, и обновляет. Феникс языческий начинается на Древнем Востоке, пребывающем в варварстве. Но Феникс «наш» имеет свое начало в Библии. Это уже не мир варварства; и не тому же ли образцу верны еще и отроки из библейской книги пророка Даниила, значительно более поздней, чем сказание о Моисее?

Эти сожигаемые злодеем-тираном — а именно вавилонянином Навуходоносором — отроки, наследуя образцу Купины (Даниил, гл. III, ст. 21–28), готовят мученичество святого Поликарпа, епископа Смирнского (середина II в. н. э.). Сей Поликарп предан казни сожжением от рук иудеев и язычников — но охранен благодарным и благоуханным огнем Господним, осенен венцом нетления и взят в круг горних: взят не истлевшим, но словно воскрешенным и тем самым увековеченным [См.: Писание мужей апостольских 2003: 393–426].

И когда, далее, епископ Римский Климент пишет о Фениксе как символике воскресения [См.: Писание мужей апостольских 2003: 119–188] — это уже намного больше, чем непритязательно-чарующее возрождение животного или растения.

На такое восхождение от биологически-экзотичного к духовно высокому указывают библейский Иов (29, 18), а на рубеже I и II веков новой эры Тертуллиан (О воскресении плоти, 13) [См.: Тертуллиан 1994: 188–199]; Назовем и латинянина Лактанция (III–IV вв. н. э.) с его поэмой «О птице Фениксе» (De ave Phoinice) — то есть с откровенно христианским и евангельским пониманием темы гибели-воскресения [См.: Фокин 2005: 291]. (Как раз Лактанций, предшествуя Шекспиру, и трактует Феникса как символику девственной непорочности.) Говорит о сходном также и тот упоминаемый Лактанцием псалом, согласно которому «праведник яко феникс процветает» (91, 13). Так что если полагать, будто Феникс у Карла Теодора Кёрнера есть Москва как воплощенная Россия именно в «античном»

смысле, — то этого мало; да это отчасти и просто ложно. Не всем ли известно широко распространенное мнение, будто в России «язычество соединилось, срослось и сожигается с православием»? Здесь перед нами очень схожие заблуждения или искажения истины.

Ибо очевидно — повторимся в весьма важном: язычески древний миф, будь он хотя бы и старше Купины, самым коренным образом преобразен христианским освоением первоначальной темы. (Так и в русской Масленице нет ничего карнально-свадьного, на что любят намекать; иначе брутально-плотское язычество пришлось бы находить и в пасхальном крашении яиц.) И то, что в прорусских стихах человека наполеоновской эпохи Феникс оказался поддержан обращением к святому Георгию — знаменательно вдвойне. Ведь перед нами — Ангел-хранитель не чей-либо, а именно Москвы, что само уже придает Кёрнеровскому сонету особую стройность: она выдержана от заглавия произведения — *Moskau* — до его завершающей строки. Немаловажно также: святой Георгий есть дух, наделяющий русского человека силою воительного деяния, а не только потаенной внутренней стойкостью. Ибо такое было судьбой отнюдь не каждого в Европе, кого захватили события 1812 года. В сонете Кёрнера перед нами не что иное как признанная на Западе самобытность и исключительность Москвы-России в подходе к тяжким испытаниям, которые тогда достались — вроде бы и якобы — всем или многим странам в равной мере. Все страдали, многие пахали и т. п.

И если уместно спросить: а разве не было Ангела-хранителя у Европы в целом? — то ответ один. **Таким незримым хранителем немощному европею была русская православная Москва.**

Иными словами, небесный покровитель нисходит к своим чадам не в силу авторского фантазирования, то есть не в режиме некоего *wishful thinking* («полагаю так, потому что такова моя прихоть»). Это произошло оттого, что и пойдя на жертву, и стоически претерпев напасть и жертвы, Москва-Россия **сама и в действительности** взялась за меч, дубину и «железную вилу». И хотя святой Георгий — фигура из общеевропейского канона, а все же символ веры явился символом дела именно в России 1812 года.

И благородная Европа, видя это, Москву-Россию своим художественным словом выделала, отвела ей особое место на общемировом историческом горизонте. Суждение не наше, а честного немца. Оно обновляет и расширяет и наш, чисто русский кругозор. Верно ли мнение Юрия Михайловича Лотмана, будто углубление умов из лавины фактов истории в философию истории в 1812–1813 годах шло именно по декабристской линии и обеспечивалось юным дворянским офицерством [Лотман 2008: 321]? Едва ли. Это

близко суждениям, будто суровой осенью 1941 года Москву спасли и заслонили, ринувшись в бой, некие угловато-хилые «мальчишки» или «мальчики» с Арбата или из Одессы. На деле это уж скорее совершили сибиряки. И не в головах интеллигентных лейтенантов, а в сознании рабоче-крестьянского воинства глубокая философия истории была издавна — она была и в бытине, и в народной сказке, и в солдатской песне. Кстати, любой созерцатель — даже издали — недавней лондонской Олимпиады согласится, что представления о хиловатости 17–18-летних русских юношей преувеличены. С поправкой на демографию 1930-х годов это еще более ясно.

9

Вернемся к старым временам. Восторженно написав об огненном испытании, об исключительном самопожертвовании Москвы 1812 года, молодой немец Теодор Кёрнер был обречен, увы, на скорую собственную гибель. Ведь он и сам стал прямым участником антинаполеоновских боев — уже на своей, германской земле. Человек классико-романтической — а такое бывало возможным — и особенно патриотической и интернационалистской, не русофобской складки, этот поклонник и Гёте, и Шиллера погиб под Гадебушем на исходе лета 1813 года.

Внушительный Völkerschlachtdenkmal — или Памятник битвы народов, что, увековечивая 1813 год, стоит в окрестностях Лейпцига — увековечивает, таким образом, и тот вклад в общеевропейское дело, который внес немецкий гражданин, поэт и воин. В каком-то смысле и этот лейпцигский монумент является поэзией, только запечатленной в камне.

Единство только что обозначенных измерений особо значительно. Лейпциг издавна был гордостью Германии, воспевался многими.

Mein Leipzig lob' ich mir,
Es ist ein klein Paris
Und bildet seine Leute,—

Говорил, в частности, Гёте. То есть *мой Лейпциг, который мне так мил,— он есть своего рода маленький Париж, и он сам выводит в свет своих добрых сынов.*

Может быть, эти слова о немецком дарении миру таких ценностей, которые достойны даже и Парижа, сами по себе у Гёте не содержали никакого воинственного вызова или лозунга. Может быть, тут — в первой части «Фауста», при описании «кабачка Ауэрбаха» — подразумевается лишь славный Лейпцигский университет, как не уступающий Сорбонне или небезуспешно соперничающий с нею. И для иного парижанина могло быть даже важным подчер-

кнуть, что к баталиям наполеоновских войн ученый олимпиец Гёте оставался почти безучастным, даже оправданно безучастным: ведь гений тогда писал свой возвышенно-умиротворенный, от всякой политики отрешенный «Западно-восточный диван». Именно таким рассуждением-сонетом француз Теофиль Готье и начинал свой знаменитый сборник «Эмали и Камеи» («Émaux et Camées», 1852), делая это почти через сорок лет после падения наполеоновского Парижа:

Pendant les guerres de l'Empire
Goethe, au bruit du canon brutal,
Fit le Divan occidental,
Frais oasis où l'art respire.

Pour Nisami quittant Shakespeare,
Il se parfuma de çantal,
Et sur un mètre oriental
Nota le chant qu'Hudhud soupire.

Comme Göethe sur son divan
A Weymar s'isolait des choses
Et d'Hafiz effeuillait les roses,

Sans prendre garde à l'ouragan
Qui fouettait mes vitres fermées,
Moi j'ai fait *Émaux et Camées*.

В России переводчиком Готье изяществующего выступил Николай Гумилёв. Может быть, при этом он несколько смирял свой дух поэта-воина. Ведь этот дух, а не политическая индифферентность, составил ему стойкий «имидж» и высокий авторитет у лиц противоположного пола. И Гумилёв перевел Готье как-то не по-своему. В его переводе, явно выполненном и ради красиво французского имени «Готье», и ради грациозно-салонного заглавия книги, налицо следы как «потения» не вполне благоуханного, так и небрежности. Но иного перевода у нас нет:

В часы всеобщей смуты мира
Оставил Гёте ратный стан
И создал «Западный Диван»,
Оазис, где рокошет лира.

Для Низами забыв Шекспира,
Он жил мечтой далеких стран
И ритмом звучным, как орган,
Пел о Гудут, живущей сиром.

Как Гёте на свою тахту
В Веймаре убежал от прозы
Гафизовы лелеять розы,

Оставив дождь и темноту
Стучаться в окна мне сильнее,
Я пел «Эмали и Камеи».

Вернемся к подлиннику. Мы не рискнули бы что-то противопоставить увлекшим мичмана Гумилёва суждениям Готье как гётеведа [Готье 1989: 324–325]. Ясно лишь, что в жеманных «Эмалях и Камеях» и вправду нет отзвука высокой политики. Нет там и высоты гётевского качества, хотя Готье самонадеянно намекает, будто оно налицо. Наконец, мы даже и не станем утверждать, будто устранение от «шума времени», будто глухота к грохоту пушек обязательно обесценивает и опресняет поэзию гения — масштаба, скажем, того же Гёте. Однако если продолжать тему Москва 1812 — Лейпциг 1813 года, то тут уж точно ясно по крайней мере одно. В судьбе Карла Теодора Кёрнера и его соотечественников, которые были единомышленниками Москвы, Лейпциг оказался не только малым подобьем Парижа. Лейпциг, чей университет, кстати, как раз некогда окончил и сам Кёрнер, стал прямо-таки воротами в Париж — то есть в город, тогда еще плененный узурпатором, но уже приговоренный общеевропейским, и притом праведным, судом народов к спасительному насильственному освобождению. Так сказать, это была западная свобода поневоле.

Лира и меч (а именно так озаглавил вскоре отец Теодора Кёрнера его посмертный сборник стихов — «*Leier und Schwert*», 1814) в этом суде участвовали с полным согласием и взаимодействием. Причем какую-то волю провидения приходится усматривать и в другом: те стихи швейцарца Конрада Майера — «Наполеон в Кремле», — которыми мы начали наш очерк, также увидели свет не где-нибудь еще, а именно в Лейпциге. Любопытно еще, заметим мимоходом, что как начало работы над «Наполеоном в Кремле», так и завершение ее приходится у Конрада Майера на памятные годы — полвека пожару Москвы (1812) и семьдесят лет со времени этого события, то есть на годы 1862 и 1882.

9

Судьба могла отторгать европейского поэта не только от битв, сотрясавших весь континент, она могла отдалять его даже от собственной же его родины. Безразличие или неприязнь к своему отечеству делали человека бесчувственным и к родинам чужим. А это в конечном счете лишало личность чутья и к самому общему, всемирному смыслу времени. В романтической или почти декадансной интерпретации подобное могло эстетизироваться и украшаться. Так происходит в «Плавани» Бодлера, восхитившем нашу поэтессу Марину Ивановну Цветаеву.

Что нас толкает в путь? Тех — ненависть к отчизне,
Тех — скука очага, еще иных — в тени
Цирцеиных ресниц оставивших полжизни —
Надежда отстоять оставшиеся дни.

Таким образом, убого-угрюмое одиночество могло приравняться к пылким или горьким, но аристократично-изысканным уладам существования. У Бодлера вражда странника к родному (не мать, спасающая дитя, а сын, ненавидящий мать) даже запечатлена, по-французски, резче, чем в только что приведенном переводе уважаемой и тоже по-своему пылкой (ну, почти как Анна Андреевна Горенко и Гумилёв) Марины Ивановны:

Les uns, joyeux de fuir **une patrie infâme** —

то есть речь у Бодлера идет о **гадостной, о пакостной и омерзительной родине**. Каково? Русского скитальца Печерина (был такой), с его признанием,

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья —

это если и напоминает, то напоминает сугубо типологически. Однако что до британца Байрона, то уже именно его, и вполне избирательно, Бодлер-циник 1852 года явно мог держать в поле зрения, то есть выделяя среди скитальцев вообще.

Не чуждый политике как трибун-парламентарий, Джордж Гордон Байрон с высоким презрением мятежного лорда, денди-демократа относился то к Англии, то к Наполеону, то к России. Империя скифов во главе со своим лжевеликим Александром, которую, как мы помним, поэт видел в нашей стране, причем и сам царь для него был

умом казак, лицом калмык
(a Calmuck beauty with a Cossak wit)

— этот колосс, по Байрону, рано или поздно рухнет. Уже сейчас его солнце над полуварварскими минаретами церковей — есть не что иное, как солнце заката (Они, купола церковей, по Байрону, «gleam in the sun, but 'tis a sun that sets»). И колосса ждет крушение если не от пожара 1812 года, то от пожара освободительно-всемирного. То есть пожар антинаполеоновский — это да, это пока что успешная самооборона Москвы — сопротивление русских увенчавшей себя короною так называемой «европейской демократии», с ее на время посрамленными юридическими факультетами и законностями. А пожар, еще только мечтаемый Байроном — тот, наоборот, стал реваншем, явится победой все той же европейской демократии. Последняя имеет в лице России своего последнего и наиболее упорного врага.

Ты будешь стоять в одиноком нерушимом величии долго —

обращается Байрон к горячей Москве в цитируемой нами и здесь поэме «Бронзовый век» (1816),—

однако лишь до тех пор, пока тебя и тебя, наконец, не поглотит пламя, сметающее все империи мира!

(В подлиннике — *Thou stand'st alone unrivalled, till the fire // To come, in which all empires shall expire!*)
Строки эти очень нравились нашему депутату Балтики, профессору-ботанику Климентию Аркадьевичу Тимирязеву. Он про это написал целую статью-брошюру «Пророчество Байрона о Москве».

Так или иначе, а самосожжение русской столицы — есть ее, в конечном счете и в дальней перспективе, шаг ко все-таки бесславному, позорно-плачевному краху.

Идея же Феникса-воскресения в контексте и в духе христианских ценностей Байрону чужда. Не случайно, что для такого поэта оказалась недостижимой и зрелость исторической мысли вообще. Чтобы осознать и сам этот факт незрелости, и постичь его причину, достаточен трезвый учет одного: ведь помещать, как Байрон, раздумья о бытийственных сверхнапряжениях истории в рамки забот о непременной при этом «демократии» — подобное бывает и сейчас — являлось прямой инфантильностью. И оправданно, что уже не раз помянутый Гёте, он во второй части «Фауста» рисует покинувшего мир английского поэта как не вполне сформировавшегося юношу.

Однако у тех, кто связал свою судьбу с бедами и со спасительными деяниями России сочувственно и кто с ратным делом России породнился через свой собственный боевой подвиг, такой их выбор (а это был выбор не по крови, а по духу) означал, конечно, не наивность и детскость. Он обеспечивал, наоборот, даже ускоренное взросление, созревание, вступление в совершеннолетие. Это как раз такое взросление, какое выразительно и состоялось, и описано у нас, русских, тоже — а именно описано Пушкиным в его царскосельских воспоминаниях.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас.

(«Была пора: наш праздник молодой...»,
1836)

Ведь пушкинский Лицей и на самом деле оказался этапом перехода от русского отрочества, бредившего всяческими Парижами и Гёттингенами, к русскому совершеннолетию. И такой переход без 1812 года не состоялся бы (по крайней мере, именно в судьбе насквозь либерального Лицея и лицейстов).

Имело место, как мы уже говорили, своего рода несовершеннолетие и в Европе тех лет. Ребячливая

незрелость могла и пребывать в башне из слоновой кости (я тут мыслю, я творю нетленное), и сидеть в парламентской палате, и гулять по казармам в поход собравшихся солдат, которые все враз возмечтали о маршальском жезле (*Malbroug s'en va-t en guerre, etc.* — у нас это известно как «Мальбрук в поход собрался» и т. д.). Не такая ли Европа-отроковица тогда послала на Москву свои двенадцать языков?

Так сказать,

Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит —

и т. д.; но, конечно, совсем не буквально по Лермонтову. Это шло по уставу общеевропейского дома терпимости, по прописям все тех же «вольности и прав» и такой геополитики, которая требует сокрушить азиатскую недочеловеческую гадину и освоить, наконец, ее доселе не знавшие должного употребления недра и черноземы.

И лишь лучшей части западного мира было дано, как это сделал Карл Теодор Кёрнер, почтительно склониться перед подвижничеством совершеннолетнего — и пойти самой вслед образцу. Франция, одаренная, восхищенная возможностью глядеть прямо в Париже

на пляску с топаньем и свистом
под говор пьяных мужичков,

одетых в шинели, не могла тогда не признать, что хоровод как культурный принцип выше карнавала.

II

Кёрнеровский Феникс, поддержанный святым Георгием Победоносцем, упорядочивает представления о России начала XIX века самым насущным образом: Москва-Россия 1812 года не просто «страдала, как и все»: **Москва сопротивлялась как никто**. И засвидетельствовавший это поэт взял самопожертвование Москвы-России за образец самому себе, когда тоже выходил и пасть, и победить на поле боя.

К 1843 году этой кончине-гибели исполнялось ровно тридцать лет. И братски-благодарная Россия — в лице или по почину либо же при умном содействии журнала «Москвитянин» (1843, № 3) — помянула немецкого поэта-героя достойным приношением. Это был фетовский перевод «Москвы» Кёрнера:

Как высоки церковей златые главы,
Как царственно дворцы твои сияют!
Со всех сторон глаза мои встречают
И гордый блеск, и памятники славы.

Но час твой бил, о город величавый!
Твои граждане руку поднимают,
Трещит огонь, и факелы пылают,
И ты стоишь в горячей ризе лавы.

О, пусть тебя поносит исступленье:
Ломится башни, рушется палаты!
То русский Феникс, пламенем объятый,

Горит векам... Но близко искупленье:
Уже под клик и общие восторги
Копье побед поднял Святой Георгий.

Не без блеска выполненный Афанасием Фетом перевод — это дар памяти Теодора Кёрнера; дар это заслуженный, и едва ли дар запоздалый. Ведь дело в том, что для русского исторического сознания и самосознания он значим и драгоценен в любое время, в любую эпоху.

12

Правда, русский поэт-переводчик внес в произведение 1812 года кое-что и из эпохи своей. Если слышать финал сонета, а именно финал в его русском переводе, с немецким подлинником, то нельзя упустить из виду, что никаких *исступленных поношений* —

О, пусть тебя поносит исступленье! —

у самого Теодора Кёрнера не упомянуто. И соответствующая строка подлинника —

Oh, daß dich nur vom Aberwitz verdammen! —

такого смысла не имеет. Разумно ли, однако, понимать сделанное Фетом как неточность? Например, как оплошность перевода, либо как его немотивированную вольность, либо же как ухищрение полунаугад и лишь ради верности некоему общему ритму стиха? Или, если разобраться, различие оправдывается чем-то иным?

Конечно, возможно многое. Но скорее всего, Афанасий Фет никак не «теснит» подлинник и никак не унижает своего предшественника. Ведь ему он обязан и своим вдохновением и, в какой-то степени, как погибшему ради жизни других немцу, он обязан отважным немцам самим своим существованием, ибо родословная Фета-Шеншина известна. Нет, Шеншин-Фет делится с нами чем-то особым. Это особое достояние Фета — знание о каких-то таких последствиях или отголосках 1812 года, которые в поле зрения Кёрнера не попали и не могли попасть.

Что же именно и в чьих послевоенных, послекёрнеровских суждениях о Москве-России заслуживает обозначения как *исступленные поношенья*?

13

Конечно, Фету было знакомо немалое из направленного Западом, к тому времени, против России или же из печально примечательного западной недооценкой России — от Томаса Карлейля до множества уже затронутого нами здесь Байрона.

Ближе всего к 1843 году именно Карлейль, тогда только что закончивший и издавший свой курс лекций «О героях, почитании героев и героическом в истории». Карлейль там не вполне доволен Россией, ему мало ее ратных свершений. И по Карлейлю, не имея великого поэта — между тем как жалкая на сегодня Италия все-таки располагает наследием Данте, — Россия с ее пушками и казаками ничтожна [Карлейль 1994: 94]. Несколько дальше от Фета по времени Байрон; и у него, в качестве типично русского — все те же орды скифов, нелепо-величественный российский император, мало что значащий всемирно-исторически пожар Москвы. Постижения России по существу — здесь очень мало; лишь саркастическая нота высока — опять же в меру неведения. Так и у Карлейля, по неведению же, Россия конца 30-х годов объявлена ничтожной страной, не имеющей достойной ее дел поэзии.

Но сарказм еще не есть *поношение*, особенно *исступленное*. Нужно искать что-то другое. В связи с этим наше предположение таково: скорее всего Фет, вводя в кёрнеровский сонет «Москва» отсутствовавшую там ноту, невольно откликнулся на иное, на этот раз уже и действительно злобно-истощное поношение России устами европейской буржуазно-демократической общественности. Именно такое исступление омрачило страницы западной печати в связи с польскими событиями 1830–1831 годов. И этому именно поношению, этому анафематствованию русский поэт хотя и в отрочестве, но был свидетелем сам.

Вель Шеншин-Фет родился в 1820-м году. А по поэзии Пушкина он анафематствования 1831 года уж тем более хорошо помнил. Так что важно, уже почти закрывая нашу работу, и нам вспомнить пушкинский отклик на то, что действительно было достойно имени «поношение» — хотя впрямую с пожаром 1812 года не сопрягаемо. В стихах «Клеветникам России» Пушкин вполне пронизательно разгадывает, отчего так бушует разгул-вакханалия антироссийской злобы, исходящая от якобы «народных» витий Запада. И классик не без оснований связывает это именно с тем смущением и смятением, которые были внесены в некоторые западные умы героическим русским опытом 1812 года.

Евгений Александрович Евтушенко однажды, на наших глазах назвал это политической ошибкой

Пушкина. Однако Пушкин обязывает нас к иному: обязывает продолжить в том же духе.

Да, «ненавидите вы нас». Ненависть может быть и иррациональна. Уже помянутая французская ксенофобия разве не такова? Однако стоит и вдуматься: если вы все-таки ненавидите нас по-своему оправданно, то ненавидите

За что ж?

Ответствуйте: **за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью испутили
Европы вольность, честь и мир?**

О, именно за это! Пусть ненависть не имеет национальности, однако она многолика. Например, возможно ведь презрение к винограду за то, что он недозрел — а возможно и за то, что он и сочен и недоступен в виду своей высоты:

Fame coacta vulpes alt' in vinea
Uv' appetebat summis saliens viribus,—

как об этом повествовала старинная басня про лису и виноград. Так по-разному относятся и к злу, и к чужим достоинствам.

Есть зло, есть мировое зло, есть хронический носитель мирового зла. Возможна ненависть к злу, возможна ненависть к носителю мирового зла, возможна нетерпимость к носителю мирового зла. Но вы можете ненавидеть и того, кто не хуже, и кто не случайно более везуч, а кто попросту и явно лучше вас. Возможна и клиническая, геростратова нетерпимость к высокому добру, на которое ты сам неспособен — и ты вместо благодарности завидуешь добру и источаешь злобу, пыпешь злобой. Тебе ненавистен красный флаг над Рейхстагом, ненавистен Сталин, ты не приемлешь, да и не заслужил,

ни Ордена Красного Знамени,
ни Ордена Красной Звезды,

как сформулировал это Виктор Верстаков, хотя и сформулировал несколько по-иному, нежели у Пушкина.

И тут нам особенно важен Пушкин. Он затрагивает в ответе клеветникам один из любопытнейших феноменов человеческой психологии.

Это не столько «месть Шаруканя», о которой мы уже говорили. Это злоба, питаемая спасением к тому, кто бескорыстно явился ему, слабосильному духовно, спасителем. Это злоба слабого к тому, кто видел эту слабость слабого и не подражал ей, не оправдывал себя ею. И если говорить еще

и о психологии социальной, то это вот что. Это злоба, питаемая порой освобожденным трусом к герою-освободителю, к народу-освободителю. Она может быть лелеема к бесстрашному герою только за то, что освободить себя самому, своим собственным подвигом, своей собственной кровью, а не кровью чужой оказалось для каких-то народов, поработенных и сдавшихся, не под силу [Небольсин 1999: 134–135].

Кстати, не возводит ли тут Пушкин русское всеосвободительное подвижничество 1812 года опять же к изначально православным скрижалям? И, при этом, не заглядывает ли он в будущее — скажем в 1945-й год? В 1953-й? В 1968-й? В 1979-й?

Мы в начале своего очерка уже упоминали христианские скрижали как канон русского исторического бытия и действия: **истинно, истинно говорю вам, что никто не несет в себе такой любви, как тот, кто душу кладет за други своя** (Иоанн, XV, 13). И пусть будет не так, как я хочу, а так, **как Ты хочешь** (моление в Гефсеманском саду в Иерусалиме — как о нем рассказано Лукой в его Евангелии). Выбор между бонапартовой «наглой волей» и «Господней волей», благословившей жертву Москвы (так у Пушкина, так у Лермонтова, которых Карлейль 1840 года мог считать не существующими) — такой наш выбор к завету святых скрижалей не был безразличен.

14

Одновременно этот выбор являлся и свидетельством, что же именно в Европе начала XIX века следовало вообще считать собственно европейским или наиболее европейским.

Здесь перед нами весьма и весьма чувствительный аспект того «спора с Европой», который тогда был сужден России. Но это еще и спор, в который России пришлось вступать также и в дальнейшем — не раз и даже всегда, вплоть до середины XX века по крайней мере.

Здесь полезно осознать, как шло зарождение европеизма и, в меру этого, нарастание европейского сущностного единства. Ведь Европа стала Европой вовсе не от того, что пылкую, прельстительную и доверчивую деву с таким именем когда-то похитил и унес с собою в Элладу божественно-похотливый бык. Едва ли наши начала стоит также исчислять и сугубо географически-геологически — то есть относить все европейское самоопределение к неким сдвигам земной коры, которые однажды выделили из окруженной океаном бесформенной массы особый материк. Сомнительно и принимать здесь за ориентир для отсчета ту — хотя бы и «исторически-конкретную» — эпоху, когда

от Пиренеев до Урала уже повсюду жили похожие друг на друга питекантропы. (Мол, тогда всему континенту, и всему одновременно, были свойственны, например, одинаково пещерно-дикое собирательство, бортничество, технологически однородная охота на мамонтов, схожий повсюду каннибализм или сходное повсюду идолопоклонство). Едва ли, наконец, объединила Европу в собственно Европу и языческая античность: дело не в том, что и в античности имело место идолопоклонство — но хотя бы в том, что Скандинавии, Польши и Европы собственно восточной античная классика идолопоклонства вообще не коснулась, за исключением разве Крыма.

Все, скорее, иначе. Даже при полной свободе везть когда и где угодно, некий и на самом деле объединяющий людей разных, любых и всех искренних наций дух проник в Европу и в Россию в другое время, в другие времена. И случилось это хотя не миллионы лет назад, но все-таки за много веков до какой-либо нашей административной или гимназически-университетской европеизации. Вполне европейский дух до высокой степени владел нами уже и в нашем предчувствии или ощущении «незримого хранителя», как при вещем Олеге с его сопротивлением неразумным (точнее, бездуховным) хазарам и всяческому иному Дикому полю либо старому Иерусалиму. Он владел нами и при дальнейшей, нашими силами, защите западных соседей от дальнеазиатского нашествия чингизидов, и в Куликовской битве, и при испытаниях Москвы в Смутное время. Причем на 1812 год и в западной Европе еще сохранялись культурные силы со вполне родственным этому духу настроением. Силы эти не были затронуты или подавлены карнавализмом, партикуляризацией общенациональных или общеевропейских интересов, не были потеснены вероисповедальным релятивизмом, попросту секуляризмом, да и сугубо шовинистическим русофобским бонапартизмом. Высокопросвещенное со времен святого Владимира российское историческое дело эти западноевропейские силы воспринимали приветственно. Вера шла здесь рядом с поступком, **цель оправдывала жертвы**, и в меру названного слово оказывалось особенно действенным. При этом давнее и одухотворенное историческое сознание и самосознание России не было поражено, при самой глубокой насыщенности волей к свободе, и какими бы то ни было разновидностями либерализма.

Для девиаций в сторону от нашей национальной идеологической матрицы всяческие ростки либерализма и соотносимой с ним терпимости, разумеется, послужили бы подспорьем. Однако корневое и ствольное вещество русского мира уже издавна обладало тем историческим сознанием, которое

так импонировало наиболее чутким умам западной Европы. Это обеспечило ей в наполеоновскую эпоху интереснейшие поэтические достижения, вполне соотносимые и с дальнейшей, если не вечной, борьбой идей вокруг России XX и XXI веков.

15

Русскому-европейцу — то есть европейцу в исключительном, подлинном и всемирно достойном смысле — верность всего сказанного выше доступно и почувствовать, и прочувствовать, и убедительно доказать: 1. Европейскость — это преданность изначально правой и славной вере; 2. Россия долгое время и спасительно для мира была сугубо европейской в этом высоком смысле державой; 3. Москву 1612, 1812, 1941 годов спасал Святой Георгий; ангелом-хранителем Европы как хранительницы высших мировых ценностей была Москва; 4. По высоте своей любви (кровь за други своя, кровь за сынов и братьев) Москва — мать других столиц и их надежда в отстаивании ценностей попираемых.

На самых острых гранях русского православно-деятельного самоотверженно-жертвенного самосознания и мироощущения — русской национальной, в крови и с молоком матери заложенной чувствительности даже — русские постоянно находят в себе, постигают и испытывают одно и то же. (Разумеется, они таковы вместе со всеми искренними народами голубой планеты Земля.)

Наше жертвенное, по осознанному намерению и склонности спасительное и не эгоистичное присутствие в длиннейшей череде мировых дел, точек и событий не всегда было, разумеется, одинаково триумфальным. Бездарность, порою, русских политиков-политиканов ничуть не менее, чем упомянутая в начале этого очерка *простоватость* патриотов, осложняла дело — не говоря уже о внешнем, вчуже недружелюбии к России и Москве, о чем также говорилось; а это говорилось Крыловым, Пушкиным, Фетом, Тютчевым.

Поэтому оказывается невозможным равнять свершения на Гиндукуше 1979–1989 годов со, скажем, однородными по духу боями против шовинистической бандеровщины в 1944–1952 годах. Упорядочение мировых и европейских дел в Корее (1952 г.), в Берлине (весна 1953 года), по Дунаю и Тиссе в 1956 году, на Карибском море (1962–1963), в Индокитае чуть позже, в Богемии и на сопредельных братских славянских землях в 1968–1969 годах, вокруг Кавказа в середине 1990-х годов — все это, при соотнесенности в жертвенно-деятельном духе, не достигает по уровню и качеству того, что достигалось в 1612, 1812–1813,

в 1941–1945 годах: от первых боев по обороне Москвы и Европы до сокрушения Рейхстага или власовцев около Праги. Все, что упомянуто здесь, включая и сражения Великой Отечественной войны, к тому же и не нашло высококачественного литературно-художественного отображения в полном и должном объеме.

Однако важное и неизменное во всем упомянутом требует однородного историко-философского осмысления и твердой, непреклонной оценки. Ибо во всех перечисленных обстоятельствах Москва-Россия была готова, **жертвуя, спасать**; многое она действительно спасала (по крайней мере, от окончательного распада и хотя бы на недолгий срок), причем цель, как мы уже говорили, **оправдывала жертвы**.

Ненависть же к Москве за то, что она чрезвычайно высоко и достойно ставила духовную планку себе и подавала тем самым непосильно высокий пример-образец другим — эта ненависть мешала полному решению основного вопроса философии слишком часто. Ненависть к спасительной красоте и совершенству русского дела и примера (то есть отнюдь не к его порочности, либо к нашей нечестности и т. п.) — такая ненависть не раз пыталась затоптать в грязь то, что создавалось русским всемирно-историческим побуждением и складом жизни.

Однако мифическая (то есть коренная) и глубоко символическая вера искренних народов в святость Москвы-России и в ее необходимость для

обеспечения миру высокой правды — это сквозная черта в судьбах искренних народов, определяющая главное в истории нашей международной репутации.

ЛИТЕРАТУРА

- Ванновский А. А. Новые данные о влиянии Шекспира на Пушкина // Пушкинист. Вып. I. М., 1989.
- Готье Т. Эмали и камеи. М., 1989.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Л., 1984.
- Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994. С. 94.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб, 2008.
- Москва в русской и мировой литературе. М., 2000.
- Небольсин С. А. Пушкин и европейская традиция. М., 1999.
- Небольсин С. Карнавал или хоровод? // Литературная газета. 2004. 17 июля.
- Небольсин С. Москва как миф, сказка и обязательство // Москва в русской и мировой литературе. М., 2000.
- Писания мужей апостольских. М., 2003.
- Vannovsky A. The path of Jesus from Judaism to Christianity as conceived by Shakespeare // Disclosure of a hidden Jewish plot in Shakespeare's tragedy "Hamlet". Tokyo, 1962.
- Meyer C. F. Gedichte. Leipzig, 1882.

Институт мировой литературы
им А. М. Горького РАН,
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
психолого-педагогический университет».
Поступила в редакцию 14.01.2013 г.

UDC 82-1

“RUSSIAN PHOENIX”: MOSCOW IN 1812 AS A SYMBOL OF RUSSIAN AND EUROPE POETRY

S. A. Nebolsin

The article analyses reception of Moscow image in 1812 in poetic works of Russian and Europe writers, The work shows national, ideological differences in understanding of capital role in spirit life of Russia.

KEY WORDS: Russian poetry, Europe poetry, War 1812, Moscow image.

ДЕРЖАВИН И СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Н. Ю. Желтова

В статье рассматриваются державинские традиции в творчестве поэтов серебряной эпохи, представителей разных эстетических течений и направлений. Анализируются формы и способы творческого переосмысления державинского наследия в поэзии В. Брюсова, В. Маяковского, М. Цветаевой, А. Ахматовой, О. Мандельштама и других.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А:
Державин, литература серебряного века, литературная традиция, модернизм.

Русская литература первой трети XX века — это самый сложный историко-литературный промежуток, включающий в себя сразу несколько художественно-идеологических эпох и реальностей: литературу «серебряного века», советскую литературу, литературу русского зарубежья и «потайную» литературу. В этой связи представляется, что творчество Г. Р. Державина на протяжении всей первой трети XX века было одним из тех цементирующих оснований, которое позволило русской литературе сохранить свое единство. Поэт стоял у истоков создания русского литературного языка, выступал как национальноориентированный писатель, заложивший многие духовные, философско-этические, художественно-эстетические традиции великой русской литературы.

Для русской литературы первой трети XX века было характерно постоянное возрастание интереса к творческой личности Г. Р. Державина, новаторское осмысление заложенных им традиций. И это, видимо, не случайно. Имя поэта в XVIII столетии прочно связывалось с темой обновления поэзии: и тематического, и языкового. Литература серебряного века, вдохновляемая творческими экспериментами Державина, первой начала движение к принципиально иной эстетике, заключающейся в поиске и обозначении национального начала, художественной рефлексии, узнавании в человеке творца, личности, теурга.

Смешение стилей, течений направлений, творческий синтетизм рубежа веков — созвучные державинской мысли творческие тенденции. Революционные подходы поэта к реформированию отечественной поэзии, основанные вместе с тем на высоком художественном мастерстве, глубоких духовно-нравственных началах, имеют очевидное сходство с эстетикой русского модернизма. Не случайно в начале XX века личность Державина оказалась близка практически всем направлениям серебряной эпохи: реализму, символизму, акмеизму, футуризму, новокрестьянской поэзии, а также поэтам, находившимся «вне школ». В 1920–1930-х годах державинские традиции отчетливо прослеживались в литературе русского зарубежья, «потайной» литературе.

К творческой личности Державина глубокий и устойчивый интерес проявляли такие мэтры русской литературы, как В. Я. Брюсов, А. А. Блок, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, А. Белый,

А. А. Ахматова, Н. Гумилёв, О. Э. Мандельштам, М. И. Цветаева, В. В. Маяковский, И. Северянин, Б. Пастернак, В. В. Набоков, В. Ф. Ходасевич, И. Ф. Анненский, А. И. Несмелов, М. Горький, И. С. Шмелёв, В. О. Домбровский, М. А. Булгаков. И этот перечень имен представляется далеко не полным.

Как и в XVIII веке, в XX столетии обновление русского искусства, литературного творчества снова произошло через поэзию. В этой связи представляется закономерным большой интерес родоначальника и мэтра русского символизма В. Я. Брюсова к поэтическим новациям Г. Р. Державина. Критик Д. П. Святополк-Мирский, в статье посвященной Брюсову, проводит знаменательную параллель, подчеркивающую тематическую общность поэзии двух ярчайших художественных индивидуальностей: «Гоголь назвал Державина “певец величия”, но слова эти гораздо лучше подходят к Брюсову. Величие — главная тема его поэзии» [Святополк-Мирский 2002: 88].

Однако представляется, что не только тема величия связывает двух художников. Пытаясь найти средства для реформирования художественного языка и поэзии в целом, Брюсов активно обращался к опыту предшествующих эпох и поколений. В круг его творческих интересов входила и масштабная личность Державина. В 1905 году в первом номере журнала «Весы» Брюсов публикует статью «Священная жертва», которая стала ярким образцом эстетических деклараций начала XX века, программным произведением русского символизма как литературного направления, попыткой заложить философско-теоретический фундамент нового искусства.

Сама статья начинается с обозначения Брюсовым полемики, которую вел Пушкин с Державиным, причем со ссылкой на другую величайшую фигуру русской литературы: «Пушкин, когда прочитал стихи Державина “За слова меня пусть гложет, за дела сатирик читит”, сказал так: “Державин не совсем прав: слова поэта суть уже дела его”. Это рассказывает Гоголь, прибавляя: “Пушкин прав”» [Брюсов 1987, 2: 88].

В своих размышлениях о новом искусстве Брюсов отталкивается от художественно-идеологических принципов поэзии Державина, указывая на назревшую в начале XX века необходимость изменения творческих задач поэта, формирования у него принципиально иного самосознания, новой роли в обществе: «Во времена Державина “слова” поэта, его творчество казались воспеванием дел, чем-то сопутствующим жизни, украшающим ее. “Ты славою, твоим я эхом буду жить”, говорит Державин Фелице. Пушкин поставил “слова” поэта не только наравне с “делом”, но даже выше: поэт должен благоговейно приносить свою “священную

жертву”, а в другие часы он может быть “всех ничтожней”, не унижая своего высокого призвания» [Брюсов 1987, 2: 88]. Фактически Брюсов призывал современников-поэтов к тому, чтобы взять за основу державинскую традицию и пытаться ее преодолеть в новом искусстве, которое должно быть «чем-то более важным и более реальным, чем жизнь» [Брюсов 1987, 2: 88]. Это почти точное повторение лозунга символистов: “*A realibus ad realiora*”, который предложил Вячеслав Иванов.

Брюсов прямо указывал на заслугу Державина в том, что он стремился разграничить реальную жизнь поэта и его роль в искусстве, фактически указывал на Державина как на прямого предшественника символистского мировоззрения: «Искусство не есть жизнь, а что-то иное. Поэт — двойственное существо, амфибия. То “меж детей ничтожных мира” он “вершит дела суеты” — <...> служит <...> министром, как наперник царей, Державин, — то вдруг, по божественному глаголу, он преобразается, душа его встревенулась, “как пробудившийся орел”, и он предстоит, как жрец, пред алтарем» [Брюсов 1987, 2: 94].

Неслучайно Брюсов, как и Державин, осуществил перевод оды Горация «Памятник». В этом произведении, написанном в 1912 году (за год до 200-летнего юбилея Г. Р. Державина), поэт словно перебрасывает своеобразный мост от эпохи классицизма к поэзии символизма, подводит ее своеобразные итоги. По форме эти произведения чрезвычайно похожи. Оба написаны ямбом, четырехстрочными строфами, хотя отчетливо наблюдается разность в выборе выразительных средств. Если у Державина в стихотворении преобладают эпитеты («памятник чудесный, вечный», «вихрь быстротечный», «народах неисчетных», «заслугой справедливой», «в сердечной простоте»), то у Брюсова основную смысловую нагрузку несут метафоры («распад певучих слов», «подарок благосклонных муз», «горящие страницы»). Это обстоятельство представляется также не случайным, поскольку свидетельствует о ключевом принципе художественного языка символистов, образность которого основана на многослойной развернутой метафоре.

И «Памятник» Державина (1797), и «*Sume superbia*» Брюсова отражают по сути творческое кредо двух поэтов. Причем оно имеет много сходных черт. Державин в своем произведении прежде всего фиксирует свои заслуги как реформатора русской поэзии, обращая внимание на введенный им «забавный русский слог», которым написаны два центральных произведения «Фелица» и «Бог». Поэт впервые позволил себе писать о величественном и философском весьма простым, ясным языком без ложного пафоса и тяжеловесных стилистических и синтаксических оборотов:

...Первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбой говорить.

[Державин 1864, 1: 785]

Державин подчеркивает, что ему впервые удалось возвеличить императрицу Екатерину через описание ее личных достоинств и качеств, а не через восхваление ее великих государственных достижений. Поэтому, представляется, что, несмотря на то, что Брюсов в своей статье «Священная жертва», критикует Державина за умаление «деяний» поэта, фактически он за ним следует, ибо сам пишет о том, что поэт должен пробуждать в человеке его душу: «... Предмет искусства — в глубинах чувства, в духе» [Брюсов 1987, 2: 89].

Как и Державин, Брюсов свое стихотворение превращает в декларацию новых задач искусства и самого художника: «За многих думал я, за всех знал муки страсти...» [Брюсов 1987, 1: 123]. Для Брюсова становится важным передать думы и чувства, колебания и метания души, поэтому стихотворение отличается большой экспрессивностью, эмоциональной напряженностью, насыщено риторическими вопросами, восклицательными формами. Образ поэта в стихотворении Брюсова прямо персонифицируется:

И станов всех бойцы, и люди разных вкусов,
В каморке бедняка, и во дворце царя,
Ликуя, назовут меня — Валерий Брюсов,
О друге с дружбой говоря.

[Брюсов 1987, 1: 123]

В этом четверостишии проявляется та теургия, абсолютизация личности художника, которая была свойственна символистской поэзии. Однако Державин в своем «Памятнике» также провозглашает непреходящее значение дел поэта, его бессмертие, которое есть только у Бога:

О муза! Возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

[Державин 1864, 1: 785]

Таким образом, Брюсов прямо следует за державинской традицией, насыщая ее новыми смыслами: «Нет особых миггов, когда поэт становится поэтом: он или всегда поэт, или никогда. И душа не должна ждать Божественного глагола, чтобы встрепенуться, “как пробудившийся орел”. Этот орел должен смотреть на мир вечно бессонными глазами» [Брюсов 1987, 2: 94].

Но не только символисты активно исследовали державинскую традицию. Ее следы возможно обнаружить и в творчестве представителей других модернистских течений русской литературы: акмеизма и футуризма.

Например, Ю. Н. Тынянов прямо связывал развитие русского футуризма с возрождением традиций русского классицистического искусства: «Русский футуризм был отрывом от срединной стиховой культуры XIX века. Он в своей жестокой борьбе, в своих завоеваниях сродни XVIII веку, подает ему руку через голову XIX века. Хлебников сродни Ломоносову. Маяковский сродни Державину» [Тынянов 1977: 121]. М. И. Цветаева также проводила параллель между Державиным и Маяковским, обнаруживая их сходство в понимании такого тезиса, что «поэзия — язык богов» [Цветаева 1997, 5/1: 305].

Действительно, видимо, от Державина Маяковский перенял манеру показа величественного, подлинно масштабного через сближение, сопряжение далеких друг от друга смысловых и художественных категорий. Тынянов подметил эту особенность поэтической манеры футуризма: «Маяковский возобновил грандиозный образ, где-то утерянный со времен Державина. Как и Державин, он знал, что секрет грандиозного образа не в “высокости”, а только в крайности связываемых планов — высокого и низкого...» [Тынянов 1977: 121]. Представляется, что по этому принципу построены поэмы Маяковского, в частности, «Облако в штанах», «Во весь голос», «Хорошо!».

По наблюдениям исследователей, В. В. Маяковский именно от Державина воспринял пристрастие к языковому новаторству, приверженность к так называемому «телеграфному стилю», что обуславливает общность их индивидуального слога. Ю. Н. Тынянов генезис коренных свойств стиха Маяковского, его масштабную «резонансность», не свойственную XIX веку, выход за пределы любых пространственных ограничений видит также в поэзии Г. Р. Державина: «Его митинговый, криковой стих, рассчитанный на площадный резонанс (как стих Державина был построен с расчетом на резонанс дворцовых зал), был не сродни стиху XIX века...» [Тынянов 1977: 121].

Достаточно полно и объемно сейчас исследована преемственность державинских традиций в творчестве другого футуриста — В. Хлебникова. Очевидны переключки с творчеством Державина и в поэзии лидера эгофутуристов Игоря Северянина. На эту тему интересно рассуждает А. Левицкий в статье «“Я бог” Державина — “Эго-Бог” Северянина: к постановке вопроса» [См.: Левицкий 2010].

Размышления над творческой практикой футуристов и стремление подвести под нее прочную

теоретическую базу стали основой для возникновения формального метода в литературоведении и деятельности ОПОЯЗа.

Акмеизм, который пришел на смену символизму, продемонстрировал усталость литературы от символистской туманной образности, также в своем становлении использовал новаторские находки творчества Г. Р. Державина. В отношении Ахматовой устоялся стереотип о том, что она является яркой наследницей пушкинской поэзии. Однако сама поэт отмечала: «Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина (“На рождение порфирородного отрока”) и Некрасова (“Мороз, Красный Нос”). Эти вещи знала наизусть моя мама» [Ахматова 1988–2005, 5: 236]. В дальнейшем державинская традиция нашла свое яркое воплощение в поэзии Ахматовой. Она обращается к творческому наследию поэта в стихотворениях «Все души милых на высоких звездах...», «Наследница. От царскосельских лип...», «Царскосельская поэма “Русский Трианон”», «Лотова жена», «Мне голос был...». Эти и другие произведения в свете проблемы «Державин и Ахматова» достаточно подробно анализируются в трудах Р. Д. Тименчика и С. А. Васильева [См.: Тименчик 2004; Васильев 2008].

Интересно заметить, что творческую связь «Державин-Пушкин» как образец развития и совершенствования литературной традиции постоянно упоминали писатели, критики русской литературы, в особенности литературы русского зарубежья, которая стала наследницей художественных достижений серебряного века. Характерно в этой связи высказывание И. С. Шмелёва в письме О. А. Бредиус-Субботиной от 16 мая 1942 года, в котором писатель рассуждает о проблеме влияний, упоминая, как самый яркий и хрестоматийный пример о влиянии Державина на Пушкина: «Помни закон творчества: все без исключения рождаются в творчестве под чьим-нибудь влиянием (подчеркнуто автором. — Н. Ж.), до гениев! Пушкин — ряд лет — уже 20-летний был во власти классиков, античности, ложно-классицизма, Державина, затем — Байрона и прочих... многое из его — и очень высокого! — является, просто, “заимствованием” — !!! — но это никак его не порочит: он оказался выше тех, у кого брал» [Шмелёв и др. 2005, 2: 188].

Возвращаясь еще раз к словам Державина «За слова меня пусть гложет, за дела сатирик чтит», можно указать на пророческий смысл этих слов. В книге «Всеобщая история, обработанная “Сатириконом”» (1911) О. Л. Д’Ор (И. Л. Оршер) иронически описывает благородные деяния Державина при Екатерине: «И еще был один орел, судьба которого была весьма печальна, — он писал оды. Питаясь мертвечиной, сей орел жил долго

и кончил дни свои почти трагически — министром народного просвещения. Имя этого орла, иногда парившего под облаками, иногда пресмыкавшегося по земле, было Державин» [Всеобщая история... 1910: 100].

Характерно, что именно через личность Г. Р. Державина описываются достижения правления Екатерины, просвещенческий характер самой эпохи, его типические черты: «Самым выгодным ремеслом в литературе было писать оды. Этот благородный род поэзии не только хорошо кормил, одевал и обувал поэтов, но и в чины производил. Одописцы блаженствовали...» [Всеобщая история... 1910: 100].

В этом взгляде видится не столько карикатура на личность Державина, а на то, как она осмысливалась после его ухода, в частности, в тенденциозных учебниках Д. И. Иловайского, против которых и были направлены острые стрелы знаменитого журнала «Сатирикон». Фактически О. Л. Д’Ор зафиксировал массу клише и стереотипов, которые сопровождали личность Державина в сознании читателей и критиков.

Только в эпоху «серебряного века» пришло понимание того, что влияние творческого гения Державина на становление и развитие великой русской литературы еще не вполне осознано. В 1907 году Б. А. Садовской в статье «Державин» констатировал: «... Державинский кумир остается не оцененным и донныне» [Писатели о писателях 1988: 342]. В 1914 году известный литературовед Б. А. Грифцов в одноименном очерке, опубликованном в журнале «София», впервые заговорил о необходимости освобождения представлений о творчестве великого русского поэта от разнообразных штампов, клише и стереотипов, которые успели сложиться в XIX столетии. Речь шла о том, что весьма авторитетные критики того времени (В. Г. Белинский, А. Н. Пыпин, Н. Г. Чернышевский и другие) отказывали Державину в художественном профессионализме («Ничего не может быть слабее художественной стороны стихотворений Державина»; «... Поэтические его произведения не имеют ровно никакой цены»; «... В его стихах одно только безвкусие»), личностной состоятельности («Он был дикарь с добрым от природы сердцем...»; «Державин оставил после себя в казенных архивах массу официальных кляузных бумаг») [Писатели о писателях 1988: 350].

«Кол за колом вколачивали в могилу Державина исследователи его поэзии и его жизни» [Писатели о писателях 1988: 350], — справедливо отмечал писатель и критик Б. А. Садовской. Необходимо заметить, что его статья послужила своеобразным импульсом к возникновению устойчивого интереса к творчеству Г. Р. Державина, продержавшегося

на протяжении всей первой половины XX века. Особенно активизировался он в 1916 году, когда отмечалось столетие со дня смерти поэта. На эту дату великолепными критическими работами откликнулись Ю. И. Айхенвальд, Б. М. Эйхенбаум, В. Ф. Ходасевич, вышел юбилейный державинский номер «Вестник образования и воспитания» (Казань, май–июнь 1916).

Во всех статьях единогласно констатировалась необходимость восстановления исторической справедливости в отношении творчества Г. Р. Державина. В этой связи Б. М. Эйхенбаум писал: «Наука наша была к Державину невнимательна, несправедлива — не от злого умысла, а от бессилия. Она билась над тем, что есть в Державине непоэтического, обусловленного временем, а сверхвременные, т. е. настоящие, поэтические ценности ускользали из рук <...> я думаю, что на нашем поколении лежит долг — изменить направление, установившееся в нашей истории литературы» [Эйхенбаум 1924: 5].

В этой связи интересно заметить, что М. И. Цветаева также обратила внимание на то, что XX век наследовал традиции Державина как бы «поверх» XIX столетия, но уже на ином духовном уровне: «... Державин, за отдаленностью времен, как Гомер, как Микеланджело, — уже почти стихия, такой же первоисточник, как природа, то же, что гора или воспетый им водопад, и это самое большое, что можно сказать о поэте» [Цветаева 1997, 5/2: 118.].

Цветаева в одном из писем Ю. Иваску, размышляя о том, какие имена писателей прошлого ей близки, согласилась с утверждением критика о родстве ее поэзии с поэзией Г. Р. Державина. Ю. Иваск послал Цветаевой стихотворение М. В. Милонова (1792–1821) «На кончину Державина (элегия)», в котором Иваск выделил заключительную строку: «По отзывам лиры ценят времена». Цветаева в письме от 12 мая 1934 года отвечает: «Стихи Милонова восхитительны; уже от первой строки озноб (совдохновения)» [Цветаева 1997, 7/1: 388]. Именно эти строки Милонова вызвали у Цветаевой «совдохновение»:

О ком, зрю, хариты и музы в печали,
О ком умоляют власть грозных судеб?
Но тщетно на урну, взывая, припали:
Ты скрылся, Державин! — ты скрылся, наш Феб!

[Милонов 1819: 127–129]

Именно чувство «совдохновения» испытывала Цветаева к творчеству Г. Р. Державина. В 1916 году — в год столетия со дня смерти Державина — она написала стихотворение «Никто ничего не отнял!», посвященное О. Манделштаму, с которым познакомилась в 1915 году. Произведение Цветае-

вой содержало прямое указание на генезис и природу ее поэтических построений, философских размышлений. Цветаева сопрягает связь времен, преемственность державинской традиции, их нового осмысления в творчестве Манделштама, которого называет «молодым Державиным». При этом Цветаева обозначает и свое собственное место по отношению к поэзии Державина, которую она считает недостижимым для нее идеалом, духовным и творческим ориентиром в огромном многообразии литературных школ и направлений серебряного века:

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю, наш дар — неравен,
Мой голос впервые — тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

[Цветаева 1997, 1: 85]

Позднее в эмиграции, в одной из своих критических работ Цветаева зафиксировала «след десницы» Державина на себе, но в то же время она обратит внимание на стихотворение «Никто ничего не отнял», в котором она «первой» обратила внимание на присутствие этой державинской десницы на поэзии Манделштама: «Манделштам еще, по времени своему, в ненарушенной классической традиции, между ним и Державиным нет разрыва и разлива российской и словесной революции. <...> У Манделштама Державин именно — традиция, словесная и даже словарная» [Цветаева 1997, 5/2: 118.].

Необходимо заметить, что стихотворение Цветаевой содержит прямые аллюзии на поэтические образы Г. Р. Державина, в частности, образ орла, который ассоциируется не только с творчеством поэта, но и олицетворяет образ самого Державина в поэзии XX века. Видимо, это связано с тем, что у самого поэта образ орла приобретает символическое значение, проходит через все творчество, и используется как метафора высших образцов государственного и духовного служения России. Державину принадлежат стихотворения «Орел» (1798), посвященное А. В. Суворову, ода «На парение орла» (1812), посвященная Кутузову и четверостишие «На спуск корабля “Орла”» (1810 или 1811). Однако представляется, что в произведении Цветаевой наблюдаются текстуальные и образные переключки со стихотворением Державина «Заздравный орел» (1795), которое входит в цикл так называемых «Заздравных песен».

Сравним. У Цветаевой:

На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь,—
Юный ли взгляд мой тяжел?

[Цветаева 1997, 1: 85]

У Державина:

По северу, по югу
С Москвы орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.

Орел глядит очами
На солнце в высоты;
Герои под шлемами —
На женски красоты.

[Державин 1957: 227–228]

Высокий полет орла, который не боится солнца, объединяет произведения Цветаевой и Державина. Как Державин славит в этом произведении доблесть русского оружия и русского воина, их преемственность, упоминая имена Румянцева и Суворова, так и Цветаева в присущей ей экспрессивной манере славит русскую поэзию и русского поэта, самого Державина и его не менее блестящего потомка — Мандельштама. И если у Державина орел — это символ государственного, воинского доблестного служения, то у Цветаевой — символ доблестного служения русской поэзии.

Необходимо отметить интересный факт, что к наследию Державина обращались как представители модернистских течений русской литературы, так и писатели, которые в своем творчестве хотели преодолеть модернизм. К ним, безусловно, относился О. Э. Мандельштам, не захотевший поддаваться на соблазны экспериментов со стихотворной метрикой, лексикой, стилистикой, его средства художественной изобразительности подчеркнута аскетичны. Реминисценции на поэзию Державина очевидны в двух его известных произведениях: в «Грифельной оде» (1923) и «Сядь, Державин, развалился...» (1932). Эти произведения еще и перекликаются между собой, дополняют друг друга, в них державинские традиции как бы переговариваются. В «Грифельной оде» содержится аллюзия на незаконченную «Оду на тленность» Державина, которая, как известно, была написана на грифельной доске и была в связи с этим обречена на стирание. Линейное понимание времени Державиным как реки времен было подхвачено и развито Мандельштамом, который сопрягает историю и творчество в единый непрерывный процесс, постоянно регенерирующий жанры, образы, сюжеты, темы, мотивы, а также философию

художественного творчества. Еще до создания «Грифельной оды» в статье 1921 года «Слово и культура» Мандельштам называл поэзию плугом, «взрывающим время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху. Но бывают такие эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегодняшним днем, тоскуя, как пахарь, жаждет целины времен. Революция в искусстве неизбежно приводит к классицизму» [Мандельштам 1990, 2: 78].

В этой работе Мандельштам призывает к «состраданию к культуре, отрицающей слово», замечает, что после революции русский человек и государство стали голодными на слово, что порождает бесконечное страдание и исчезновение самого социума: «Время хочет пожрать государство. Как трубный глас звучит угроза, нацарапанная Державиным на грифельной доске. Кто поднимет слово и покажет его времени?». И эту миссию, утолить духовный голод человечества и государства посредством слова, должен исполнить поэт. В «Грифельной оде» Мандельштам отдает справедливую дань своему незримому учителю Державину:

Блажен, кто называл кремень
Учеником воды проточной!
Блажен, кто завязал ремень
Подолше гор на твердой почве!

[Мандельштам 1990, 1: 85]

Интересно заметить, что под влиянием художественной идеологии Державина сформировался творческий принцип В. Ф. Ходасевича — неоклассицизм, подразумевавший синтез державинских прозаизмов, традиционных приемов русской поэзии с новыми поэтическими средствами. Для В. Ф. Ходасевича масштабная фигура Г. Р. Державина стала определяющей творческую судьбу. В 1916 году Ходасевич опубликовал статью, в которой Державин показан как ярко национально выраженный художник: «Бессмертный и домовитый, Державин — один из величайших поэтов русских» [Ходасевич 1997: 223]. Именно эта его ипостась оказалась актуальной для русской эмиграции первой волны и для самого В. Ф. Ходасевича. Кроме того, с подачи своего друга критика Б. Садовского поэт воспринял идею о реформаторской сущности личности и творчества Г. Р. Державина: «Он был первым поэтом русским, сумевшим и, главное, захотевшим выразить свою личность такой, какова она была, — нарисовать портрет свой живым и правдивым, не искаженным условной позой и не стесненным классической драпировкой» [Ходасевич 1997: 121].

В. Ф. Ходасевич как поэт XX века ощущал родство с духовно-философскими исканиями Г. Р. Дер-

жавина. Видимо, поэтому его роман «Державин» (1931) возможно рассматривать не только в рамках биографического жанра, но и автобиографического. Поскольку явно прослеживаются мотивы типологической общности между двумя художниками в понимании эстетической природы поэзии, экзистенциальных проблем бытия, идеи Долга, трагического образа Поэта, познавшего силу и тайну поэтического Слова, но вынужденного замолчать.

Таким образом, Державин был в некотором смысле солнцем русского серебряного века, предвосхитившем и заложившим прочные основы в фундамент его величайших национальных культурных достижений.

Уже на самом закате жизни в стихах, посвященных Отечественной войне 1812 г. («Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества»), Державин создал замечательную характеристику «добльственного» русского народа, перекликающуюся с поисками русского национального характера в эпоху серебряного века:

О, Росс! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастье тих, в несчастье бодр...

[Державин 1957: 234]

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова А. А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1998–2005.
Брюсов В. Я. Сочинения: в 2 т. М., 1987.
Васильев С. А. Державинская традиция в русской литературе XIX — начала XX века: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.
Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». СПб., 1910.
Державин Г. Р. Сочинения / под ред. В. Я. Грота. СПб., 1864.
Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957.
Левицкий А. «Я бог» Державина — «Эго-Бог» Северянина: к постановке вопроса // Русская литература. 2010. № 1.
Мандельштам О. Э. Собр. соч. в 2 т. М., 1990.
Милонов М. В. Сатиры. СПб., 1819.
Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи. СПб., 2002.
Писатели о писателях. М., 1988.
Тименчик Р. Д. Ахматова и Державин. Заметки к теме // Jews and Slavs. Vol. 4. Jerusalem, 2004.
Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
Ходасевич В. Ф. Сочинения. М., 1997.
Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7 т. М., 1997.
Шмелёв И. С., Бредис-Субботина О. А. Роман в письмах: в 2 т. М., 2005.
Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. М., 1924.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».
Поступила в редакцию 15.04.2013 г.

UDC 821.161.1 DERZHAVIN AND SILVER AGE

N. Yu. Zheltova

The article shows Derzhavin's traditions in poets of Silver Age works, there was representation of different esthetic directions. Forms and ways of creative mind changing of Derzhavin's heritage in poetry of V. Bryusov, V. Mayakovsky, M. Tsvetaeva, A. Akhmatova, O. Mandelstam and others are analyzed.

KEY WORDS: Derzhavin, literature of Silver Age, literature tradition, modernism.

ИСТОРИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ ПЕРВОГО СБОРНИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г.Р. Державина

С. В. Гуськова

Исследователи нередко обращаются к разностороннему изучению наследия Г.Р. Державина. Однако его раннее творчество, в частности первый издательский опыт, известны не так широко. В нашем исследовании предпринята попытка изучить особенности «Од, переведенных и сочиненных при горе Читалагае» – первого изданного в печати сборника произведений Державина.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А :
ода, собрание сочинений.

Начало творческого пути Г.Р. Державина, к которому мы обращаемся в работе, характеризуется рвением поэта «упражняться» в стихосложении, при этом продолжая углублять свои познания на этом нелегком пути, совершенствовать свое творчество. Это позже Г.Р. Державин будет воспевать Фелицу в оде, принесшей ему литературную и общественную известность, напишет еще немало патриотических произведений, внесет в одическое стихосложение до того времени непривычные ноты... Однако до наместничества в Тамбове — в марте 1786 – декабре 1788 годов, Державин пишет иным слогом — «приятным» его эпохе и понятным современному ему читателю. «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае», как в отдельности каждая из них, так и сборник в целом, — произведения подобного порядка.

Маленькая книжка всего в 38 страниц представляла собой сборник из восьми произведений. Первые четыре оды в прозе («Ода на ласкательство», «Ода на порицание», «Ода на постоянство», «Ода к Мовтерпию») — переводы сочинений прусского короля Фридриха II, остальные четыре («Ода на великость», «Ода на смерть генерал-аншефа Бибикова», «Ода на День рождения Ея Величества») — авторские сочинения Державина. Такой подход к организации книжного издания, его композиции и подбору произведений говорит о том, что Державин выступает не только как начинающий поэт, но и как переводчик, как литературный редактор, поскольку любой перевод требует тщательного «причесывания» мыслей.

По некоторым свидетельствам книжка издана вскоре после Пугачевского бунта, в 1775 году. По другим же источникам временем опубликования сборника следует считать 1777 год. Признать правомерной вторую дату по некоторым соображениям не представляется возможным, так как можно встретить указание на то, что уже в начале 1776 году книжка, выпущенная в типографии Академии наук, поступила в продажу. Так что вопрос о точной дате опубликования первого сборника державинских произведений до сих пор остается дискуссионным.

Спорность усматривается и в обозначении главных элементов аппарата книжного издания. Так, на его заглавном листе не обозначено ни имени автора, ни когда и где оно напечатано. Из «Санкт-

Петербургских ведомостей» становится известно, что книжка продавалась как переплетенной, так и без переплета по цене 20 и 15 копеек соответственно. Вероятно, издатель ориентировался на различные по благосостоянию слои населения. Точно установить тираж также невозможно, но, судя по всему, был он небольшим.

Читалагайские оды не входили в собрание сочинений Г. Р. Державина до 1845 года, когда они впервые были перепечатаны в издании книгопродавца Штукина по указанию покойного Н. А. Полевого. После этого оды были включены и в издание сочинений Державина, осуществленное А. Ф. Смирдиным. В 1866 году оды вошли в «Сочинения Державина с обязательными примечаниями Я. Грота» [Сочинения Державина... 1866, 3: 273].

История написания произведений такова. В 1774 году Державин, будучи подпоручиком Преображенского полка, был командирован на Волгу для принятия мер к поимке Пугачева. Позже Державин отметит, что одна из од — «На смерть генерал-аншефа Бибикова» написана в Саратовской губернии при горе Читалагае в колонии Шафгаузен. По свидетельству очевидцев того времени, здесь в Пугачевщину стояла некоторое время часть артиллерийского отряда, вытребованного Державиным из Саратова. Этот холм, названный на одной старинной карте этого края Шитлагаем, и есть гора Читалагай Державина [Глинка 1985]. Сегодня же наименование этой местности в таком звучании утрачено. Кроме того, выражались сомнения в действительном существовании Читалагай.

Во время командировки молодой офицер, чувствуя тягу к творчеству, в часы досуга продолжает свои литературные занятия, что само по себе нельзя назвать явлением характерным даже для того времени. Но Державин всегда подчеркивал, что занимается поэзией «от должности в часы свободы».

Интересно и то, как в первом сборнике Державина появились переводные сочинения. Познакомившись в колониях с несколькими образованными немцами, молодой поэт нашел у них сочинения короля Фридриха II в немецком переводе и вздумал передать некоторые из них по-русски. Перевод получился неуклюжий, отзывающийся германизмами, но сама попытка попробовать себя переводчиком иностранных сочинений весьма похвальна.

При прочтении авторских од Державина в его первом сборнике усматривается их несовершенство. Да и сам Державин сознавался, что оды «писаны весьма нечистым и неясным слогом». В источниках отмечается, что первое издание од, выполненное с некоторой небрежностью, грешит опечатками, которые в отдельных случаях искажают смысл произведений. Сам Г. Р. Державин уже после опубликования од правил свой экземпляр книги.

Вот, к примеру, в восьмом произведении сборника — «Оде на День рождения Ея Величества, сочиненной во время войны и бунта 1774 года» слог Державина существенно отличается от более поздних его произведений:

Се красный день, твой новый год;
А ты еще не утруждена,
Еще ни в чем не упражнена,
Кроме побед, доброт, щедрот,
Кроме, чтоб милость нам являти
И час потерянным считати
Без милосердиев твоих.
Любовь и удивленье света,
Что делал Петр, Елисавета;
Твой век, Екатерина,— их!

[Сочинения Державина... 1866]

Однако несовершенство слога не затмило чувствующийся у поэта талант, искренность его стихотворных выступлений. Взять хотя бы строки «Оды на знатность», из которых видна открытость поэта перед читателем:

Не той здесь пышности одежда,
Царей и кукол что равняет,
Наружным видом от невежд
Что имя знати получает,
Я строю гусли и тимпан;
Не ты, сидящий за кристаллом
В кивоте, блещущий металлом,
Почтен здесь будешь мной, болван!

[Сочинения Державина... 1866]

А в «Оде на смерть генерал-аншефа Бибикова» видна неподдельная скорбь поэта:

Тебя ль оплакивать я должен?
О Бибиков, какой удар!
Тебе ли кипарисны лозы
И миро я на гроб несу?
Едва успел тебя познати,
Уже лишился роком лютым!
Погиб с печали разум мой.
Когда твои доброты вспомню,
Сердечны разверзаю раны
И вновь терплю твою я смерть.

Твои заслуги и почтенье
К тебе, от всей твоей страны,
Уже стократно боле стоят,
Как нежели тебя забыть.
У всех, достоинства кто любит,
Твой образ в мысли будет вечен:
Внемли! се муз несется стон:
Военна добродетель тужит,
Минерва с Россами крушится;
Любовь, мой плач твердит: увы!

[Сочинения Державина...
1866, 3: 298]

Это одна из Читалагайских од, включенная самим поэтом в собрание сочинений. Вероятно, обусловлено это не только тем, что ода лучше других удалась поэту (она тоже претерпела в дальнейшем значительные изменения), но и, в большей степени, желанием Державина «передать потомству это вылившееся у него из души, искреннее и простое выражение любви и благодарности к вельможе, который был одним из украшений века Екатерины» [Сочинения Державина 1866].

Однако в литературных кругах первая книга поэта прошла незамеченной, но произведения получили благоприятный отклик у современников Г. Р. Державина. Так, поэт И. И. Дмитриев следующим образом отозвался о книге Читалагайских од: «Поэзия Державина известна мне стала еще с 1776 года. Около того времени первые произведения его вышли в свет без имени автора, из типографии Академии наук, под названием “Оды, сочиненные и переведенные при горе Читалагае”. <...> В стихах, помещенных в ней, при некоторых недостатках, уже показывались замашки или вспышки врожденного таланта и главные свойства его: благородная смелость, строгие

правила и резкость в выражениях» [Дмитриев И. И. 1866, 3: 52].

В целом же Читалагайские оды и само их издание можно рассматривать как некий фундамент на пути к становлению поэта. Несовершенство же произведений и первого издательского опыта у Г. Р. Державина объясняются недостатком литературных и редакторских навыков у молодого поэта, которые, как известно, не заставили себя долго ждать.

ЛИТЕРАТУРА

Глинка Н. И. Державин в Петербурге. Л., 1985 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://derzhavin-poetry.ru/books/derzhavin-v-peterburge.html>. Дата обращения: 12.01.2013.

Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь: в 3 ч. Ч. 3. М., 1866. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 3. СПб., 1866.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».
Поступила в редакцию 24.03.2013 г.

UDC 82-14

THE HISTORY OF THE PUBLICATION OF THE FIRST COLLECTION OF WORKS BY G. R. DERZHAVIN

S. V. Guskova

Researchers often refers to multi-sided heritage by Derzhavin. However, his early work, in particular his first publishing experience, is not so famous. In this research the attempt to study peculiarities of “Ode, translated and composed at Mount Chitalagae” — first published collection by Derzhavin in print is given.

KEY WORDS: ode, works.

Художник и культурное пространство. Проблемы литературного краеведения

«Я ХОТЕЛ БЫ, МАМЕНЬКА, ПРОСЛАВИТЬ ТВОИ ДОБРОДЕТЕЛИ...»: ИЗ ИСТОРИИ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ БОРАТЫНСКИХ

М. А. Климкова

Главная роль в воспитании детей в дворянской усадьбе Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии принадлежала матери поэта Александре Федоровне Боратынской (1777–1853). Современники вспоминали о ней как о женщине необыкновенной: «В ней благородство характера, доброта и нежность чувства соединялись с возвышенным умом и почти не женской энергией» [Е. А. Боратынский... 1916: 136]. Дочь Авдотьи (Евдокии) Сергеевны и подполковника Федора Степановича Черепановых, она с сестрой Анной получила воспитание и образование в институте благородных девиц при Смольном монастыре в Петербурге, окончив его в 1797 году с высшей наградой — фрейлинским шифром.

Чтобы представить достоинства Александры Федоровны, надо обратиться к особенностям Воспитательного Общества благородных девиц при Смольном монастыре, одной из лучших учениц которого она являлась.

Воспитательное Общество было учреждено в 1754 году императрицей Екатериной II, которая считала, что девочки должны получать знания наравне с мальчиками. Мечтой императрицы, следовавшей идеям французских просветителей, было создание новой «породы людей» — улучшение человечества посредством воспитания, поэтому период ее правления был ознаменован открытием ряда учебных заведений. До того времени воспитанием девушек в России, кроме семьи и некоторых монастырей, занимались частные пансионеры, содержавшиеся преимущественно иностранцами. Екатерина II задумала создать первую отечественную общественную школу для женщин — институт благородных девиц при Смольном монастыре в Петербурге.

Согласно уставу, разработанному попечителем института И. И. Бецким, в него принимались девочки 5–6 лет, имевшие дворянское происхождение (предпочтение отдавалось детям из обедневших семей). Родители ребенка давали подписку, что по своему желанию препоручают его Обществу и не будут пытаться возвратить в семью до исполнения им 18 лет.

По теории Екатерины II, заимствованной у Ж.-Ж. Руссо, плохие качества в человеке рождала не природа, а порочный жизненный опыт, поэтому для создания «новой породы» людей следовало, как можно раньше, изолировать детей от дурных влияний общества,

Статья посвящена особенностям воспитания детей в дворянской усадьбе Боратынских Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии — «приюте младенческих годов» поэта Евгения Боратынского.

К Л Ю Ч Е В Ы Е   С Л О В А :
Боратынские,
русская усадьба,
воспитание, культура.

поместив в закрытое учебное заведение, каким и являлся институт благородных девиц при Смольном монастыре. Там к девочкам был приставлен штат опытных воспитателей: правительниц, надзирательниц, учителей и мастеров, которые должны были наставлять подопечных «в основании благоразумия, добронравия, благопристойности, благородной и не принужденной учтивости, и всех добродетелей» [подробнее см.: Иван Иванович Бецкой 1904: 258–302]. Сношение девочек с внешним миром было ограничено: их редко отпускали домой, за исключением больших праздников; посещения родственников разрешались только в определенные дни с позволения начальницы и в ее непосредственном присутствии. Все содержание воспитанниц, которые разделялись по возрастным группам на 4 класса, брала на себя институт. Для девочек из бедных дворянских семей заведение готовило приданное.

Считалось, что праздность рождает пороки, поэтому все время смолянок было занято учебой и полезными занятиями. Большое внимание уделялось иностранным языкам, музыке, истории, поощрялось чтение книг. Девочек также учили арифметике («для содержания впредь в добром порядке домашней экономии») и рукоделиям (шитью, вязанию, вышиванию). Наказания применялись редко, а воспитателям рекомендовалось: «не поступать суровым и неприятным образом с теми, кои не так понимают преподаваемые им наставления»; «принимать меры для возбуждения в них вящей к обучению ревности похвалами их успехов или каким-нибудь награждением». Для того чтобы привить девицам непринужденные манеры и придать лоск в общении, по воскресеньям в Смольном проводили любительские спектакли, концерты, вечера, на которые приглашались кавалеры — ученики Шляхетского кадетского корпуса. Подобные мероприятия порой являлись единственной возможностью для родственников барышень увидеть их [Соловьев 1965: 553].

Недоброжелатели закрытого женского обучения второй половины XVIII века оставили критические оценки деятельности Смольного института, считая, что оторванность девиц от жизни рождало у них идеальные представления о мире и, как следствие того, житейскую непрактичность. Однако наряду с негативными оценками сохранился ряд положительных отзывов. Ф. Ф. Вигель вспоминал: «... встретил Степаниду Андреевну Кох; женщина умная, воспитанная в Смольном монастыре, украшена вензелем Екатерины II; в ней можно видеть разницу между просвещением и образованием. Занятия ее жизни были новостью для пензенских барышень; она любила много читать и даже переводить книги, сама учила детей, украшала свой сад, выписывала редкие растения» [Записки... 1891: 211].

С полным основанием можно полагать, что Александра Федоровна Черепанова представляла собой пример положительного воплощения педагогической системы Воспитательного Общества. Высокая образованность, блестящие манеры, прекрасные внешние данные и душевные качества позволили ей стать одной из любимых фрейлин императрицы Марии Федоровны, которая умела ценить человеческие достоинства в людях своего ближайшего окружения. Выйдя замуж за Аврама (Абрама) Андреевича Боратынского (1768–1810), Александра явила пример хорошей хозяйки дома и преданного друга мужа и детей. Очевидно, ей, привыкшей к высшему обществу и императорскому двору, было нелегко смириться с уединенной сельской жизнью, но вскоре и в ней она нашла применение своим знаниям и талантам, привнося в тамбовскую провинцию «высокий нравственный склад и живые умственные интересы». Наравне со своим мужем она принимала участие в строительстве усадьбы Мара, занималась устройством сада и парка, воспитывала и обучала детей, выписывая книги и ноты из столицы.

Проживая в Маре, Боратынская поддерживала связь с подругами по Смольному институту: А. Вилламовой и Ел. Ланской (урожд. Вилламовой), Ек. Мордвиновой и Ел. Полетикой (урожд. Мордвиновой), И. Фандиной, С. Вит. Одна из них, Елизавета Ивановна Вилламова, вышла замуж за Сергея Сергеевича Ланского и поселилась в имении Талинка недалеко от Тамбова, что дало возможность подругам встречаться. (Публикация фрагментов переписки А. Ф. Боратынской и Е. И. Ланской хранится в РГАЛИ [см.: Климкова 2006: 173–174]).

Когда дело «о взаимных неудовольствиях» Аврама Боратынского и тамбовского губернатора Д. И. Кошелева рассматривалось в Правительствующем Сенате, подруги-смолянки Александры Федоровны постарались оказать ей поддержку, мобилизовав для оказания помощи своих влиятельных братьев и мужей [подробнее см.: Песков 1990: 331].

Одной из близких подруг-смолянок Александры Федоровны была Мария Андреевна Боратынская. Являясь тетушкой и крестной матерью Евгения Боратынского, она вышла замуж за Ивана Давыдовича Панчулидзева, который вызывал у племянников чувство восхищения «рыцарским» благородством и душевной прямоотой. В сентябре 1817 года Евгений писал к маменьке в Мару из Подвойского о Панчулидзе: «... в нем есть некая прямота, некая чистота помыслов, нечто от древнего рыцарства. Говорит он чрезвычайно громко, как будто желает, чтобы каждый мог знать, что у него на сердце. — Как мало людей, имеющих такое желание! — Я назвал его рыцарем без страха и упрека, и что-то говорит мне, что он достоин этого имени» [Летопись

1998: 83]. После 1820 г. Мария Андреевна, похоронив мужа и получив в наследство от покойного брата Богдана часть села Вяжли Кирсановского уезда, жила по соседству с Марой в усадьбе, получившей название Марьино. (О расположении и названиях усадеб Боратынских Кирсановского уезда Тамбовской губернии подробнее см.: [Климкова 2006: 245–264]).

Воспитание своих детей Александра Федоровна основывала на тех же принципах, которые были присущи Смольному институту: доверительные отношения, поощрения, приобщение к чтению книг и развитие естественного желания учиться, эстетическое воспитание, идеальные представления о мире. Без этого в семье Боратынских не смог бы вырасти поэт — романтик в душе и поборник строгого классицизма в стихотворной форме, человек «не от мира сего» с жадной неосуществимого идеала.

Для обучения детей в усадьбу Боратынских, как и в других дворянских семьях, приглашались иностранные учителя, поэтому читать и писать по-французски они начинали быстрее, чем на родном языке. Но все же главную роль в формировании личности детей играли не столько преподаватели, сколько пример и образованность родственников, особенно матери, а также тот идеальный мир, который был во многом создан ее трудами и который определялся красивым словом «Мара».

Александра Федоровна сама занималась с детьми русской грамотой и иностранными языками. Она в совершенстве знала французский язык, владела итальянским, немецким и английским языками [Хетсо 1973: 8]. Кроме того, в воспитании малышек ей помогала бедная дворянка — «госпожа» Елизавета Андреевна, имя которой несколько раз встречается в документах Боратынских. Она была крестной матерью Софьи, что отражено в метрической книге Покровской церкви села Вяжли 1801 г. (17 сентября родилась, 19 — была крещена «Господина Генерал лейтенанта и кавалера Авраама Андреевича Боратынского дочь Софья. Восприем: госпожа Елиса ... Анд ... ев» [ГАТО. Ф. 1049, оп. 2, д. 590, л. 8 (об.)]). Александр Андреевич Боратынский писал о ней в октябре 1803 г. Авраму и Александре: «Желаю вам постоянного здоровья и счастья вместе с милыми Бубинькой [Евгением], Сошичкой [Софьей] и Ащечкой [Иракием], которых я живо содержу в моем воображении. Я уверен, Елиз[авета] их любит...» [РГАЛИ. Ф. 51, оп. 1, ед. х. 165].

Когда сыновьям и дочерям Боратынских исполнилось четыре-пять лет, для их обучения в усадьбу приглашались специальные учителя. Аврам Андреевич писал отцу 15 июня 1804 г. про четырехлетнего Евгения: «Бубинька уже выучился грамоте и теперь пишет. У него благодаря Бога понятие очень хоро-

шее, и мы игравши с ним учим.— Мы выписали учителя, которого мы ждем из Петербурга» [Летопись... 1998: 51]. Показательны слова «игравши с ним учим», говорящие не только о решающей роли родителей в первоначальном образовании детей, но и о самом методе обучения.

Среди приоритетов Боратынских было эстетическое воспитание: детей учили рисованию, живописи, музыке, литературе. Чтению книг придавалось особое значение. Развивая любознательность и мышление, любовь к книге, по мнению Александры Федоровны, являлась стимулом образования, способствовала рождению потребности в самообучении. Отношение Боратынской к этой проблеме характеризует ее письмо к дочери Варваре, которая в ту пору сама стала матерью и занималась воспитанием собственного ребенка. «... Отчего ты так отчаивалась насчет твоих познаний,— писала Александра Федоровна.— Насильно никого не выучить, а ежели сын твой не будет любить читать, так и учить не стоит. В противном случае, он сам больше вовнутрь горевши, нежели долбивши наизусть...» [РГАЛИ. Ф. 427, оп. 1, ед. х. 425, л. 76].

С младенчества детей в Маре окружала патриархальная дворянская культура, которая ко времени императора Александра I достигла наивысшего расцвета. Сложившийся уклад жизни, быт, привычки, склад мыслей, усадебная эстетика, впитавшие и переработавшие влияние Запада, легко проникали в само существо ребенка и без особых усилий с его стороны формировали сознание. Читая письма Евгения Боратынского отроческого периода, удивляешься зрелости его мыслей и точности слога. В 10 лет он писал про свои впечатления об «Иллиаде» Гомера; в 12 лет — рассуждал о лицемерии отношений в человеческом обществе и о чувстве одиночества, которое в нем испытывал; в 14 — сочинял «роман» и маленькие «пьесы»; в 16 — философствовал об эфемерности счастья и тленности земного бытия. Раннее развитие дворянских детей — отличительная черта времени, которую находим в лучших представителях «золотого» поколения русских поэтов-аристократов — Пушкине, Чаадаеве, Жуковском, Вяземском.

В архивах сохранились письма четырнадцатилетнего Евгения Боратынского, адресованные Александре Федоровне. Несмотря на то, что их тексты написаны под влиянием французской литературы, прочитанной мальчиком, они очень искренни и характеризуют трогательно-нежные, доверительные отношения, существовавшие между матерью и сыном:

«... Вы пишете мне, что мне нечего тревожиться о матери, но разве есть для меня в мире кто-нибудь дороже матери, да еще такой доброй и нежной,

как вы? Ах, маменька, сын, который не тревожится о матери, — не сын...»

«... Воображение переносит меня в ваши объятия, любезная маменька; мне даже кажется, что я говорю с вами. Желал бы я, чтоб какой-нибудь добрый волшебник заколдовал меня, и мне вечно бы казалось, будто я нахожусь подле вас...»

«... Как бы мне хотелось сейчас быть с вами в деревне! О! Как ваше присутствие приумножило бы мне счастье! Природа показалась бы мне милее, день — ярче...» (из писем Евгения из Пажеского корпуса к Александре Федоровне в Мару 1814 г.) [Летопись... 1998: 63, 66, 70].

В воспитании детей Александре Федоровне помогла ее младшая сестра Екатерина Федоровна Черепанова, не имевшая собственной семьи и постоянно проживавшая в Мару. Обитатели усадьбы любили ее за сердечность, душевную простоту и тактичность (она умела жить, не утруждая своими личными проблемами окружающих людей).

Екатерина Федоровна была привязана к сестре и ее семье. К племянникам она относилась как к родным детям. Когда они выросли, женились и вышли замуж, любовь тетушки распространилась на их потомство. Сохранились письма Черепановой, адресованные племяннице Варваре Рачинской [РГАЛИ. Ф. 427, оп. 1, ед. х. 496, л. 1–5].

После скоропостижной кончины Аврама Андреевича Боратынского в судьбе детей Александры Федоровны принимали участие его ближайшие родственники. Благодаря поддержке братьев Аврама, Богдана и Петра Боратынских, мальчики получили возможность получить отличное образование: Евгений и Иракий были определены в Пажеский корпус; Лев и Сергей первоначально учились в одном из столичных пансионов; Сергей впоследствии окончил Медико-хирургическую академию. Блестящую военную карьеру сделал Иракий Аврамович.

Поступление Евгения и Иракия в привилегированное учебное заведение, основанное в середине XVIII века и превращенное при Павле I в военное училище — Пажеский корпус, стало возможным благодаря высокому классу, занимаемому их отцом в системе «Табели о рангах». По закону, пажами могли быть сыновья и внуки сановников только первых трех классов из четырнадцати. Аврам Андреевич, имея чин генерал-лейтенанта, состоял в третьем классе военных чиновников, что открыло его сыновьям и внукам дорогу к придворной службе.

В конце обучения в корпусе пажи привлекались к службе при дворе, где участвовали в церемониях и празднествах: сопровождали членов императорской фамилии, несли шлейфы, держали накидки дам и т. п. Лучшие ученики Пажеского корпуса (по успехам в учебе, происхождению и внешним данным) получали звания камер-пажей и распре-

делялись для постоянного дежурства при Государе и дамах его семьи. С производством в офицеры пажи и камер-пажи теряли придворные звания, однако личное знакомство с членами императорской фамилии способствовало их дальнейшей карьере. В той системе перед Евгением и Иракием Боратынскими открывалось блестящее будущее, что и было продемонстрировано жизнью последнего из них.

Провожая брата Иракия на военную службу, Евгений Боратынский обращался к нему со словами:

Итак, мой милый, не шутя,
Сказав прости домашней неге,
Ты, ус мечтательный крутя,
На шибко-скачущей телеге,
От нас, увы! далеко прочь,
О нас, увы! не сожалая,
Летишь курьером день и ночь
Туда, туда, к шатрам Арея!
Итак, в мундире щегольском,
Ты скоро станешь в ратном строе
Меж удальцами удальцом!

(Из стихотворения Е. Боратынского
«К**** При отъезде в армию», 1820).

Иракий Аврамович Боратынский являлся одним из видных представителей рода своего поколения, соперничая известностью со славой брата-поэта. Выпускник Пажеского корпуса, участник русско-персидской (1826–1827) и русско-турецкой (1828–1829) войн, он окончил военную карьеру генерал-лейтенантом, был отмечен: пятью орденами Св. Анны разных степеней и тремя орденами Св. Владимира, Св. Георгия 4-го класса, Св. Станислава 1-й степени, Белого Орла и других. В качестве вознаграждения он жаловался денежными пособиями и получал личное выражение признательности от императрицы за постоянную заботу о нуждах детских приютов.

Одним из главных помощников Александры Федоровны в воспитании детей был ее деверь Богдан Андреевич Боратынский. Уволившись со службы в 1805 году, отставной вице-адмирал некоторое время жил в тамбовской усадьбе с детьми Аврама и Александры, когда последние уезжали в столицу. После смерти брата он принимал участие в судьбе его сына Евгения. Александра Федоровна писала к Богдану Андреевичу, выехавшему из Смоленска в Петербург на помощь племяннику после его отчисления из Пажеского корпуса: «Любознательный братец Богдан Андреевич! На прошлой почте писали ко мне сестрицы о выезде вашем в Петербург. Я не знаю, как благодарить вас за родственную и беспримерную вашу попечительность о Евгении... Каменские писали ко мне от имени Катерины И. [Нелидовой]. Советовали взять его к себе в деревню на год, обещая, что по истечении года он будет прощен — но до тех пор

как мне предохранить его от многих вещей, которые по летам его неизбежны!» [Летопись... 1998: 76, 60, 77, 59]. Для того чтобы «предохранить» Евгения «от многих вещей, которые по летам его неизбежны» Богдан Андреевич взял его на некоторое время в свою усадьбу при смоленском с. Голощапово, заменив в сложной ситуации отца.

Богдан Боратынский не создал собственной семьи, но, окруженный родственниками, он, как видно, не чувствовал одиночества. Особую привязанность Богдан Андреевич испытывал к дочерям сестры Марии Андреевны Панчулидзевой, проживавшим в соседнем смоленском имении. Любопытно, что первое сохранившееся стихотворение Евгения Боратынского на русском языке посвящено дяде — «Хор, петый в день именин дяденьки Богдана Андреевича Боратынского его маленькими племянницами Панчулидзевыми» (1817):

Родству приязни нежной
Мы глас приносим сей,
В ней к счастью путь надежный,
Вся жизнь и сладость в ней...

Не менее значимую роль в жизни молодого поколения Мары играл другой холостяк — Петр Андреевич Боратынский, который тоже не имел своей собственной семьи. Он был не только братом, но самым близким другом Аврама Андреевича, а после его смерти принял участие в воспитании племянников и племянниц. Петр Андреевич ходатайствовал об определении Евгения в Пажеский корпус, взяв на себя содержание: «Желая доставить благородному юношеству воспитание и обучение сыну покойного брата генерал-лейтенанта Аврама Андреевича Боратынского Евгению, определенному по высочайшему повелению в оный корпус в пажи, ... прошу оный корпус о приятии упомянутого сына покойного брата моего в число пансионеров на собственное содержание, с получением от меня следующего числа денег по пяти сот рублей в год, которые по назначению корпуса имею всегда вносить сполна ... из имеющегося собственного моего капитала. Август 31-го дня 1812 года. Генерал-майор Петр Боратынский» [Летопись... 1998: 76, 60, 77, 59].

Евгений часто жил у Петра Андреевича в Петербурге в период учебы в пансионе и Пажеском корпусе. Из писем узнаем, что дядя, заботясь об образовании мальчика, нанимал учителей для занятий математикой и музыкой. О благодарности, которую испытывал Евгений к Петру Боратынскому свидетельствуют строки письма: «Я не знаю, чем вам когда-нибудь доказать мою благодарность за все милости, коими я вам обязан! ... Будьте уверены, любезный дяденька, что слова ваши никогда не изгладятся

из моей памяти. Нужно быть более развращенным, или лучше сказать, совсем без души и сердца, чтобы не чувствовать всю цену ваших наставлений ... будьте уверены, что я никогда не позабуду, что вы столько времени были мне отцом, наставником и учителем» [Летопись... 1998: 76, 60, 77, 59].

Образ жизни Богдана, Ильи и Петра Боратынских, служивших на флоте, впечатлял юного Евгения, который впоследствии писал о своей любви к морскому делу:

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.

(Из стих. Е. Боратынского
«Пироскаф», 1844).

Находясь под присмотром «морских» дядюшек в петербургском пансионе, Евгений посылал брату Ираклию игрушечные кораблики. «Любезная маменька ...», — обращался он к Александре Федоровне. — Вы пишете, что игрушки, посланные братьям и сестрам, в их вкусе. Очень этому рад, досадно только, что вскоре после того, как я послал Ашу кораблик с такими плохо сделанными снастями, однажды, идя с дядюшкой из пансиона, я увидел матроса, продающего кораблик в два раза больше и несравненно лучше, чем тот, что я отправил, и всего на рубль дороже, но, впрочем, это неважно — наши столяры сделают лучше, лишь бы у них был образец, только нужно его покрасить. Пожалуйста, напишите мне, хорошо ли плавает посланный кораблик? Скажите Ашу, чтобы он не боялся пускать кораблик по воде, только надо прикреплять грузик к днищу, чтобы он не опрокинулся» [Летопись... 1998: 76, 60, 77, 59].

В другом письме Евгений умолял маменьку перевести его из Пажеского корпуса на морскую службу: «Представьте, моя дорогая, меня на палубе, среди разъяренного моря, бешеную бурю, подвластную мне, доску между мною и смертью, морских чудовищ, дивящихся чудесному орудию — произведению человеческого гения, повелевающего стихиям» [Цит. по: Гофман 1914: 33].

Особенно ценными для получения представления о культуре Мары и воспитании детей являются письма сестры поэта Софьи Боратынской 1822 года из Петербурга к Александре Федоровне. Пространно-длинные, с множеством подробностей, характерных для женского общения, они представляют собой не только дневник путешественницы, но своего рода «энциклопедию» жизни тамбовской усадьбы Боратынских, будто сквозь призму преломляющуюся через образ маменьки. Чрезвычайно интересно, как ведет себя девятнадцатилетняя девушка, получившая домашнее образование в «деревне» и приехавшая

в столицу: как она одета, на что обращает внимание, где бывает и чем занимается, как оценивает окружающую обстановку.

По письмам Софья предстает энергичным, жизнерадостным и вполне уверенным в себе человеком, каким можно было вырасти лишь в счастливой семье. Прежде всего, она сообщала Александре Федоровне те новости и впечатления, которые матери хотелось узнать в первую очередь — о Евгении: встреча брата и сестры была радостно-восторженной; Евгений «совершенно здоров и телом, и душой, очень похорошел, прекрасно выглядит», постоянно помнит о матери («все то же сердце, которое живет только надеждой видеть вас; его любовь к вам неизъяснима»); в его квартире, где он живет с Антоном Дельвигом, порядок и чистота [Песков 1990: 209–219; Летопись... 1998: 113–118]. Следующие впечатления — о дядюшке Петре Андреевиче: он встретился с племянниками «как нежнейший отец» — «после обеда не мог заснуть более чем на несколько минут, сказав, что ему мешает радость», он не отпускал их от себя ни на минуту.

Петр Андреевич вместе с Евгением показывали Софье достопримечательности Петербурга. Город ей, безусловно, понравился («это красиво, очень красиво», — писала она), но все же его строгая красота не могла вытеснить из сердца девушки любви к маленькой и никому неизвестной тогда Маре («но мы с братом не уставали повторять, что нет ничего лучше нашей деревушки!») [Песков 1990: 209–219; Летопись... 1998: 113–118].

Софья посетила Казанский собор, Смольный монастырь, Эрмитаж, оперу; осмотрела скульптурные памятники Петру I, Кутузову, Румянцеву; полюбывалась решетками Летнего сада. Ее взор не просто скользил по окружавшим лицам и предметам, он был наполнен живой любознательностью, желанием составить обо всем собственное мнение.

Рассуждения Софьи об искусстве обнаруживают хорошую осведомленность в данном предмете. Ее восхитила архитектура и росписи Казанского собора: «... кажется, Богородица дышит; а Христос — просто шедевр. Лица матери и ребенка необыкновенно меня поразили. Очень эффектно мраморная колоннада» [Песков 1990: 209–219; Летопись... 1998: 113–118]. В Эрмитаже ей не понравились французские пейзажи, но портрет русского Государя, выполненный французским художником в рост, привел ее в восхищение своим живоподобием.

Софью Боратынскую, как любую образованную девушку своей эпохи, в Петербурге привлекали, прежде всего, музыка и театр.

Первая треть XIX столетия в России характеризовалась возрастанием общественного интереса к светской музыке. В тот период начала складываться особая музыкальная среда и музыкальная атмосфера; профессиональные занятия музыкой перестали быть уделом низшего класса, а все более становились делом профессионалов из высшего сословия, принося им почет, славу и популярность; расширился круг исполнителей-дилетантов; усилился интерес к опере, симфонической и концертной музыке. В 1822 году, когда Софья Боратынская посетила столицу, в ней насчитывалось около 40 магазинов музыкальных инструментов и 20 дипломированных учителей музыки.

Совершая вояж из Мары через Москву в Петербург, Софья интересовалась нотными новинками, оперными постановками, музыкальными инструментами. В Москве она купила и отослала сестрам ноты. Александра Федоровна писала: «Поищите для сестер не такую сложную музыку, как сочинения Фильда, — еще до того, как мы получили из Москвы эти ноты, они уже нещадно терзали его концерты, не забудьте также купить им по несколько французских и немецких книг» [Песков 1990: 209–219; Летопись... 1998: 113–118]. В Петербурге Софья слушала оперы, смотрела спектакли, размышляла об игре актеров и декорациях, брала уроки музыки у «первого метра в Петербурге» И. К. Черлицкого¹.

Александра Федоровна, зная об увлечениях дочери, дала ей поручение — купить для Мары фортепиано: «Дорогое дитя, нам совершенно необходимо... английское фортепиано в Маре, может быть, даже стоит купить два хороших инструмента, помня о числе теперешних и будущих виртуозов». Евгений, как старший брат, был призван в главные помощники: «Дорогой Евгений, у вас легкая рука, постарайтесь купить фортепиано. Прошу вас выбрать самое лучшее для ваших сестер, особенно же смотрите, чтобы оно было новым и прочным» (из письма от 29 июня) [Лямина и др. 1993: 245–247]. Софья тут же озаботилась этой проблемой и посвятила ей немалое время: «Меня водили смотреть клавесины; они не вполне хороши; нам бы следовало поехать к Феверье выбрать рояль, как вы мне советуете в письме». Из другого письма Софьи Боратынской узнаем, что во всем Петербурге она не нашла такого хорошего инструмента, как тот, что находился в тамбовской «деревне»: «В вашем последнем письме, любезная маменька, вы говорите мне об английском рояле. Я спросила у месье Терлицкого [Черлицкого], можно ли их найти? Он отвечал, что в Петербурге они бывают только случайно, когда кто-то продает

¹ Иван Карлович Черлицкий (1799–1865) — ученик Дж. Фильда, педагог, автор трудов по методике преподавания фортепианной игры.

рояль, привезенный из-за границы. Я хотела бы купить обычное фортепиано в шесть октав, и даже видела одно подходящего тона, но не знаю, сколь оно тяжело. У всех клавишинов есть педаль, которую можно нажимать коленом, что ужасно неудобно, особенно детям. Но у этого фортепиано педали расположены, как у рояля; за него просят шестьсот рублей с перевозкой. Что же касается до роялей, то я не видела ни одного, который бы походил на наш, все они крайне неуклюжи» [Лямина и др. 1993: 245–247].

Пока Софья жила в Петербурге, ее ни на минуту не покидали мысли о Маре, и чем дольше она оставалась в столице, тем чаще вспоминала родной дом:

«... Натали пишет мне, что вишни уже стали краснеть; передайте же ей, что здесь розы едва распустились, а клубника только цветет. Здесь все позднее; здесь совершенно другой климат, он совсем мне не по душе.— Сохраните для нас, милая маменька, одно или два вишневых деревца с ягодами, быть может, мы приедем вместе с братом и поедем вишен с вами...» [Лямина и др. 1993: 245–247].

«... Мне кажется, милая маменька, наш сад должен быть очень красив в этом году; много ли там клубники? Мне чудится, я вижу, как вы прогуливаетесь там среди роз и вырываете время от времени сорняки. Почему я не могу перенестись к вам — помочь вам и обнять вас?...» [Лямина и др. 1993: 245–247].

«... Вы все занимаетесь постройками, любезная маменька, мне думается, вы сделали уже много с тех пор, как нас нет дома...» [Лямина и др. 1993: 245–247].

«... Обнимаю вас от всего сердца, а также Авдотью Николаевну [Зайцову], благодарю ее за заботы о моих голубях, в Петербурге же их совсем нет; здесь вообще ничего нет, кроме камней...» [Лямина и др. 1993: 245–247].

Из писем Софьи узнаем, что ее маменька обладала безупречным вкусом стилиста и прекрасно вышивала. «Несколько дней назад, — писала дочь Александре Федоровне, — мы познакомились с нашими родственницами, живущими недалеко от дядюшки; это барышни Воиновы...: это особы из большого света..., они прекрасно одеты... Они восхитились моими платьями, сшитыми в деревне, ибо такой их фасон здесь относят к самой последней моде; особенно изящным признали платье, вами вышитое. Я надену его, когда отправлюсь к г-же Нелидовой» [Лямина и др. 1993: 245–247].

В свою очередь Александра Федоровна просила Софью уделять больше внимания одежде, в которой она появлялась в обществе:

«... С необычайным удовольствием я читаю ваши сообщения о нарядах, прошу обращать на них внимание, в свете очень за этим следят, и в таких

условиях следует избегать всякого своеобразия... Купите себе розовой тафты на платье. Представляю, как оно вам будет к лицу. Закажите еще какой-нибудь приятный наряд из миткаля. Если запросят большие деньги за вышивку по муслину, мы вышьем здесь на досуге...» [Лямина и др. 1993: 245–247].

«... Посылаю вам воланчики с кисейной вышивкой — для наряда, который вы себе заказали; непременно надобно сделать крылушки на рукавах — или используйте их в каком-нибудь другом платье, их я тоже вышила, немного улучшив рисунок, но потому только, что рукава гораздо более на виду, чем оборка платья...» [Лямина и др. 1993: 245–247].

Евгений Боратынский, развлекаая сестру в Петербурге, был ей доволен: «Я именовал Софи ангелом не потому, что такова моя прихоть, но потому, что она того заслуживает. Если она будет и впредь вести себя столь прекрасно, как ныне, я не премину возвести ее в серафимы. Она взяла учителя музыки, она носит новые наряды, которые велела себе пошить, она с удовольствием сопровождает нас в театр и не знает ничего лучшего, чем летать по городу, — это ли не бытие сущего ангела?» [Летопись... 1998: 117].

К 1822 году относится стихотворение Евгения Боратынского, посвященное Софье:

И ты покинула семейный мирный круг!
 Ни степи, ни леса тебя не задержали;
 И ты летишь ко мне на глас моей печали —
 О милая сестра, о мой вернейший друг!
 Я узнаю тебя, мой ангел-утешитель,
 Наперсница души от колыбельных дней;
 Не тщетно нежности я веровал твоей,
 Тогда еще, тогда достойный твой ценитель!..
 Приди ж — и радость призови
 В приют мой, радостью забытый,
 Повей отрадою душе моей убитой
 И сердце мне согрей дыханием любви!
 Как чистая роса живит своей прохладой
 Среди нагих степей, — спасительной усладой
 Так оживишь мне чувства ты.

(Из стихотворения Е. Боратынского
 «Сестре», 1822).

Евгения и Софью Боратынских связывала крепкая дружба. Сестра боготворила брата как человека и как поэта. Поэтому неслучайно смерть Софьи Аврамовны последовала через несколько месяцев после кончины Евгения в 1844 году.

Мысли о Маре, часто звучавшие в письмах Софьи, рисуют образ ее маменьки. Она предстает музыкальной и начитанной женщиной, хорошо знающей мировую литературу и следящей за новинками во всех областях искусства, а также неутомимой рукодельницей, огородницей, садоводом, строителем, воспитателем. Если попытаться представить

величину тамбовского хозяйства Боратынских и того круга дел, каким приходилось заниматься Александре Федоровне, то можно с уверенностью утверждать, что мать поэта являла собой образ человека вполне незаурядного.

В фондах Тамбовского литературно-художественного музея (в 2007 году присоединенного к Тамбовскому областному краеведческому музею) хранилось письмо А. Н. Тарховой, жившей в Маре в начале XX века, к коллекционеру В. Г. Шпильчину (датировано 22 декабря 1975 года). В него было вложено стихотворение, написанное, по словам адресанта, юным Евгением Боратынским и посвященное Александре Федоровне:

Je voudrais bien, ma mère,
Célébrer tes vertus,
Que de la main divine
En naissant tu recus;

Pourrais — je m'en défendre
Voyant ta bonté,
Ton âme douce et tendre,
Ton esprit, ta beauté.
Je pense au nom de Flore,

De Venus, de Psyché,
De Pallas et d'Aurore.
Mais, hélas, quel péché!
Comparerais — je un être
Si vrai, si beau, si bon,
Aux beautés, dont peut-être
N'existe que le nom.
Une beauté céleste
Si pleine de vertus,
Si douce et si modeste

Que toi — n'existe plus.

Перевод с французского языка:

Я хотел бы, маменька,
Прославить твои добродетели,
Что от божественного промысла
Достались тебе от рождения;

Смогу ли я быть достойным,
Видя твою доброту,
Твою душу нежную и кроткую,
Твой ум и твою красоту.
Я думаю об образах Флоры,

Венеры, Психеи,
Паллады и Авроры.
Но, увы, какой грех! —
Сравнивать существо
Столь истинное, столь совершенное, столь доброе,
С прекрасными символами,
Которым есть только имя.

Красоты небесной,
Столь полной добродетелей,
Столь кроткой и простой

Как ты — не существует больше.

Подпись А. Н. Тарховой под текстом этого стихотворения гласит: «Это стихотворение детских лет посвятил Е. А. своей матери А. Ф. Боратынской (урожд. Черепановой)» [ТОЛХМ. КП № 327, л. 5]. Впервые оно было опубликовано С. А. Рачинским [Татевский сборник ... 1899: 59–60], затем — в академическом издании [Гофман 1914: 190].

Стихотворение вполне созвучно отроческим письмам Евгения Боратынского, представляя гимн матери, которой, как Прекрасной Даме (идеальному женскому образу), приносятся в дар рыцарская любовь, поклонение и прославление.

Стихотворение «Je voudrais bien, ma mère...» показывает, что Евгений Боратынский чувствовал мелодизм, ритм французского языка и обнаруживал прекрасную осведомленность в новейшем для конца XVIII — начала XIX веков направлении европейской культуры — интересу к искусству Средних веков, сыгравшему решающую роль в развитии романтизма. Философия любви и почитания в данном стихотворении, как у средневековых рыцарей, имеет теологическую окраску, надеясь божественными символами. Она заключена в рамки христианских добродетелей, в которых соединяются эстетика и этика, красота и благо, красота и истина.

Стихотворение апеллирует к средневековому мышлению не только образами и понятиями, но и попыткой «готически», рационально выстроить форму, модернизировать саму теорию средневекового творчества. Так, например, в сочинениях Блаженного Августина высказывалась мысль, что ничто не прекрасно, не будучи разумным, и ничто не соразмерно, не будучи прекрасным, что приводит к определению качеств прекрасного: разумная соразмерность частей, гармония, порядок, пропорциональность, ясность. Ими, по мнению средневекового богослова, должен руководствоваться художник в создании произведения: «Не то искусство, которое опытом наблюдается, а то, которое разумом доискивается» [Цит. по: Муратова 1988: 61].

Подобно средневековому художнику, юный автор стихотворения «Je voudrais bien, ma mère...» тщательно продумывает форму, пытается сделать ее логичной и ясной. Первая строчка, начинаясь местоимением «Я», вместе с тремя следующими представляет собой устойчивое основание, на котором, подобно готическому собору, строится повествование в виде вертикального восхождения (от описания человеческих качеств маменьки через

противопоставление ее образам античных богинь, обитающих на Олимпе, к христианским небесам — Богу). Стихотворение заканчивается строчкой, начинающейся словосочетанием «как ты». Таким образом, между «Я» (сыном, рыцарем), начинающим стихотворение, и «Ты» (маменькой, Прекрасной Дамой), венчающим его, возникает некое духовное пространство, которое можно преодолеть лишь путем восхождения по ступеням совершенства. Причем образ матери поставлен на такую недостижимую высоту, вершину мироздания, за которой начинается пустота — ничего «не существует больше».

ЛИТЕРАТУРА

- ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 1049, оп. 2, ед. х. 590.
- Гофман М. Л. Е. А. Боратынский: Библиографический очерк // Полное собр. соч. Е. А. Боратынского. СПб., 1914. Т. 1.
- Е. А. Боратынский: Материалы к его биографии: Из Татевского архива Рачинских / введ. и прим. Ю. Верховского. Пг., 1916.
- Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1891. Ч. 1.
- Иван Иванович Бецкой: Опыт его биографии / сост. П. М. Майков. СПб., 1904.

UDC 821.161.1 “I WOULD LIKE TO MAKE YOUR VIRTUES, MOTHER, FAMOUS...” STORIES FROM NOBLE ESTATE OF BORATYNSKY

M. A. Klimkova

The article is devoted to the peculiarities of educating children in the noble estate Boratynsky — Mara Kirsanov County in Tambov province — “shelter infants” poet Evgeny Boratynsky.

KEY WORDS: Boratynsky, Russian country estate, education, culture.

Климкова М. А. «Край отеческий...» История усадьбы Боратынских. СПб., 2006.

Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / сост. А. М. Песков. М., 1998.

Лямина Е. Э., Пастернак Е. Е., Песков А. М. Баратынские // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993.

Муратова К. М. Мастера французской готики XII–XIII веков: Проблемы теории и практики художественного творчества. М., 1988.

Песков А. М. Боратынский: Истинная повесть. М., 1990. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 427, оп. 1, ед. х. 496.

РГАЛИ. Ф. 427, оп. 1, ед. х. 425.

РГАЛИ. Ф. 51, оп. 1, ед. х. 165.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965. Т. XIV.

Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899.

ТОЛХМ (Тамбовский областной литературно-художественный музей). КП № 327.

Хетсо Г. Евгений Баратынский: Жизнь и творчество. Осло, 1973.

ТОГУК «Центр по сохранению историко-культурного наследия Тамбовской области».

Поступила в редакцию 14.03.2013 г.

ИЗ РОДА БОРАТЫНСКИХ: К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ О. А. ИЛЬИНОЙ

Е. Н. Бармина

В статье анализируются факты творческой биографии русской эмигрантской поэтессы и прозаика Ольги Александровны Ильиной – правнучки Е. А. Боратынского. В работе подчеркивается духовная, тематическая, художественная связь двух поэтов.

К Л Ю Ч Е В Ы Е   С Л О В А :
Боратынские,
литература русского
зарубежья, О. А. Ильина,
творческая биография.

В последние десятилетия наблюдается стойкий интерес читателей и исследователей к творчеству русских писателей, оказавшихся по разным причинам за рубежом. Так, благодаря публикациям их произведений на родине, многочисленным научным изысканиям в единое русло русской литературы XX века влились новые имена. Но, несмотря на это, наследие некоторых из оригинальнейших и интереснейших художников слова, ярко заявивших о себе в эмиграции, по-прежнему остается малоизвестным в России. К ним относится творчество русского поэта и прозаика Ольги Александровны Ильиной (1894–1991), правнучки Е. А. Боратынского.

Достаточно большое художественное наследие Ильиной составляют около сотни стихов, две повести в стихах «Колокола», 1913–1917 и «Пальна», 1917–1918, три крупных прозаических произведения: романы «Dawn of the Eighth Day», 1951 («Канун Восьмого дня», авт. перев., 2003) и «The St. Petersburg Affair», 1982 («Санкт-Петербургский роман». — Е. Б.), повесть «White road», 1984 («Белый путь». — Е. Б.).

На сегодняшний момент не существует целостной творческой биографии О. А. Ильиной и полноценных исследований ее достаточного большого художественного наследия: материал чаще всего представляется на уровне фрагментарных обзоров творчества и рассмотрения отдельных фактов жизни поэтессы и писательницы. Одну из общих тенденций такого подхода составляет указание значительной части авторов статей об Ильиной на ее родственную связь с Е. А. Боратынским (П. П. Балакшин, М. В. Ледковская, В. П. Крейд, Е. И. Карташева, А. А. Хисамутдинов и др.). Это обстоятельство подчеркивается в статьях ряда справочно-биографических изданий — энциклопедического справочника «Литературное зарубежье России» (2006) под редакцией Ю. В. Мухачева, сборника рефератов и аннотаций Г. Гезен, Л. Хотина «Литературная критика и литературоведение на страницах зарубежной периодики на русском языке. 1980–1995» (2007). Этот биографический факт, в свою очередь, указывает на возможность рассмотрения творчества Ильиной в контексте литературного наследия Тамбовского края.

С. А. Долгополова в своей статье «Поэзия домашнего круга» справедливо отмечает, что написание нескольких одноименных сборников «Друзьям на память», вышедших в 1882, 1904, 1914 годах

под авторством нескольких представителей семьи Боратынских, служит ярким примером преемственности поэтического таланта в их роду. Позже в 1985 г. в Лос-Анджелесе эту традицию продолжила и Ильина, издав сборник стихов с посвящением «Моей семье и друзьям». Преемственный характер, в частности, определяет и «знатное родство» [Айхенвальд 1927: 4] поэзии Ильиной с поэзией великого прадеда, что неоднократно подчеркивалось Ю. И. Айхенвальдом, В. П. Крейдом, О. Б. Мраморовым и другими авторами статей о жизни и творчестве поэтессы. Племянник поэтессы Н. Д. Боратынский отмечал: «Из таинственного и туманного прошлого рука Евгения Боратынского простерлась к Ольге Александровне и коснулась ее своим волшебным поэтическим жезлом» [Ильина 1985: 9]. Эта особенность поэтически была подчеркнута и самой Ильиной в стихотворении «Отца и дедов портреты»:

Отца и дедов портреты
В моем сердце, как звездный свет —
Отец мой и дед поэты
И прадед большой поэт.

В одно сливаемся все мы,
Общей мечтой близки,
Строфы одной поэмы,
Воды одной реки.

[Ильина 1985: 95]

Одной из существенных особенностей, объединяющих творчество великого русского поэта XIX века Боратынского и его правнучки Ильиной, является философская направленность их поэтических произведений. На характер преемственности указывала М. В. Ледковская: “She is conscious of the link to her eminent great-grandfathers metaphysical poetry of stoicism in the face of meaningless existence” («Она ощущает связь со стоицизмом философичной поэзии своего выдающегося прадеда перед лицом бессмысленного существования»). (Перевод мой. — Е. Б.). Мотивы духовных исканий, поиск ответов на «вечные» вопросы сближают творчество Боратынского и Ильиной. Мотивы поиска счастья и смысла жизни присутствуют в стихах Боратынского («Желанье счастья в меня вдохнули Боги» или «Безнадежность», «О счастья с младенчества тоскуя...», «Череп» и др.) и Ильиной («Пытаясь вникнуть в сущность бытия...», «О жизни будущей, о неземной обители» и др.); образы судьбы у Боратынского нашли отражение в произведениях «Дало две доли Провидение...», у Ильиной — в стихах «Судьба», «Евтерпия»; образ семьи у Боратынского — в «Люблю за дружеским столом...», «Сестре», у Ильиной — в «Брату», «Сыну», «О младшем брате» и др.

В творчестве обоих поэтов неоднократно звучат мотивы страдания (Боратынский: «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...»; Ильина: «Кармен»), изгнания (Боратынский: «Прощай, отчизна непогоды...», «... Что в молитвах? Я в чужбине дни скончаю...»; Ильина: «На фоне бурных скал и синевы небесной...»), смерти (Боратынский: «Последняя смерть», «Тебя из тьмы не изведу я...»; Ильина: «Как странно было бы сегодня умереть...» и др.).

Так, характерные для поэзии Ильиной философские размышления, являют собой идейное продолжение рассуждений лирического героя ее прадеда Е. А. Боратынского. Еще в одном из юношеских стихотворений «По вечерам я прихожу сюда...» (1915) появляется косвенное обращение Ильиной к своему великому родственнику. В этом произведении Ильина использует в качестве эпиграфа строки из его стихотворения «От смерти жизни жду, а от молчанья слова...»:

По вечерам, садясь перед столом,
Верна желанному и страшному свиданью,
Лицом к лицу я остаюсь вдвоем
С безликой тайной мирозданья.

[Ильина 1985: 28]

В другом стихотворении «Над книгой прадеда» (1915) Ильина непосредственно и прямо указывает на поэтическую преемственность с великим прадедом, заключая во фразе «А между тем ты жив — и это я». В стихотворении идет мысленное обращение к великому поэту:

... Что те же призраки вокруг тебя витали,
Когда спускалась ночи мгла.
Не та же ль у тебя минутная беспечность,
Не та же ль боль души во сне и наяву?

[Ильина 1985: 30]

Фамилия дворянского рода Боратынских, из которого происходила семья Ильиной, имеет польские корни, уходящие в XIV век. С. А. Долгополова отмечает, что название замка Боратын (Бог ратует), построенного основоположником рода Димитрием Божедаром в Галиции, сыграло важную роль в образовании созвучной фамилии. Кроме того, исследователь указывает на связь появления рода Боратынских в России с переходом во второй половине XVII века одного из потомков Божедара на русскую службу. Бытовавшие в XVIII–XIX веках варианты написания фамилии Баратынский и Боратынский, относящиеся к имени великого поэта Е. А. Боратынского, не утратили своей актуальности и в XX веке, в том числе, и тогда, когда появились публикации стихов его правнучки Ильиной и много позже в работах

исследователей ее творчества. Так, первые произведения Ильиной, выходявшие в России до 1920-х годов, были подписаны вариантом ее девичьей фамилии — Баратынская, а в исследованиях по ее творчеству, вышедших во второй половине XX века, используется вариант Боратынская.

Поэт Е. А. Боратынский неоднократно бывал в родном для Ильиной городе Казани и имении Каймарах Казанского уезда, полученном в приданое его женой Анастасией Львовной Энгельгардт (1804–1860). Как отмечает Е. И. Карташева, здесь он «в начале 1830-х годов — занимался хозяйством и литературным творчеством» [Ильина 2003: 390]. Дети Боратынского стали постоянными жителями Казанской губернии. Потомки по линии младшего сына поэта Николая Евгеньевича Боратынского (1835–1898) приобрели в Казани наибольшую известность. Дед Ильиной, Н. Е. Боратынский, закончивший в 1854 году Николаевское кавалерийское училище гвардейских прапорщиков в Москве, военную службу завершил достаточно скоро: уже в 1857 году он вышел в отставку, после чего четыре года провел в Швейцарии и Италии вместе с матерью и сестрами. После смерти матери с начала 1860-х годов Н. Е. Боратынский обосновался в Казани, где приступил к переустройству своих имений. Его женой в 1864 году стала дочь известного профессора-востоковеда А. К. Казем-Бека (1802–1870) Ольга Александровна Казем-Бек (1843–1918).

Начиная с 1865 года и в продолжение более чем тридцати лет, Н. Е. Боратынский занимался общественной деятельностью в Казанской губернии: избирался в октябре 1865 года гласным Казанского уездного собрания, а в декабре того же года — уездным предводителем дворянства и председателем попечительского совета Мариинского училища, занимался изданием сочинений отца. Семья Боратынских была уважаема в Казани. Боратынские дорожили историей своего рода: особо относились к памяти о предках, среди которых были выдающиеся деятели Казани: вице-губернатор М. Н. Кудрявцев, масон П. А. Татищев, генерал Л. Н. Энгельгардт. Эта традиция, основанная на уважении к истории своей семьи, передавалась в роду Боратынских на протяжении всех последующих поколений.

В Казани Н. Е. и О. А. Боратынские в 1868 году приобрели имение Шушары, годом позже усадьбу на Большой Лядской улице, именуемую впоследствии в семейном кругу Серым домом [Ильина 1985: 9–10]. Как отмечает Е. И. Карташева, с ними и «связана в дальнейшем жизнь трех поколений Боратынских вплоть до 1918 года» [Ильина 2003: 390]. После смерти Н. Е. Боратынского его единственный сын А. Н. Боратынский (1867–1918) был главой этого Серого дома.

Женой А. Н. Боратынского стала Надежда Дмитриевна Шипова (1866–1903), с которой он познакомился в 1889 году на любительском концерте в Петербурге. Тогда он проходил обучение в Императорском училище правоведения. А спустя два года после знакомства, 15 сентября (ст. ст.) 1891 года, в Петербурге состоялась свадьба А. Н. Боратынского и Н. Д. Шиповой. Это был очень красивый и гармоничный союз двух молодых людей, о котором сестра А. Н. Боратынского, Ксения Николаевна, писала в своих воспоминаниях так: «Замечательная красивая была эта пара молодых: оба рослые, стройные. Он — как смоль черный... Она — беленькая, с легкими пушистыми волосами, стоящими ореолом над головой, с тонкими чертами и с чудным цветом лица» [Боратынская 2007: 71]. Кроме того, молодых людей связывала любовь к искусству, музыке и поэзии.

Надежда Дмитриева относилась к знатному дворянскому роду: при жизни отца Шиповы были богаты и владели пароходами, но после его смерти семья разорилась. Ее мать Мария Соломоновна Шипова (ум. 1907), урожденная графиня Кронгельм фон Геккуэ, служила инспектрисой в Смольном институте, старшая сестра Анна (ум. 1913) была фрейлиной при принцессе Ольденбургской, брат Павел являлся офицером Преображенского полка.

После брака молодожены переезжают из Петербурга в Симбирск, куда А. Н. Боратынского назначали на место службы. О. А. Ильина становится вторым после брата Дмитрия (1892–1933) ребенком в семье А. Н. и Н. Д. Боратынских. Выбор имени будущей поэтессы — Ольга — является своего рода данью давней традиции в роду ее предков по линии бабушки О. А. Боратынской, урожденной Казем-Бек. Рождение легенды восходит еще ко дню Святой Ольги, ознаменовавшему момент отречения от ислама и принятия православного вероисповедания прадедом поэтессы А. К. Казем-Бек. Значение этого семейного предания позже О. А. и Б. К. Ильины — мать и сын — раскроют в биографическом очерке «Бабушке», ссылаясь на полные глубокого духовного смысла слова Е. А. Дебособр (1810?–1885) (урожденной Костливцевой. — Е. Б.): «— Я думаю, теперь в каждом поколении Боратынских будет Ольга?... — Потому что тот день, когда Александр Касимович перешел в Русскую Православную Церковь, оказался днем Святой Ольги. А он в то время чувствовал такой душевный подъем, что покался: свою первую дочь он назовет Ольгой...» [Ильина О. А., Ильин Б. К.]. Так, Ольга Александровна Ильина стала третьей после бабушки О. А. Боратынской (урожденной Казем-Бек. — Е. Н.) и тети О. Н. Боратынской (1864–1939) (в замужестве Шульгиной — Е. Н.) Ольгой в роду Боратынских.

Во время проживания с родителями в Симбирске будущая поэтесса, тогда еще совсем маленькая девочка, чуть было не погибнет вследствие полученных от кори осложнений на легкие [Боратынская 2007: 114], только настоящее чудо спасло Ольгу.

После смерти Н. Е. Боратынского летом 1898 года его сын А. Н. Боратынский с семьей перебирается из Симбирска в Казань. Здесь в 1899 году у А. Н. и Н. Д. Боратынских рождается третий ребенок Александр (1899–1919). Н. Д. Боратынская не оставалась в стороне от общественной жизни города и поддерживала мужа в его гражданских устремлениях. Она посвятила себя полностью благотворительным мероприятиям, помогала крестьянам в вопросах медицины, нередко сама оказывала необходимую медицинскую помощь, посещала тюрьмы, где старалась вселить надежду духовного спасения в заключенных.

Детство и юность Ольги, как и двух ее братьев, прошли в казанском доме на Большой Лядской и находящемся в двух часах езды на тройке от города семейном имении Шушары. «Серый дом» в Казани и дом в Шушарах ассоциировались у всех членов семьи Боратынских с некой огромной плачущей силой и особой внутренней атмосферой. Шушары, как вспоминала много позже Ильина, «дом, в котором... стали постоянно проводить лето, дом, куда приезжали гости, не заботясь о том, есть для них место или нет, так что, в конце концов, пришлось выстраивать гостевое крыло. Это был дом, в котором много лет спустя и я бывала летними месяцами — рай, образ которого никогда не изгладился из моей памяти» [Ильина О. А., Ильин Б. К.].

Немного другим, более серьезным, высоко духовным и наполненным иным глубоким смыслом представлялся писательнице «Серый дом» — тот, к которому она будет стремиться всегда, даже когда это станет невозможным. Внешний облик «Серого дома» запечатлела тетка Ильиной К. Н. Боратынская в своих воспоминаниях: «Дом снаружи, хоть и невзрачный, но стильный; деревянный одноэтажный особняк с мезонином, с двумя флигелями и двумя большими тополями у каждого флигеля. Но внутри дом большой и красивый...» [Боратынская 2007: 15]. Американский исследователь творчества Ильиной Г. Мензис определил высокую значимость для нее образа Дома, начиная с детских лет, отметил, что Шушары давали будущей поэтессе радость внешних впечатлений, а Дом в Казани, в особенности Его Белая зала, явились для Ильиной ядром ее внутренней индивидуальности [Menzies: 42], где она создавала свой собственный мир мечты, музыки и первые стихотворные строки. Эти два образа впоследствии найдут свое художественное воплощение на страницах произведений Ильиной, созданных на эмиграции, в частности, в романе «Канун Вось-

мого дня» («Dawn of the Eighth Day».— Е. Б.). В нем писательница поэтизирует образ усадьбы в Шушарах, дав ей новое имя — Синий Бор.

Ильина росла в обстановке полного семейного согласия и гармонии, ее окружали забота и любовь близких людей: отца, матери, братьев, двух бабушек, М. С. Шиповой (в семье называемой Grandmaman Blanche — Е. Б.) и О. А. Боратынской (в семье Grandmaman Noire — Е. Б.). Эти две женщины — совершенно разные внешне и внутренне — были очень дороги и близки для Ильиной в ее детские годы. Обе они когда-то имели честь быть представленными персонам императорского двора (этот момент ярко освещен в статье Г. Мензиса.— Е. Б.): М. С. Шипова в возрасте семи лет была привезена ко двору царя Николая I, а О. А. Казем-Бек вызвала восхищение у Александра III и будущей императрицы Александры Федоровны во время их официального визита в Казани.

В ноябре 1903 года страшная трагедия поразила семью Боратынских. Заразившись скарлатиной от переболевшего старшего сына Дмитрия, умерла Н. Д. Боратынская. Надежду Дмитриевну похоронили на кладбище в родовом имении Боратынских Шушары. Потрясенный смертью супруги А. Н. Боратынский так и не смог полностью оправиться от этой страшной утраты. К. Н. Боратынская так описывала состояние брата после смерти жены: «На фоне этого ужасного времени вырисовывается светлый духовный образ Саши, страдающий, мятущийся и покоряющийся, весь горящий внутренним огнем, как жертва, объятая пламенем и возносящаяся к Богу» [Боратынская 2007: 268]. После смерти супруги отец поэтессы полностью посвятил себя служению дела народного образования. Воспитание детей в тот период перешло в руки сестры Александра Николаевича Е. Н. Боратынской (1869–1943), которая переехала к ним в Казанский дом.

Будущей писательнице было всего лишь девять лет, когда ее матери не стало. Эта утрата в будущем оставила определенный отпечаток и на ее первых поэтических произведениях, в которых уже с особой убедительностью и достаточно серьезно звучат мотивы тоски и смерти. Кончина Н. Д. Боратынской сплотила отца и детей. В этот период маленькая Ольга особенно привязалась к отцу, стараясь обрести в нем ласку и заботу матери. Со временем между отцом и дочерью сложился особенно тесный духовный контакт. Эмигрант, писатель и современник Ильиной О. Б. Мраморнов так описывал этот опыт духовного общения отца и дочери: «Отец преподносил Лите (так Ильину называли в семейном кругу.— Е. Б.) неназойливые наставления в виде стихотворных посланий. Это была удачно усовершенствованная форма внутрисемейного контакта...

Главным заветом отца для дочери станет его призыв: *не унывай*» [Мраморнов 2000: 3–4]. Духовная сплоченность отца и дочери пройдет курсивом через поэтические и прозаические произведения Ильиной, написанных в эмиграции.

Поэтический дар О. А. Ильиной проявил себя достаточно рано: стихи она начала писать с середины 1910-х годов, примерно в возрасте 16–17 лет. Первые публикации О. А. Ильиной появились в 1913 году в казанском журнале «Жизнь» (№ 20–21) [См.: Ильина 2003: 392].

Уже в ранних стихах поэтессы определено наметилось философское направление ее творчества в целом. Лирическая героиня юношеского периода обращается к поиску ответов на вечные вопросы, осмыслению бытия и понятий счастья, «жизни будущей», «неземной обители», «правды», «греха» и т. д. Несомненно, существенный отпечаток на философскую направленность творчества поэтессы наложила и тяжелейшая утрата, постигшая О. А. Ильину в девятилетнем возрасте — смерть матери, но также и увлеченность ею накануне Первой Мировой войны предметом философии: «... Страшно увлеклась идеей смысла... почувствовала несколько нахлынувших строф, побежала за карандашом и бумагой и обратно на веранду. Строчки начали выстраиваться, вырваться так быстро, как только я могла их записывать» [Ильина О. А., Ильин Б. К.].

До революции О. А. Ильина приступает к созданию более крупного поэтического жанра — повести в стихах. Одна из них — «Колокола» — была начата поэтессой еще в 1913 году, а завершена накануне революции в 1917 году. Из 230 страниц текста большая часть была утеряна в годы Гражданской междоусобицы, а сохранившаяся, малая, напечатана в Калифорнии в поэтическом сборнике 1985 года. Произведение неоднократно читалось поэтессой на собраниях литературного кружка в Сан-Франциско. Вторую неоконченную повесть в стихах — «Пальну» (1917–1918) — постигла похожая участь, фрагменты ее были частично восстановлены самой поэтессой.

1918 год становится переломным в жизни семьи Боратынских. В пучине разразившихся в стране кровопролитных событий О. А. Ильина теряет отца, брата, бабушку, а спустя время Дом и Россию. Первая огромная утрата постигает ее, когда 18 сентября 1918 года на окраине Казани расстреливают отца поэтессы А. Н. Боратынского, занимавшего тогда должность предводителя дворянства. Спустя месяц после этого страшного события уходит из жизни бабушка Ильиной. Другой удар приходится на 1919 год — в бою гибнет младший брат О. А. Ильиной, талантливый и всеми любимый Александр.

Начиная с момента взятия красными Казани в сентябре 1918 года, О. А. Ильина вместе с маленьким сыном, как и многие другие жители города, не поддержавшие новую власть, направляется вслед за отступающей Белой армией. Это был долгий и мучительный путь вдоль Транссибирской железной дороги, наполненный всеми трудностями, горестями и страданиями скитальца.

В период следования за Белой армией Ильина не перестает писать стихи, при этом они отличаются высокой исторической достоверностью. Поэзия этого периода, в отличие от юношеского творчества, обретает лиро-эпический характер: помимо самой лирической героини, появляются другие герои и конкретный исторический сюжет. В поэзии этого периода происходит существенное смещение позиции самой лирической героини: с центрального места она переходит на позицию наблюдателя. В стихах этих лет определено прослеживается отход от прежней рефлексии к экстраверсии: лирическую героиню Ильиной волнуют судьбы окружающих людей, конкретные исторические события. Сама история со всеми ее многочисленными лицами и участниками становится главной героиней поэзии Ильиной этого периода.

В 1922–1923 годы Ильина вместе с мужем и маленьким сыном была вынуждена покинуть родину. Продолав мучительный и трудный путь через Сибирь в Харбин, они оказались в США, в Сан-Франциско. Здесь писательница жила до самой смерти. В первые годы жизни в эмиграции О. А. Ильина, как и многие другие эмигранты, вынуждена была обеспечивать заработок для своей семьи — это была обычная работа продавщицей в магазине бус. Но в последующем жизнь поэтессы в США сложилась достаточно удачно: ей удалось добиться значительного успеха в сфере дизайнерского искусства, а впоследствии открыть собственный магазин модной одежды в Сан-Рафаэле.

Оказавшись за рубежом, О. А. Ильина не оставляла занятий литературой — в первые же годы проживания в Сан-Франциско она стала активной участницей так называемого литературно-художественного кружка, председателем которого был А. П. Ющенко. На заседаниях кружка О. А. Ильина читала свои стихотворения, вошедшие в 1927 году в сборник «Молчанье звезд», и поэму «Колокола». Но революция, мучительные годы скитаний, невосполнимые утраты близких, дома, родины, эмиграция надломил поэтический дар Ильиной, проявившийся еще в юношеские годы и годы жизни в России. Стихи Ильина писала все реже — в эмиграции приступила к созданию прозаических жанров. Как отмечала сама поэтесса много позже в одном из своих эмигрантских стихотворений 1921 года:

Это было в России, моей отчизне,
В городском, оголтелом шуме
И талант мой рыдал, что он жив, полон жизни,
Но, что он умирает! И умер.

[Ильина 1985: 71]

В эмиграции значительная часть публикаций Ильиной — в основном это были стихи разных лет — входит в так называемые коллективные сборники, большей частью публикуемые действующими литературными кружками: «Дымный след» (1925), «Земля Колумба» (1937), «У Золотых Ворот» (1957), «Русская женщина в эмиграции» (1970), альманах «Встречи» (1988). Одним из современных сборников, вышедших в России, стал сборник эмигрантской поэзии «Белая лира» (2006). Он включает стихи Ильиной из цикла «1920 год».

Знаменательным событием в жизни поэтессы за рубежом стал выход сборника ее собственных стихов «Молчанье звезд» (1927). Сборник вызвал живые отклики в печати. Ю. И. Айхенвальд, известный литературный критик, высоко оценил дарование молодой поэтессы, подчеркнул и «знатное родство» поэзии Ильиной с творчеством ее великого прадеда Е. А. Боратынского: «Позволяя себе маленькую нескромность, т. е. выходя за пределы книжки в биографию поэтессы, прибавим, что она — правнучка Боратынского. Как будто сказалося это знатное родство на стихах г-жи Ильиной. Они проникнуты живою мыслью, их отличает хорошая интимность, они звучат серьезно и религиозно» [Айхенвальд 1927: 4].

В рецензии Айхенвальд справедливо отмечал, что «какою-то красивой стариной и старинным благородством, и женственностью веет от этого много говорящего “Молчанья звезд”» [Айхенвальд 1927: 4].

Наперекор судьбе в 1929 году в разгар великой депрессии, когда эмигранты в США оказались в крайне тяжелом положении, в семье Ильиных происходят два знаменательных события: рождается второй сын Дмитрий и начинает поправляться после туберкулеза легких супруг поэтессы — К. Б. Ильин. В это же время Ильина берется за написание своего романа «Dawn of the Eighth Day» (1951). Но в 1932 году в, казалось бы, только налаживающуюся жизнь семьи Ильиных в США врывается страшное известие из СССР — расстрел брата Дмитрия в Москве. Прошлое снова наносит удар Ильиной, судьба безжалостно отнимает у поэтессы последнего оставшегося в живых брата.

Потеря родины и близких людей наложила своеобразный отпечаток и на все наследие Ильиной в эмиграции, которое отличает грустно-ностальгический характер, ее произведения проникнуты болью утраты. Для воссоздания картины ушедшей жизни Ильина обращается к жанру воспоминаний. Неслучайно произведения эмигрантского периода

отмечены высокой долей автобиографичности. Память в произведениях Ильиной реализуется в виде прапамяти, связи с предками и членами семьи, в мотиве поэтической преемственности.

В эмиграции прошлое становится главным героем поэзии О. А. Ильиной. Так, в стихах и прозаических произведениях находят отражение реальные моменты: описание имения, комнат дома, детских лет жизни. В поэзии возникают образы членов семьи Ильиной: отца, брата, бабушки.

В эмиграции Ильина выпустила в печать три своих крупных прозаических произведения на английском «Dawn of the Eighth Day» (1951), «The St. Petersburg Affair» (1982), «White Road» (1984). Весьма занимательна и интересна судьба романа Ильиной «Канун Восьмого дня». Произведение вышло в свет на английском языке в 1951 году, на русском языке — лишь в 2003 году, в родном городе поэтессы Казани.

В 2011 году Казанский музей имени Е. А. Боратынского приступил к подготовке к публикации в России третьей книги Ильиной «White road» («Белый путь. Русская Одиссея 1919–1923». — Е. Б.), рукопись которой поступила в коллекцию музея Е. А. Боратынского в Казани в декабре 2009 года от сына писательницы Б. К. Ильина. К сожалению, до сих пор не существует литературного перевода текста второго крупного прозаического произведения автора — «The St. Petersburg Affair» («Санкт-Петербургский роман»). Сюжет трех крупных прозаических произведений Ильиной, как и стихотворений эмигрантского периода, непосредственно связан с образом родины: воспоминаниями о годах жизни в России, последующими событиями революции, началом эмиграции.

Овладев в совершенстве английским литературным языком, Ильина не утратила знаменательной особенности своего творчества — писать стихи только на родном ей, русском языке. За два года до смерти, в 1989 году, Ильина признается своей родственнице из Москвы Е. Н. Храпцовой: «Мне никогда не хотелось писать стихи по-английски!» [Долгополова 2002: 353].

В последние годы своей жизни О. А. Ильина обращается к мемуарному жанру, в эмиграции она стала автором нескольких биографических очерков о своей семье, в своей совокупности составляющих семейную хронику представителей рода Боратынских с середины XIX века. Один из них «My grandmother» был опубликован в 1994 году в «Literature of Russia». Другие, к которым принадлежат воспоминания о тете поэтессы А. Д. Шиповой, являются достоянием семейного архива Ильиных в Сан-Франциско и музея Е. А. Боратынского в Казани. Творчество Ильиной в целом носит автобиографический характер, поэтому на страницах ее произведений неоднократно

находят свое отражение реальные факты из ее собственной жизни и жизни ее семьи.

Квартира Ильиных в Сан-Франциско была наполнена старым духом дореволюционной России. Книги, старые семейные фотографии и портреты предков на стенах, частые приемы гостей, поддержание разговора на русском языке — все это в какой-то степени стало воплощением быта и атмосферы «Серого дома» в Казани. Племянник поэтессы Н. Д. Боратынский писал о ее доме в Сан-Франциско: «Традиции семьи Боратынских здесь полностью сохранены, и больше число людей, старых и молодых, собирается в ее маленькой квартирке, чтобы обменяться своими идеями, замыслами, поделиться своими заботами, мечтами» [Ильина 2003: 10]. Как отмечает Е. Н. Храмова, среди гостей О. А. Ильиной были и такие знаменитые русские, как С. В. Рахманинов, М. Плисецкая.

Все творчество Ильиной стало своего рода объектом бесконечной любви и памяти утраченной семье и родине. О. И. Ильина ушла из жизни, прожив почти век, в ноябре 1991 года в Сан-Рафаэле.

ЛИТЕРАТУРА

- Айхенвальд Ю. И. Рецензия // Рувль. 1927. № 2071. 21 сент.
- Боратынская К. Н. Мои воспоминания. Мураново. М., 2007.
- Долгополова С. А. Поэзия домашнего круга // К 200-летию Боратынского. М., 2002.
- Ильина О. А. Канун Восьмого дня. Казань: Заман, 2003.
- Ильина О. А. Стихи. LosAngeles, 1985.
- Ильина О. А., Ильин Б. К. Бабушка(е) Ольга(е). Биографический очерк // Архив Музея Е. А. Боратынского в Казани.
- Мраморнов О. «А между тем ты жив — и это я». Поэты из рода Боратынских // Независимая газета. 2000. 17 ноября.
- Menzies G. Feature: A Certain Vision of Truth // Atlantis Magazine. In the Courts of Memory. Vol. 1. N. 1. С. 42.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».
Поступила в редакцию 14.02.2013 г.

UDC 82-1

FROM BORATYNSKY GENERATION: TO CREATIVE BIOGRAPHY OF O. A. ILYINA

E. N. Barmina

The article analyses facts of creative biography of Russian immigrant poetess and master of prose Olga Alexandrovna Ilyina — great-granddaughter of E. A. Boratynsky. The work emphasizes spiritual, thematic, art connection between two poets.

KEY WORDS: The Boratynskies, Literature of Russian foreigners, O. A. Ilyina, creative biography.

«ЖИЛ СРЕДИ НАС СКРОМНЫЙ ПИСАТЕЛЬ...»: О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ДРАМАТУРГА Д. П. ДЕВЯТОВА

Т. А. Опритова

Статья посвящена жизни и творческой судьбе незадолго забытого драматурга и тамбовского журналиста Дмитрия Прокофьевича Девятова (1919–1968). В основу положены материалы личного архива, дневников и записных книжек писателя, которые хранятся в Музее книги и библиотечной культуры при библиотеке № 1 им. К. В. Плехановой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: драматургия, литературное краеведение, фронтовой корреспондент, Дмитрий Девятов, тамбовская журналистика.

Имя Дмитрия Прокофьевича Девятова сегодня мало известно читающей и театральной публике. А было время (конец 1940 — начало 1950-х годов), когда спектакли по пьесам этого драматурга шли в ведущих театрах страны, известные композиторы писали к ним песни, имена исполнителей главных ролей были у всех на устах. Не говоря уже об опубликованных в тамбовской прессе статьях, театральных рецензиях, написанных образно, живо, всегда объективно. Признаться, сотрудники библиотеки № 1 им. К. В. Плехановой знали о Дмитрии Девятове лишь основные биографические сведения. Все изменилось летом 2011 года, когда вдова драматурга и тамбовского журналиста Нина Илларионовна Корнеева передала в Музей книги и библиотечной культуры, созданный при старейшей библиотеке г. Тамбова, его архив и личные вещи. Среди документов — фронтовой дневник Дмитрия Прокофьевича, письма, записные книжки, рукописи пьес, статей, которые открывают мир образов, типажей будущих героев произведений драматурга и фронтового корреспондента дивизионной газеты «За Отчизну», позже журналиста «Тамбовской правды». Самое главное — эти материалы дают возможность воссоздать внутренний мир писателя — человека очень доброго, честного, необычайно ответственного и трудолюбивого. При этом документы являются важным свидетельством о трагических событиях Великой Отечественной войны, об ушедшей эпохе социалистического реализма в советской литературе и театральном искусстве, но главное о том, как при любых жизненных обстоятельствах остаться Человеком с большой буквы.

Открытие Дмитрия Девятова для нас началось с песни Бориса Мокроусова на стихи Марка Лисянского «Осенние листья», которая была написана весной 1951 года. Московский драматический театр им. К. С. Станиславского ставил спектакль «В Лебязьем» по пьесе тамбовского драматурга Д. Девятова. К этому времени имя молодого литератора и пьеса были известны всей стране. Лирическая комедия «В Лебязьем» была написана им в конце 1949 года. Премьера на сцене Тамбовского драматического театра им. А. В. Луначарского состоялась уже в праздничный день 7 ноября 1950 года. О спектакле заговорила и столичная пресса. Специально приезжал в Тамбов посмотреть постановку замечательный мастер мхатовской плеяды, народный артист РСФСР Михаил

Яншин. Пьеса ему очень понравилась, и он решил не только поставить ее на сцене московского театра им. К. С. Станиславского, но и предложил номинировать спектакль на Государственную премию СССР. 18 марта 1952 года спектакль был отмечен Сталинской премией. В 2012 году исполнилось ровно 60 лет со дня этой памятной для тамбовской культуры даты, связанной с именем замечательного человека Дмитрия Прокофьевича Девятова.

В пятидесятые годы прошлого века отечественный театр переживал острый репертуарный кризис, который именовался, как это не звучало бы сегодня странно, новым подъемом советской драматургии. Ставились пьесы, написанные наскоро бойкими и ловкими авторами. В советской литературе утвердилась теория бесконфликтности, которая провозглашала «борьбу лучшего с хорошим» — единственно приемлемое противостояние. Драматурги нещадно приукрашивали в пьесах то, что они называли жизнью.

Эти пьесы одобрялись партийным начальством и превозносились критиками, но успеха у публики не имели и очень быстро сходили со сцены. Мыслящим творчески, ищущим режиссерам приходилось с трудом решать проблему привлечения в театр зрителей. Считалось большой удачей найти своего автора.

В 1947 году главным режиссером Тамбовского драматического театра им. А. В. Луначарского становится Владимир Александрович Галицкий. Он твердо был убежден, что «ложь никогда не создавала настоящего ни в жизни, ни в искусстве». Рассказывая в «Записках главного режиссера» о тамбовском периоде своего творчества, В. А. Галицкий вспоминал, какой удачей для него и театра стало знакомство с молодым драматургом Дмитрием Прокофьевичем Девятовым [Галицкий 2003: 119–120].

Однажды в кабинете главного режиссера раздался телефонный звонок: «Вас беспокоит тамбовский журналист Д. П. Девятов. Я хотел бы с вами встретиться» [Галицкий 1987: 3]. Через полчаса к Галицкому вошел молодой человек небольшого роста. Его лицо и копна волос на голове были обожжены сильным летним зноем. Застенчиво улыбаясь, он произнес: «Вот настроил пьеску, хочу Вас познакомиться» [Галицкий 1987: 3]. С этой беседы и началась их многолетняя дружба. В. А. Галицкого привлекли в его набросках отсутствие громких фраз и речей «под занавес», свежесть и лаконичность языка, несомненный тамбовский колорит, метко, не без юмора обозначенные характеры. А еще поразила поэзия авторских ремарок. Вся пьеса была такой русской. Как опытный режиссер, Владимир Александрович понимал, что следует доработать сюжетное построение пьесы, но это уже было дело техники. В своей основе пьеса была замечательной.

В театре нашлись хорошие исполнители: Алексей Федорович Бунин, Иван Никитович Марин, Мария Ивановна Коварская. Спектакль полюбился зрителям. Очевидцы рассказывают, что в театр на спектакль «В Лебязьем» приезжали на машинах из сел и деревень колхозники. И причина была не только в том, что на сцене оживали неприукрашенные картины послевоенной деревни. Привлекало чувство меры, великолепное знание забот и радостей колхозной жизни, искренняя вера в силы человека, душевность и поэтичность. Эти особенности пьесы и спектакля точно подметил М. Яншин [Владимиров 1987: 3]. Ему импонировало, что автор и режиссер не ставили своей целью любой ценой рассмешить зрителя. Комедийное в спектакле тамбовского театра рождалось из тех обычных забавных житейских положений, в которые попадали герои.

В начале 1951 года в Москве проходило II Всесоюзное совещание молодых писателей. Выступая на нем, Николай Погодин — известный драматург, автор пьес «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», сценария к фильму «Кубанские казаки» и многих др. — очень высоко оценил пьесу Дмитрия Девятова «В Лебязьем». Отметив ярко выписанные и оригинальные образы, Н. Погодин подчеркнул, что герои «говорят живым, народным языком, который за столом не сочиняется» [Погодин 1969: 27–29].

Любовь к деревне, к простым людям, к живописным тамбовским местам Дмитрий Прокофьевич пронес через всю свою жизнь. Родился он 23 сентября 1919 года в поселке Двойневка — затерявшейся среди лесов деревеньки в Кирсановском районе Тамбовщины. Детство его проходило на берегах Вороны. Эта река течет среди дубрав и ветляников, чтобы на минуту выскочить на луговую поляну и опять спрятаться в лесной чаще. В бассейне реки много изумительных по красоте озер. Среди них озеро Лебязье, с которым была связана легенда о лебединой верности: лебедь не оставил раненую лебедушку, зазимовал на озере и погиб вместе с ней. От того и название у озера — Лебязье. Удивительное предание, как впечатление детства, сохранила память.

После семилетки и окончания средней школы Дмитрий Девятов уехал в Москву учиться журналистике. Еще в школе он начал писать статьи и заметки в кирсановскую газету, теперь же решил посвятить этому делу свою жизнь. Московский институт журналистики, основанный в 1923 году, готовил специалистов из числа рабочих и крестьянских корреспондентов. В 1931 году он был преобразован во Всесоюзный Коммунистический институт журналистики имени «Правды» при ЦИК СССР (ВКИЖ) и стал выпускать редакторов республиканских, краевых и областных, крупных районных и городских

газет. Это уникальное учебное заведение отличалось самобытной, оригинальной профессиональной подготовкой журналистов, но в середине 1930-х годов разворачивается масштабная «чистка аппарата». Происходит крутая ломка всех сторон деятельности института, что привело к его ликвидации в апреле 1938 года, поэтому Дмитрий Прокофьевич смог окончить только первый курс ВКИЖа.

Желание учиться было непреодолимо. В 1937 году он отправляется в Ленинград и поступает в Коммунистический политико-просветительный институт им. Н. К. Крупской. Учеба увлекала, хотя жить приходилось трудно, на одну стипендию. Еще в школьные годы Дмитрий полюбил театр, занимаясь в драматическом кружке. Оказавшись в театральном Ленинграде, не пропускал ни одного спектакля. Позже он вспоминал, как всю стипендию тратил на театр, как приходилось питаться черным хлебом, селедкой да горячей водой, но зато — какие были вечера, какие — спектакли!

Воспитывала сама ленинградская культурная среда, замечательные люди этого города. Был такой случай. Как-то, гуляя по невской набережной, Дмитрий заметил, что у впереди идущего человека из кармана плаща выпала денежная купюра. Балтийский ветер подхватил ее и подбросил прямо ему под ноги. Молодой человек подошел к прохожему и в искреннем порыве протянул деньги. Мужчина оказался гораздо старше Девятова. Он посмотрел на худощавого паренька умным, все понимающим, проницательным взглядом и не взял деньги, сказав, что ничего не терял. Так жизнь преподносила уроки добра и милосердия.

Институт успешно был окончен перед самой войной, а как только началась Великая Отечественная, Дмитрий Прокофьевич добровольцем ушел на фронт. Воевал на Волховском, защищал Ленинград в составе 288-й стрелковой дивизии, приписанной к 52-й армии. Сначала простым бойцом, затем — политруком, а в 1943–1945 годах был ответственным секретарем и заместителем редактора дивизионной газеты «За Отчизну». За мужество и героизм Дмитрий Девятов был награжден орденом «Красная звезда», медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

Еще на фронте Д. Девятов начал вести записные книжки и фронтовой дневник, в которых много ценных, очень верных замечаний, как бы опережающих ход событий. Фронтовые записки создают образ человека светлого, искреннего, глубоко порядочного, с поэтичной и ранимой душой.

Начало дневника датируется маем 1942 года. Это неслучайно. В первые месяцы войны люди оказались в тяжелейших условиях отступления, крови, жесточайших потерь, которые с трудом подавались осознанию. Необходимо было время,

чтобы понять, что же происходит, каково место каждого в этой битве, и почему враг одерживает победу за победой?

«Сколько драгоценных эпизодов боев, героев, людей, истинных характеров, того, что уносится, выветривается из памяти, я не записал вовремя. Какая бы получилась прекрасная цепь зарисовок, картин, эпизодов, людей Отечественной войны — пусть не полная, для себя, скромная, для воспоминаний. Теперь надо понемногу трудиться и записать кое-что, интересное припомнив», — запишет в дневнике Дмитрий Прокофьевич [Девятов 1942–1944: 6].

Он будет не просто фиксировать события, но и анализировать их, давать оценку, делать зарисовки характеров. Конечно, все это имеет тезисный, конспективный характер. Описывая происшедшее, Дмитрий Девятов ставил перед собой много вопросов, на которые у него на тот момент не было ответов. Случалось, что он их находил для себя позже и поэтому возвращался к теме спустя несколько месяцев.

Рассматривая события декабря 1941 года, когда его полк шесть раз наступал на деревню Раменье в Ленинградской области, Д. Девятов задавался вопросом, почему за десятки метров отвоёванной у немцев территории отдавались сотни наших жизней? *«Там я узнал цену неорганизованности, дурацкой беспечности, бессмысленности; там я, может быть, почувствовал терпение, героическое терпение сражающихся, невзгод, неудач, бремени; моральный дух отступающей армии, ужас пролитой в обилии крови; я узнал настоящий порыв наступающего на пулеметы врага; там я был готов умереть в любую минуту. Я ждал смерти, я понял цену отчаяния. Теперь все это позади, а до деревни десятки километров»* [Девятов 1942–1944: 6].

За этот бой под Раменье Дмитрий Девятов получил свою первую награду — медаль «За отвагу».

С событиями на Волховском фронте связана одна из малоизвестных трагедий Великой Отечественной войны — история Любанской наступательно-оборонительной операции 1942 года. Ее цель — прорвать блокаду Ленинграда. Очень тяжелые бои проходили под Чудово, Грузино, Родосье-Пертечно, но немцы все же были вытеснены за Волхов, кроме Грузино, в котором задержались на два года. 2-я ударная армия была окружена у Мясного Бора. В окружение оказались также 59 и 52 армии. Положение наших солдат, попавших в окружение, стало просто катастрофическим: прекратился подвоз продовольствия и боеприпасов, по болотам было почти невозможно передвигаться людям и технике. И, несмотря на все это, наши войска продолжали сражаться до последнего патрона.

Трагедия и подвиг 2-й ударной армии, связана с пленением и последующим предательством генерала А. А. Власова. После его сдачи в плен, всех солдат, воевавших под его командованием, объявили предателями. А это — вышедшие из окружения 16 тысяч бойцов, погибшие 6 тысяч и пропавшие без вести 8 тысяч человек. Селения Концы, Крутик, Земтицы, Теремец-Курляндский, Кречно, Новая Кресть сгорели в огне войны и больше не возродились. Эти места превратились в 1942 году в одно огромное кладбище. Там, в лесных урочищах остались лежать десятки тысяч бойцов и командиров 2-й ударной, 52-й и 59-й армий Волховского фронта. В неудаче Любанской операции нет их вины. Они сделали все, что могли, их мужество умножило славу Отечества. Их, воевавших до конца и погибших с оружием в руках, даже не захоронили после того, как территория Ленинградской области, ныне Новгородская, была освобождена от немецких захватчиков, не похоронены многие из них и до сих пор.

Совсем недавно стараниями поисковиков были преданы земле останки нескольких бойцов героически погибшего 47 отдельного лыжного батальона, о подвигах которого ходили легенды на Волховском фронте. 14 мая 1942 года Дмитрий Прокофьевич записал в дневнике: **«Не может быть, чтобы люди забыли о героизме, нечеловеческом напряжении. О мужестве погибшего подразделения лыжников в схватке с врагом 5 мая 1942 года»** [Девятков 1942–1944: 3].

Из-под Новгорода к Лезненскому плацдарму немцы перебросили полк дивизии СС «Мёртвая голова». Еще в марте разведотряд лыжников, обнаружил там четыре немецких дзота, два переоборудованных под огневые точки подбитых танка, третий имел действующие орудие и станковый пулемет. Здесь позиции противника примыкали вплотную к нашим и потому были наиболее опасными. Немцы провели двухчасовую артиллерийскую подготовку и пошли в атаку на плацдарм. Болотистая местность и разлив Волхова не позволяли использовать в обороне блиндажи, и они сооружались в виде дзотов непосредственно на поверхности земли из камней и бревен.

В батальоне было всего 296 человек. Командовал старший лейтенант Александр Ерастов. Пять суток непрерывных боев для молодого комбата были небывалым и первым в его жизни испытанием. Противник был уверен в своей скорой и легкой победе. Ерастов отчетливо понимал, что теперь ему нужно надеяться только на свои силы, помощи авиации и подкрепления с восточного берега могло и не быть.

Положение на плацдарме становилось безнадежным. Клочок земли был изуродован снарядами, траншеи засыпаны. Остатки батальона — двадцать

пять «мальчиков» — отважных и готовых на все после пятисуточного ада, были теперь замкнуты в плотное кольцо. Лыжники бросались в рукопашную и гибли один за другим.

Ерастову удалось отправить полусотню раненых через Волхов. Петру Мезенцеву вручил донесение. Река только освободилась ото льда, разлившийся Волхов стал еще шире. Да к тому же, он простреливался со всех сторон. До берега по ледяной воде добралось менее двадцати человек.

На измятом подмоченном листке рукой Ерастова было написано: **«Противник занял расположение рот, веду бой за последнюю высоту. Пулеметы, минометы и пушки — все выведено из строя. Будем драться до последнего: штыками, прикладами и гранатами. В самый критический момент парторг Васильев взорвет погреб с толом. Это будет нашим концом... Командир батальона, вечно ваш Ерастов»** [288 стрелковая: электронный ресурс].

Когда в штабе читали донесение, на плацдарме наши бойцы уже сошлись с эсэсовцами в последней смертельной рукопашной схватке. В воспоминаниях Д. Девятова упоминается, что гитлеровцы после боя повесили на прибрежных дубах тела погибших лыжников и подожгли в назидание и устрашение. Факт расправы упоминается еще в некоторых воспоминаниях, с которыми мы познакомимся, но о сожжении говорится только в дневнике Д. Девятова; это очень ценно потому, что детали гибели бойцов 47 лыжного батальона историками еще не исследованы.

О подвигах наших воинов рассказывают больше поисковики, но в их рассказах много эмоций и факты не всегда точны. В этом мы убедились, читая записные книжки Дмитрия Прокофьевича. Все же, хочется назвать книгу поисковика Алексея Ивакина, написанную в жанре альтернативной истории. Называется она «Мы погибнем вчера (Меня нашли в воронке)». По книге сейчас снимается фильм. Без пафоса, честно автор рассказывает о героизме и отваге старшего лейтенанта Александра Акимовича Ерастова, награжденного орденом Ленина, комиссара Федора Ильича Фомина и сержанта госбезопасности Сергея Куприяновича Пряденина, отмеченных орденом «Красного Знамени» и других бойцов, тоже удостоенных наград — всех посмертно.

22 мая 1942 года Дмитрий Прокофьевич запишет: **«Что такое мужество, отвага? Уж я, кажется, достаточно видел людей так или иначе считающихся всеми отважными, храбрыми. И трудно ответить на этот вопрос»** [Девятков 1942–1944: 22].

А как нам оценивать поступок самого Дмитрия Девятова, когда он почти сутки по заснеженному лесу в мороз, на волокуше, при всей амуниции,

тащил раненого товарища, выходя из окружения? Когда, выполняя поручение командира, пошел в немецкий тыл на выручку группе разведчиков. Когда был ранен, но, спустя несколько дней после операции вернулся из медсанбата в свой полк. Что это — подвиг, героизм? Несомненно. А еще — это мужество быть на войне, достойно выполнять ратный труд и солдатский долг. Судьба сводила Девятова с разными интересными людьми. Сохранилась фотография, где он запечатлен с белорусским композитором Исааком Любаном, автором музыки к песне «Волховская застольная». Песня стала солдатской народной, своеобразным гимном Волховского фронта.

На фронте, как только выдавалась свободная минута, Дмитрий Прокофьевич брал в руки книгу. Его записная книжка сохранила список прочитанного. Среди них — любимые А. П. Чехов и А. С. Пушкин, М. Горький, Н. Островский, Н. В. Гоголь. Из поэтов — С. Есенин. Его стихи, переписанные от руки на отдельных листах, сохранились со времен войны в архиве драматурга. Много писал: репортажи, очерки о героях, небольшие рассказы в дивизионную газету «За отчизну». Тогда же была написана и первая его пьеса «Голубая высь» — о том, как война обнажает в человеке его истинные качества, о том, что для любви нет преград и о близкой победе. Впереди у героев — столько жизни, творчества и счастья: *«Не через 200–300 лет как говорил добрый хороший Чехов, а скоро — мы идем в бой за него. Мы выстрадали это счастье и будем в нем жить. Смотри в небо — какая чудесная, бесконечная голубая высь!»*, — заключает пьесу словами своего героя Дмитрий Девятов [Девятов 1942–1948: 76].

Пьеса «Голубая высь» так и не была издана. Сначала он стеснялся ее кому-нибудь показать, а потом как-то не сложилось.

В своих дневниках Дмитрий Девятов лишь обозначает многие бои и сражения, называет фамилии героев, кратко описывает их подвиги. Это не дает возможности восстановить историческую ретроспективу событий, да от дневников это и не требуется. В записях Дмитрия Прокофьевича указано много деталей, казалось бы, малозначительных фактов, которые позволяют осветить тему в других ракурсах. Над фронтовыми записями еще продолжается работа по составлению комментариев, уточнению имен и биографических сведений о бойцах и командирах, с которыми служил Девятов. Об этом необходимо говорить потому, что это будет рассказ о поколении, очутившемся в самом горниле войны, пережившего горечь и тяжесть поражений, отступлений, но никогда не сомневавшегося в Победе своей страны и своего народа: *«Как велика наша сила. Все-таки немец прет на нас. Несомненно,*

теперь поставил он на карту смерть или победу. Но наша страна погибнуть не может. Лавины танков, тучи самолетов теперь не страшны нам — мы знаем, как с ними бороться, у нас есть чем с ними бороться. Народ защищает себя. И ни какой-нибудь народ, а русский» [Девятов 1945–1944: 59].

В 1947 году Дмитрий Прокофьевич демобилизовался по болезни: пребывание в сырых заболоченных волховских лесах, военные лишения отразились на здоровье легких. После лечения Девятов вернулся домой в родной Кирсанов, получил приглашение на работу в газету «Тамбовская правда» и с головой окунулся в журналистику. Его школьный друг писатель А. Стрыгин вспоминал, что Дмитрий Девятов был «закоперщиком» создания областного литературного объединения. Затем стал издаваться альманах «Литературный Тамбов», в котором он много печатался. О напряженном труде этого периода могут рассказать многочисленные корреспондентские блокноты, черновики статей и заметок.

Дмитрий Девятов трудился вдохновенно, искренне. Он много работал над каждой статьей и пьесой, он вновь и вновь обращался к написанному, часто был не удовлетворен тем, что сделано и много раз правил текст. С каждым новым произведением росло критическое отношение к окружающей жизни. Дела в сельском хозяйстве в ту пору шли вкривь и вкось. Свое неприятие негативных явлений он вложил в пьесы «Родник в степи» (второе название «Федор Корень») и «Измена». Спектакль Тамбовского театра «Родник в степи» был показан на гастролях в Москве и имел успех у публики.

Особенно была хороша социальная драма «Измена», в которой главный герой Тимофей, которого играл артист Анатолий Берладин, не захотел мириться с бесхозяйственностью, нищетой, казнокрадством, низкими заработками и решил выйти из колхоза, «изменить» ему. Коллизия отношений завершается драматически. Реакция на эту пьесу была неоднозначной. В «Тамбовской правде» появилась рецензия, в которой спектакль признали удачным, а пьесу разругали. Д. П. Девятова обвинили в нападках на колхозную политику и необъективности [Галицкий 2003: 279].

Вскоре после этого Дмитрий Прокофьевич с семьей переехал в Москву. В это время начали работать при Литературном институте им. А. М. Горького двухгодичные литературные курсы. На курсах преподавал Владимир Федорович Пименов, известный театровед и критик, который взял Д. Девятова под свою опеку. На курсах Дмитрий Прокофьевич познакомился и подружился с интересными молодыми литераторами: А. Сальнским, Л. Зориным, Н. Зарудным, В. Лаврентьевым и многими другими.

После свершения Кубинской революции, Дмитрий Девятков в числе первых побывал на острове Свободы в составе советской культурной делегации. По возвращении он написал пьесу о дружбе с названием «Куба — Кубань», которая ставилась на сцене Краснодарского академического театра драмы им. М. Горького. За этим последовал спектакль в Калужском областном драматическом театре по пьесе «Будьте здоровы», тепло принятый зрителями.

Всего Д. Девятков написал десять пьес, несколько удачных киносценариев, но он не дождался ни издания последних драм, ни одного фильма по своему сценарию. 19 июля 1968 года Дмитрия Прокофьевича не стало, он умер на 49-м году жизни, полный замыслов и планов. Похоронили согласно его завещанию в городе Кирсанове. Нина Илларионова Корнеева-Девятова вспоминает, что на письменном столе драматурга остались лежать две начатые пьесы, одна из них — «Даю голову на отсечение» — поэтическая картина о природе, о вечном источнике жизни, жизни — тоже вечной и бесконечной.

В очерке о Дмитрии Прокофьевиче Девяткове его учитель и наставник В. Ф. Пименов написал: *«Жил среди нас скромный писатель, со своим видением мира..., крестьянский сын, ревностный пропагандист деревенской жизни, не изменивший ей до конца. Таких людей мало, чуждых удачливой и успешной конъюнктуры, благополучной успокоенности. Он не имел полезных связей во имя выгоды, зато имел неразрывную связь с жизнью во имя выполнения своего гражданского долга литератора, за что и сохраняется к нему признательность и уважение...»* [Пименов 1970: 252–253].

ды, зато имел неразрывную связь с жизнью во имя выполнения своего гражданского долга литератора, за что и сохраняется к нему признательность и уважение...» [Пименов 1970: 252–253].

ЛИТЕРАТУРА

- Владимиров К. Звездный час драматурга // Тамб. правда. 1987. 21 марта.
- Галицкий В. Записки периферийного главрежа. Повесть воспоминаний. 1947–1957 гг. Тамбов, 2003.
- Галицкий В. Три драматурга. Страницы воспоминаний // Тамб. правда. 1987. 18 сент.
- Девятков Д. П. Голубая высь. М., 1942–1948.
- Девятков Д. П. Заметки на войне. «Ума холодных наблюдений и сердца горестных замет...». Дневник 14 мая 1942 г. — 28 июля 1944 г.
- 288 стрелковая дивизия // BDSA.RU: Дивизии Красной Армии. Боевой путь, история создания и известные люди стрелковых дивизий РККА. Режим доступа: <http://bdsa.ru/divizia/divizii-strelkovqie/s-200-sd-po-299-sd/288-strelkovaya-diviziya.html> (8.04.2013).
- Пименов В. Год за годом: статьи и очерки. М., 1970.
- Погодин Н. С чего начинается пьеса. М., 1969.

МБУ «Централизованная библиотечная система» г. Тамбова. Библиотека-филиал № 1 им. К. В. Плехановой.

Поступила в редакцию 19.04.2013 г.

UDC 821.161.1 “HUMBLE WRITER HAD LIVED WITH US...” ON LIFE AND CREATION BY DRAMATIS D. P. DEVIATOV

T. A. Opritova

The article is devoted to the life and creative way of dramatist and Tambov journalist Dmitry Prokofievich Devyatov (1919–1968) who is forgotten. On the basis we use materials from personal archive, diaries and notes of writer, which is safe in book museum and library culture near library № 1 named after K. V. Plekhanov.

KEY WORDS: dramatism, literary regional, front correspondent, Dmitry Devyatov, Tambov journalism.

КОНЦЕПЦИЯ ЗАМЯТИНСКОГО ТЕКСТА И НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ

Е. В. Алтабаева, В. Е. Маясов

В статье анализируются новые подходы к изучению творчества Е. И. Замятина, в частности, концептуальное направление, объединяющее лингвокультурологическую и когнитивно-дискурсивную научные парадигмы и связанное с исследованием концептосферы замятинских текстов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
Замятин, лингвистика, замятинский текст, научные направления, концептосфера.

Великий русский писатель Евгений Замятин — один из самых значимых прозаиков XX столетия (1884–1937), и его творческое наследие занимает свое, совершенно особое место как в отечественной, так и в мировой литературе и культуре в целом. По оригинальности, самобытности, новаторству, мере воздействия и степени значимости всего, что он создал, его с полным правом можно именовать классиком. Именно в Замятине, по словам А. Кашина, «можно с наибольшей скорбью ощутить, какие безграничные горизонты открывались перед русской литературой, к какому великому полету она готовилась» [Анненков 1991: 250].

Со времени смерти писателя прошло уже три четверти века, однако преждевременно было бы говорить о том, что представление о феномене Замятина является окончательно сложившимся. Исследовательский интерес к личности и творческому наследию русского писателя Евгения Ивановича Замятина не угасает на протяжении многих десятилетий. И это не удивительно, а вполне закономерно, поскольку его творчество есть явление уникальное как в художественном, так и в языковом отношении. Трудно представить более яркого и своеобразного выразителя русской ментальности, национальной культуры с ее традиционными ценностями, чем Замятин. Столь же сложно обнаружить писателя такого же уровня мастерства, как Замятин, с его «отборно русской», по выражению Ремизова, стихией слов, с неповторимой «фауной и флорой письменного стола».

Поэтому отнюдь не случайно изучение его творчества оформилось в особое направление — *замятиноведение*, в рамках которого исследователи пытаются ответить на ряд актуальных проблем современного науковедения, связанного с процессом художественного творчества и его места в отражении и познании мира.

В традиции изучения творческого наследия Е. И. Замятина выделяются несколько направлений [Маясов 2011]. Первое из них и наиболее приоритетное — *литературоведческое*, представленное многочисленными работами зарубежных [Gildner 1993; Goldt 1995; Shane 1968; Scheffler 1984] и отечественных замятиноведов [Давыдова 2000; Евсеев 2001, Комлик 2000; Ско-ропелова 1999; Шенцева 1996 и др.], среди которых значимое

место занимают труды тамбовских филологов — представителей замятиноведческой научной школы, возглавляемой профессором Л. В. Поляковой [Полякова 2000; Попова 2003; Желтова 2003; Чернышова 2003; Лядова 2004; Борода 2011; Панов 2009; Дзайкос 2009; Жукова 2009; Орлова 2011 и др.].

Активная и целеустремленная работа тамбовских филологов вызвала необходимость возникновения новой формы объединения их усилий, а именно — организации к началу XXI века в Тамбовском университете Международного научного центра изучения творческого наследия Е. И. Замятина.

Создание центра систематизировало и стимулировало деятельность тамбовских ученых, в результате которой опубликовано тринадцать томов коллективной монографии «Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня», ряд индивидуальных монографий, о которых мы упомянули выше, изданы сборник материалов «Творчество Евгения Замятина: проблемы изучения и преподавания», спецвыпуски журнала «Кредо», три выпуска аннотированного библиографического указателя «Е. И. Замятин. Материалы к творческой биографии», составлена и издана Замятинская энциклопедия, опубликован ряд статей в центральной и региональной печати, издана книга избранных произведений Е. И. Замятина с предисловием и комментариями Л. В. Поляковой, защищены десятки диссертаций — кандидатских и докторских. На базе международного научного центра изучения творческого наследия Е. И. Замятина и кафедры истории русской литературы Тамбовского университета регулярно проводились крупные международные научные форумы — конференции «Замятинские чтения» (1992, 1994, 1997, 2000, 2005), Международный конгресс литературоведов, посвященный 125-летию Е. И. Замятина и другие. Осуществляются многочисленные творческие контакты с ведущими научными центрами и учеными России, дальнего и ближнего Зарубежья. Выполняются дипломные и курсовые работы. Молодые исследователи, студенты и аспиранты активно участвуют в научных конференциях разных уровней, часто публикуют свои научные изыскания, побеждают во всероссийских и внутривузовских научных конкурсах.

Деятельность Тамбовской замятиноведческой научной школы поддержана многочисленными грантами разнообразных фондов и научных программ, подтвердивших правомерность подхода к проблематике творчества писателя через единый контекст русской народной культуры и культуры среднерусской провинции, особенностей нацио-

нального характера, своеобразия общей концепции творчества писателя, традиций и новаций отечественной и мировой литературы. Результаты проведенных исследований позволяют говорить о феномене Евгения Замятина как о явлении, отразившем наиболее убедительно и глубоко грани русского национального характера, природу русской ментальности и гуманистическую сущность русской культуры.

Второе направление — *лингвистическое*, развернутое в 90-е годы XXI века, представлено менее значительно, чем предыдущее, и связано с рассмотрением отдельных аспектов языка и идиостиля произведений писателя (Н. А. Кожевникова, Н. А. Николина, С. В. Пискунова, Е. В. Алтабаева, Г. З. Горбунова, Л. Р. Шевлякова, С. И. Меньчева, И. А. Рыжков, Е. Ю. Хоркина, и др.). Таким образом, системные описания языковой и стилистической сторон творчества Замятина практически отсутствуют, поэтому очевидно, что феномен языка и стиля писателя остро нуждается в специальном рассмотрении.

Третье направление, которое существует в современном замятиноведении, можно назвать *концептуальным*. Это новое, развивающееся направление, характерное для лингвистики текста в целом. В свете этого направления «художественный текст осмысливается как сложный знак, который выражает знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира» [Бабенко 2000: 30].

Концептуальный анализ художественного текста, наряду с исследованием индивидуально-авторской картины мира, предусматривает не только выявление ключевых слов текста и описание обозначаемого ими концептуального пространства, но и выявление базовых концептов данного пространства [Бабенко 2000: 77]. Концепты выступают и как национально-культурные константы, и как система «миров личности». Они существуют в нашем языковом сознании и участвуют в построении индивидуально-авторской модели мира, в организации процесса познания, в частности, ценностной иерархии личности и социума. На основе концептов в художественном тексте формируются имплицитные смыслы, в том числе и ключевые, играющие особую роль в произведении. Эти смыслы могут быть выявлены и проанализированы именно благодаря концептам. В связи с этим важно отметить, что в художественном тексте ключевые смыслы образуют определенную иерархию концептуальной информации, представленную имплицитно, в отличие от денотативно-референтного компонента ментального пространства текста. Исследование ключевых смыслов дает возможность обнаружить

и описать особенности их языкового выражения и функционирования в индивидуально-авторской концептосфере.

Говоря о концептуальном аспекте как о новой странице в современном замятиноведении, мы имеем в виду синтез методологии когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического подходов как один из возможных способов рассмотрения индивидуально-авторской картины мира Е. И. Замятина, и именно в нем видятся нам реальные перспективы изучения не только замятинской прозы, но и художественного текста в целом.

При весьма высокой востребованности замятинской проблематики в области литературоведения — отечественного и зарубежного, мы до сих пор не имеем системного исследования в отношении языка и стиля его произведений — со стороны собственно лингвистической. Такое положение дел сложилось, возможно, еще и потому, что в пределах традиционной лингвистики дать системное описание феномену, синтезировавшему все основные тенденции своего времени, не только продемонстрировавшему все художественные, поэтические, стилистические возможности литературного творчества, но и концептуально предвосхитившему весь ход общественного и культурного развития, оказывается принципиально невозможным без привлечения методологического инструментария смежных научных направлений, дополняющих друг друга.

Поэтому наше обращение к творческому наследию писателя видится нам актуальным и своевременным, особенно с позиций комплексного, концептуального подхода и с учетом новых научных парадигм: лингвокультурологической, когнитивно-дискурсивной, функциональной, лингвистической. Именно такой подход, на наш взгляд, лучше всего отражает многогранную творческую личность Замятина и позволяет вплотную подойти к разгадке глубинного смысла его творений.

Лингвистическая лаборатория, учрежденная в Мичуринском государственном педагогическом институте как филиал Международного Замятинского центра Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, с 2008 года является первым научным центром, занимающимся проблемами языка и стиля Е. И. Замятина в концептуальном аспекте. Данная проблематика видится нам особенно актуальной в контексте исследования способов национального мышления, присутствующих в авторских текстах и отражающих направленность замятинского мироощущения, поскольку творчество Замятина невозможно представить вне яркого и самобытного выражения русской ментальности.

Для системного исследования нашего объекта мы ввели принципиально новое понятие — *замятинский текст* — и обосновали его в наших работах [См., напр.: Алтабаева 2009: 74–781]. В филологии широко известны и получили широкое распространение такие обороты, или конструкты [Топоров 2003: 6], как *пушкинский текст*, *гоголевский текст*, *чеховский текст* и под. Такое же право на существование и исследование имеет *замятинский текст* и прежде всего потому, что он отличается особым языковым обликом и обладает ярко выраженными дифференциальными признаками. Используя для нашего объекта специальный термин, мы отдаем дань известной филологической традиции. Подобно тому, как произведения, например, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова образуют, при всем их жанровом своеобразии, некое концептуальное и лингвистическое единство, именуемое пушкинским, гоголевским или чеховским текстом, так и в произведениях Е. И. Замятина просматривается аналогичное единство, позволяющее нам определять их одной, общей для них номинацией — *замятинский текст*.

Концепция замятинского текста рассматривает творческое наследие Е. И. Замятина как феномен русского национального языкового сознания, как высокохудожественное выражение русской ментальности и выделяет целый ряд дифференциальных признаков, определяющих лицо замятинского текста. Одним из основных его признаков является особая концептосфера, национально специфицированная в ткани текста. В числе других признаков — особое взаимодействие и взаимопроникновение макрокосма и микрокосма; полифоничность, присущая сказовой манере повествования писателя, когда автор, рассказчик, герой «речедействуют» в тексте на равных; особый хронотоп замятинского текста, позволяющий говорить об авторском пространственно-временном континууме; особый, былинно-гротесковый тип замятинского героя; особая воздейственность текстов Замятина, обусловленная синтезом информативных и прагматических факторов; карнавализованность ситуации в замятинском тексте и некоторые другие [Алтабаева 2009: 75–77].

Каждый из вышеназванных признаков заслуживает отдельного самостоятельного исследования, в рамках концептуального направления. Это, как мы отмечали выше, новое, развивающееся направление, характерное и для лингвистики текста в целом, и для современного замятиноведения в частности, объединяющее в себе лингвокультурологическую и когнитивно-дискурсивную научные парадигмы, рассматривающие язык как вместилище культурной памяти, как способ

познания и как хранилище знаний и представлений о мире.

Следует констатировать, что до последнего времени анализ национально-культурных концептов русского языкового сознания не был предметом специального рассмотрения применительно к художественному творчеству Замятина. На сегодняшний день мы можем назвать только несколько работ, в том числе и диссертационных, посвященных концептуальному анализу произведений Е. И. Замятина, в частности, особенностям репрезентации концептов ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ЧЕЛОВЕК, ЖЕЛАНИЕ, РЕЧЬ и др. [см.: Алтабаева 2004, Алтабаева, Лебедева, Маясов и др. 2011; Маясов 2011, Лебедева 2012 и др.].

Концептуальное направление как новая научная парадигма исследования творчества Е. И. Замятина в настоящее время еще формируется, но уже сейчас дает методологическую основу для новых исследований. В его русле язык произведений Замятина рассматривается как способ познания и выражения русской национальной ментальности.

Осуществление концептуального анализа показывает и доказывает, что творчество Замятина — это особый мир, мир целостный, единый и в то же время многоплановый, многослойный, вмещающий в себя множество других миров, мир, который «настолько разнообразен и оригинален, что кажется, будто один и тот же человек не мог никак оказаться автором и сказок, и пьес, и глубоких психологических новелл, и острых сатирических рассказов и повестей, и исторического романа, и блестящих эссе... И все же это так: все это — Замятин» [Никоненко 2004: 18].

Анализируя феномен Замятина, Константин Федин подчеркнул, что писатель «обладал такими совершенствами художника, которые возводили его высоко» [Федин 1967: 78]. Неудивительно, что исследовательский интерес к его личности и творческому наследию не угасает на протяжении многих десятилетий, и это вполне закономерно. В то же время сложно утверждать, что в замятиноведении сказано уже последнее слово и поставлены все точки. Еще многое из того, что сказал человечеству Замятин, остается либо малоисследованным, либо вовсе неизученным. И обращение к феномену замятинского текста с позиций новых научных парадигм, думается, позволит по-новому осмыслить художественный мир этого удивительно мастера русского слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Алтабаева Е. В. Замятинский текст как объект лингвокультурологии // Филологическая регионалистика. Тамбов, 2009. № 1–2.
- Алтабаева Е. В., Лебедева Е. А., Маясов В. Е. Фотинова Ю. Ю. Замятинский текст как явление русской культуры и ментальности. Тамбов, 2011.
- Алтабаева Е. В. Концепт желание в художественной прозе Е. Замятина // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы. В XIII кн. Тамбов; Елец, 2004. Кн. XIII.
- Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. М., 1991.
- Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
- Борода Е. В. Художественные открытия Е. И. Замятина в контексте поисков русской литературы второй половины XX — начала XXI веков: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2011.
- Давыдова Т. Т. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы 1910–1930-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
- Дзайкос Э. Н. Е. И. Замятин и Ю. П. Анненков: проблема творческого взаимодействия: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.
- Евсеев В. Н. Художественная проза Е. И. Замятина: Творческий метод, жанры, стиль: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
- Желтова Н. Ю. Проза Е. И. Замятина: пути художественного воплощения русского национального характера. Тамбов, 2003.
- Жукова Е. А. Традиции народной смеховой культуры в творчестве Е. И. Замятина: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.
- Комлик Н. Н. Творческое наследие Е. И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры: монография. Елец, 2000.
- Лебедева Е. А. Категория времени и средства ее представления в замятинском тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011.
- Лядова Е. А. Трагедия «Атилла» в творческой эволюции Е. И. Замятина: монография. Тамбов, 2004.
- Маясов В. Е. Глаголы речевой деятельности в пространстве художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011.
- Никоненко Ст. С. Созидатель // Замятин Е. И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Уездное. М., 2003.
- Орлова Е. А. Концепт душа в прозе Е. И. Замятина: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011.
- Панов А. Ю. Трагедия Е. И. Замятина «Атилла» в ракурсе теории этногенеза Л. Н. Гумилева: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.
- Полякова Л. В. Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX в. как литературной эпохи. Тамбов, 2000.
- Попова И. М. Литературные знаки и коды в прозе Е. И. Замятина. Тамбов, 2003.
- Скороспелова Е. Б. Евг. Замятин и его роман «Мы». М., 1999.
- Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.
- Федин Конст. Горький среди нас. Картины литературной жизни М., 1967.

Чернышова О. Е. Жанр сказки Е. И. Замятина: историко-литературный контекст и структурно-поэтическая специфика. Тамбов, 2003.

Шенцева Н. В. Художественный мир Е. И. Замятина. Йошкар-Ола, 1996.

Gildner A. Proza Jewgienija Zamiatina, Kraków, 1993.

Goldt R. Thermodynamik als Textem. Der Entropesatz als poetologische Chiffre bei E. I. Zamjatin. Mainz, 1995.

Shane A. The Life and Works of Evgenij Zamjatin. California Press, Berkeley and Los Angeles, 1968.

Scheffler L. Evgenij Zamjatin. Sein Weltbild und seine literarische Thematik. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1984.

ФГБОУ ВПО «Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К. А. Тимирязева».

Поступила в редакцию 22.04.2013 г.

UDC 415.411.12 **THE CONCEPT OF ZAMYATIN TEXT
AND NEW SCIENTIFIC PARADIGMS**

E. V. Altabaeva, V. E. Mayasov

The article explores new approaches to the study of Zamyatin creativity, in particular, conceptual direction, combining lingua-cultural and discourse-cognitive scientific paradigms and researching of Zamyatin texts spheres of concepts that are related to them.

KEY WORDS: Zamyatin, linguistics, Zamyatin text, research areas, concept.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФАМИЛИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. В. Новикова, Л. И. Дмитриева

В русской ономастической практике традиционно закрепи- лась трехкомпонентная модель именования лица: имя + отчество + фамилия.

Каждый компонент имеет строго установленную функ- цию. Имя прикрепляется к отдельно взятому лицу, становясь его личным именованием. Отчество отражает реальные отношения сына или дочери с отцом. А вот фамилия — это родовое прозвание, родовый знак, указывающий на принадлежность именуемого лица к определенному роду.

Основной частью этого триединого именования является фамилия как показатель родственных или семейных отноше- ний, основанных на наличии общего предка, чье имя, прозвище, восходящее к его чертам характера, к его роду деятельности и т. д., стало производящей основой для образования фамильного антропонима.

Иными словами, фамилии восходят либо к именам, либо к про- звищам тех, кто был основателем того или иного рода.

Следовательно, изучая генезис фамилий, можно получить неоце- нимую информацию культурно-исторического порядка о жизни наших предков, ибо фамилию следует рассматривать как комплекс культурных и социально значимых компонентов, тесно связанных с историей народа, его хозяйственной деятельностью, его мента- литетом и т. д.

Человек в реальной действительности, желая дифференцировать идентичные объекты (ибо личные имена могут не отличаться осо- бым разнообразием ввиду традиционного бытующего именника), дает прозвание другому человеку, указывая на род его занятий, социальную или этническую прикрепленность, особый склад ха- рактера, прежнее место жительства и т. д.

О чем могут рассказать эти фамилии?

Во-первых, о роде деятельности, которым Ваш предок (если Ваша фамилия относится к числу профессиональных) «промышлял», по словам В. И. Даля, «себе на жизнь». В основу профессиональных фамилий, как уже говорилось, кладется прозвание человека по роду его деятельности.

Во-вторых, в профессиональных фамилиях есть указание на то, откуда приехали предки, давшие начало тому или иному роду. Это связано с тем, что тот вид занятий, которым они «промышляли себе

Статья посвящена генезису профессиональных фамилий, зафиксированных на терри- тории Тамбовской области.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А :
ономастика,
профессиональные
фамилии, генезис,
региональный компонент.

на жизнь», мог быть не свойствен экономическому укладу Тамбовщины.

Например, фамилия **Шнякин** восходит к слову шняка — так в архангельских говорах называлась рыболовецкая лодка, оснащенная мачтой с парусами, имеющая три пары весел, поднимающая груз весом более 500 пудов. Работник (а их четверо) — шняка или ее хозяин (владелец) — тоже Шняка.

Кроме того, одна и та же лексема может обозначать разные сферы деятельности в разных говорах.

Например, ярыга — низший служащий полиции, рассыльный. А вот в рязанских и вологодских говорах ярыга — работник, батрак, живущий по чужим дворам, работающий за кров и пищу.

Фамилии могут иметь двоякое толкование. С одной стороны, фамилия может быть отнесена в разряд профессиональных, но в силу того, что наше мышление ассоциативно, могут появляться метафорические или метонимические переносы названий. И тогда фамилию следует отнести к прозвищным, ибо она может восходить к прозвищу человека, получившего его в силу либо своих физических данных, либо в силу свойственных ему черт характера.

Например, фамилия **Боцманов** восходит к слову боцман — так называется морской фельдфебель, старший нижний чин во флоте. В этом случае **Боцманов** — фамилия профессиональная.

С другой стороны, эта фамилия может входить в число прозвищных: боцманом могли называть того, кто любит командовать, обладает зычным голосом, т. е. человеку, получившему это прозвище, были свойственны те качества и черты характера, которые обычно приписывают боцману.

Все фамилии, оформленные суффиксами -ов, -ев, -ин, -ский, -ых, -их, принадлежат к разряду унифицированных, закрепленных как модель, официально принятая в русской ономастической практике. Все фамилии, не вычлениющие данные суффиксы, носят наименование так называемых **нестандартных**: Бондарь, Гонтарь, Огуля и т. д.

Именно их наличие дает право утверждать, что подобные фамилии представляют собой начальную стадию оформления фамилии. Человек получает прозвание по роду своей деятельности (например, Гонтарь), его дети уже (чьи?) **Гонтаревы**. Так рождается фамилия, которую носят члены одного рода.

Соотношение стандартных фамилий, т. е. оформленных суффиксами, и нестандартных, их не имеющих, в разных регионах разное в зависимости от экономического уклада, социальной прикреплённости и хозяйственной деятельности человека.

В Тамбовской области число нестандартных фамилий составляет незначительное количество. Это говорит о том, что ономастическая система Тамбовского

края оформлялась почти одновременно на уровне всех социальных слоев¹, ибо известно, что к середине XIX века процесс становления фамилий, имеющих установленные традицией суффиксы, был закончен.

Тамбовский край был на севере был плотно заселен государственными крестьянами, у которых стандартные фамилии появились достаточно рано, а затем эта традиция распространилась на всю территорию Тамбовщины.

В связи с хозяйственными нуждами прошлого некоторые предметы домашнего обихода варьировались, т. к. имели разное назначение и отсюда разную форму, что способствовало появлению так называемой специализации тех мастеров, которые эти предметы делали.

Например, разнообразны фамилии тех мастеров, которые работали с глиной: это глинщики, гончары, горшечники, черепаны (**Глинщиков, Гончаров, Горшечников, Черепанов**).

В предлагаемой статье даются все толкования фамилии с описанием тех реалий, которые ушли в прошлое, но сохраняются в фамилиях. Последние следует рассматривать не просто как указание на принадлежность лица к какому-либо роду, но и как напоминание о том, кем были наши предки.

Таким образом, фамилия — это то культурно-историческое наследие, которое необходимо знать, которым не следует пренебрегать, чтобы не прослыть «Иванами, не помнящими родства».

Словарные статьи

АЛЁЕВ, АЛЁЙНИКОВ

Фамилии восходит к слову *oley* — так называли растительное масло: подсолнечное, конопляное, льняное. Тот, кто делал такое масло или продавал его, мог получить прозвание по товару, который он производил или продавал. Алейником называли маслосея, маслосейщика, масляка.

Фамилии **Алёев, Алейников** отражают аканье, т. е. произношение и написание **а** на месте безударного **о**. Варианты фамилии — **Олёев, Олейников**.

АЛИФА́НОВ

Вариант фамилии — **Олифа́нов**.

Фамилия восходит к слову *олифа* — льняное или конопляное вареное масло для краски. Олифить что-л. — «покрывать олифою». У В. И. Даля находим пример: «Кровельное железо олифится, чтоб не ржавело» [Даль 1978–1980, II: 671].

¹ Известно, что фамилии прежде всего появились у знатных людей, позже — у купечества, а затем — у крестьян.

Олифан — это тот, кто либо варит масло, либо олифит, либо продает олифу.

АРДАШНИКОВ

Фамилия восходит непосредственно к роду занятий предка тех, кто является ее носителем. Ардашник — торговец ардашом; так назывался персидский шелк самого низкого качества.

В. И. Даль приводит поговорку, бытовавшую в те времена, когда шелк продавался: «Купишь ардаш — даром деньги отдашь» [Даль 1978–1980, I: 21].

АРЧАКОВ

Фамилия восходит к прозвищу человека по роду его деятельности.

Арчак — тот, кто делает или продает арчаки. Так назывался деревянный остов седла, лёнчик, состоящий из передней и задней луки и двух боковых лавок.

АРШИННЕВ, АРШИНОВ, АРШИННИКОВ

Фамилии восходят к именованию человека по роду его деятельности.

Аршин в старину — погонная мера, четыре четверти (пяди) по четыре вершка; треть сажени, длина всей руки от плеча; вольный шаг человека; 2½ русского или английского фута; 0,711 м [Даль 1978–1980, I: 26].

Аршином торговцы отмеряли ткани. Ввиду такого разброса меры длины, измеряемой аршином, появилось выражение «мерить на свой аршин» [Ожегов 1970: 28].

В фамилии Аршиннев прослеживается суффикс прилагательного -н-, что говорит о том, что фамилия восходит к прозвищу *аршинный* (торгаш), т. е. торговец (мелочной) тканями.

АСЕССОРОВ

Фамилия восходит к прозвищу человека, находившегося на службе (в услужении) у асессора. Ассессор — заседатель, младший член в губернском правлении. На вопрос «Чей кучер?» могли ответить: «ассессоров».

Впоследствии это притяжательное прилагательное становится фамилией, ибо суффикс этого прилагательного -ов совпадает с фамилеобразующим формантом -ов, широко распространенным в русской ономастической практике.

АТАМАНОВ

Трудно сказать, какой род занятий был у родоначальника семей, носящих эту фамилию.

Первоначальное значение слова *атаман* — предводитель шайки, вольницы; затем атаманом стали называть выборного старшину, голову казачьей общины, старшину рыболовецкой артели. Возможно, фамилию следует считать прозвищной, характеризующей человека по его манерам и особенностям поведения. И тогда прослеживается связь как с первоначальным значением слова атаман (см. выше), так и со значением, содержащимся в глаголе атаманничать, который встречается в Словаре В. И. Даля. «Атаманничать» — распоряжаться как начальник, без права на это и вообще дурно» [Даль 1978–1980, I: 28].

БАБКИН

Фамилия восходит к слову *бабка*, которое в старину имело несколько значений.

С одной стороны, бабка — это бабушка, т. е. мать либо отца, либо матери. И тогда предок тех, кто носит эту фамилию, был бабкин любимец, ее баловень. Если принять во внимание это толкование, то фамилия относится к разряду метронимических, т. е. фамилий, связанных с родственными отношениями.

С другой стороны, Бабкин может считаться профессиональной фамилией, если взять за основу второе значение слова *бабка*.

Бабка — повивальная бабка, акушерка, повитуха; в деревнях — лекарка вообще, знахарка. Это была очень нужная и почетная профессия, о чем свидетельствует следующий факт: в русском фамильном антропонимиконе очень мало фамилий, восходящих к женским именам, а уж тем более к профессиям, что, естественно, было связано с социальным положением женщины в обществе.

БАКЛАКОВ, БАКЛЫКОВ

Баклак — торговец пушным товаром, перекупщик меха у промышленников.

Кроме того, баклаком называли и скорняка, выделяющего меховые шкурки. По свидетельству В. И. Даля, это слово было распространено в северных говорах, в частности, псковских и архангельских [Даль 1978–1980, I: 40].

БАКШТАЕВ

Фамилия восходит к прозвищу человека по роду его занятия.

Веревка, которой одно судно, гребное, укрепляется за кормой в другое, называется бакштоф.

Бакштай — это матрос, который сидит на гребном судне на корме, чтобы следить за исправностью веревки, особенно при волнении или быстром течении.

БА́ННИКОВ

Происхождение фамилии можно истолковать двояко.

Первое толкование дает возможность причислить эту фамилию к разряду профессиональных. Банник — хозяин или содержатель торговой бани; съемщик или банный служитель; парильщик.

Возможно, фамилия имеет другое происхождение. В Древней Руси до принятия христианства были собственные имена, не пришедшие из еврейско-греко-римских источников.

В число русских дохристианских имен входили так называемые имена-обереги, целью которых было защитить ребенка от злых духов. Считалось, что если ребенку дать имя одного из этих духов, то они младенца оставят в покое, посчитав его «за своего». К таким именам-оберегам относилось и имя Банник.

Банник в русской мифологии — особая порода домовых, злой дух, поселяющийся в бане.

БАРА́ШНИКОВ

Фамилия восходит к прозвищу человека по роду его деятельности.

Бараш — придворный шатерничий, обойщик. Профессия была широко распространенной в старину. В Москве, например, была Барашевская слобода, где жили барашы, т. е. барашники.

БА́РДИН

Скот откармливали ба́рдой, т. е. гушей, оставшейся от перегонки хлебного вина, браги. Тот, кто продавал барду, назывался Ба́рдой.

Таким образом, в основу фамилии положено прозвище человека по роду его деятельности.

БАРДЫ́КИН

То же, что Ба́рдин. Разница лишь в том, что в фамилии Ба́рдин основой является прозвище человека по продукту, с которым связана его деятельность.

В основе фамилии Барды́кин лежит прозвище человека, оформленное суффиксом -ык (а). Значение то же: Барды́ка — продавец ба́рды.

БА́РИНОВ

Читаем у Даля: «Барин — боярин, господин, человек высшего сословия, дворянин, иногда всякий, на кого другой служит, в противоположность слуге, служителю» [Даль 1978–1980, I: 49].

Следовательно, предок тех, кто носит эту фамилию, мог быть слугой, кучером, поваром и т. п. какого-либо высокопоставленного или родовитого, богатого лица.

БАРХО́ТКИН, БАРХО́ТОВ

Фамилии восходят к прозвищу человека по роду его деятельности.

Бархотка — это плотник, который делает обшивку бархота, т. е. большой барки, сплавного судна. Эта особого рода обшивка, которая называется, как и судно, бархотом, была перенесена плотниками и на рубку изб.

Таким образом, бархотка — это судовой плотник, а также плотник, владеющий бархотной обшивкой при строительстве изб.

БА́РЫШЕВ, БАРЬЫ́ШНИКОВ

Бары́ш — это прибыль, польза, выгода, нажива, выгода при купле и продаже.

Барыш — это тот, кто занимается делами, приносящими выгоду: мелочной торгаш, скупщик, перекупщик, маклак, а также промышляющий покупкой дешевых, нередко краденых, вещей и перепродажей их.

БАРЧУКО́В

Барчук — это малолетний сын барина (см. Ба́ринов).

В основу фамилии заложено прозвище человека, находившегося в услужении у барчука.

БАСКА́КОВ

Фамилия восходит к именованию человека по роду его деятельности.

Баскак в старину — татарский пристав для сбора податей и надзора за исполнением повелений хана.

Возможно и другое толкование фамилии.

Даль отмечает, что в договорах на Вятке у слова баскак широко распространено значение — «смелый, бойкий или наглый, дерзкий человек» [Даль 1978–1980, I: 52]. Профессия исчезла в связи с изменениями в общественном устройстве, а впечатление от личности баскака в народе осталось.

БАСМА́НОВ

Басманом в старину называли дворцовый или казенный хлеб.

Басманом назывался и дворцовый пекарь, хлебник. О распространенности данной профессии свидетельствует наличие в Москве Басманной слободы, которую населяли басманы/басманщики.

БАТРАКÓВ

Батрак — это наемный работник, особенно в деревне, где он нанимался на полевые работы.

О том, что это был род занятий, свидетельствует бытовавшее слово батрачество в значении «состояние, звание, занятие» [Даль 1978–1980, I: 54].

БАХТÉЕВ, БАХТИН

Бахтэй — продавец бахты́, т. е. хлопчатобумажной ткани, обычно темно-красного цвета с черными точками.

Однако возможно и другое толкование фамилии.

Даль приводит глагол бахтурить — набивать, наполнять, пичкая: «Набахтурили ему голову пустяками» [Даль 1978–1980, I: 54].

БАШЛЫКÓВ

В пермских и сибирских говорах, по свидетельству Даля, башлыком называли начальника, голову, атамана рыболовецкого [Даль 1978–1980, I: 56].

Башлыком могли назвать и того, кто имел или продавал башлыки — так назывались верхняя шапка от непогоды, суконный колпак. Этот вид головного убора, защищавшего от ветра и дождя, был широко распространен у казаков, живущих на Дону и Кубани.

БАШМАКÓВ

Башмак или башмачник — это сапожник, который специализировался на пошиве башмаков.

В Словаре Даля находим следующее описание башмака: «Обувь, состоящая из передка, клюшевы, подошвы, а иногда каблука, а изнутри из стельки, задников и подкладки... такую обувь носят почти одни женщины» [Даль 1978–1980, I: 56].

БЕБÉННИКОВ

Фамилия восходит к именованию человека по роду его деятельности.

Бибенник — это продавец бибени, кушанья рода кулагы, заварихи; саламатье. В Словаре Даля, слово бибеня дается с пометой владимирское, т. е. слово было распространено во Владимирской губернии. На Тамбовщине это кушанье известно как саламата.

БЕЛОШÍЦКИЙ

Родоначальник тех, кто носит данную фамилию, был портным (или скорее всего портнихой), занимающимся пошивом нижнего белья, требующего особого мастерства.

**БÉРДИН, БÉРДНИКОВ,
БЕРДЮ́ГИН, БЕРНИКÓВ**

Бёрдо, бердник, бердюга — так называли мастеров, которые делали бердо. Бёрдо — принадлежность ткацкого станка, род гребня.

Эти мастера были в особом почете, т. к. ткацкие станки были в каждой крестьянской семье.

БÉРЕСНЕВ

Из бересты, которая явно прослеживается в фамилии Береснев, делали туесы, лапти, табакерки, обвивали берестой горшки и т. д.

Бересень (Берестень) — мастер, который занимался изготовлением перечисленных вещей из бересты или продавал их.

Скорее всего, при образовании фамилии от названия рода занятий берестень она должна была звучать, как **Бёрестнев**. Однако при ее произношении в группе согласных *стн* произошло выпадение взрывного *т* (ср.: честный — че[сн]ый).

**БÓНДАРЕВ, БОНДАРÓВ,
БÓНДАРЬ, БÓНДИНОВ**

Фамилии восходят к именованию человека, который делал обручную деревянную посуду, так необходимую как в сельском, так и в городском быту.

Обручной деревянной посудой называлась вся та посуда, которая скреплялась обручами.

Профессия бондарей была широко распространена на Тамбовщине, о чем свидетельствует топоним Бондари.

БОНДАРÉНКО

То же, что **Бондарев** (см. **Бондарев**), но оформленная с помощью форманта -енко, встречающегося в украинской ономастической практике.

БОРÉЦКИЙ

Фамилия имеет двоякое толкование.

В старину борцом называли сборщика дани с крестьян с пользу князя. Кроме того, борцом называли человека, искусного в борьбе, единоборца. Одним из номеров, включаемых в программу старого цирка, обязательно был номер с борцами. Вспомним знаменитого в свое время борца Ивана Поддубного.

БОРОНОВА́ЛОВ

Бороновалами или бороноволоками называли тех, кто правил людьми при бороньбе, т. е. при обработке пашни бороною.

БОРОНЩИКÓВ

Борóнщик — тот, кто боронует пашню.

БОЧÁРНИКОВ, БОЧАРÓВ, БОЧКАРЁВ

Бочарник — то же, что бондарь (см. **Бóндарев**).
Бочаром называли бондаря в южных, западных, тверских и тамбовских говорах.

БО́ЦМАНОВ

С одной стороны, эту фамилию можно отнести к числу профессиональных. Боцман — морской фельдфебель, старший нижний чин во флоте.

С другой стороны, фамилия может принадлежать к числу прозвищных. Боцманом могли назвать того, кто любит командовать, обладает зычным голосом, т. е. теми качествами и чертами характера, которые обычно приписывают боцману.

БОЯ́РИНОВ, БОЯ́РИНЦЕВ

Боярин позднее стал именоваться барином.
Служители боярина были бояриновы (слуги).

БРА́ГИН

Брага или бражник — тот, кто варит или продает брагу, бражку, т. е. домашнее крестьянское пиво.

БРА́ЖНИКОВ

То же, что **Бра́гин** (см. **Бра́гин**).
Фамилия **Бра́жников** может иметь и другое толкование. Бражником называли охотника бражничать, пировать, гуляку, пьяницу.

БРÓННИКОВ

Бронником в старину называли воина, носившего броню, т. е. род кованой одежды из металлических пластинок.

Бронником могли называть мастера, делающего броню и вообще доспехи.

В старину бытовало слово *бронница*, которое означало мастерскую бронника; слободу, часть города, где живут оружейники. Отсюда и название г. Бронницы в Подмосковье.

В рязанских говорах бронник — это кузнец, оружейник, слесарь [Даль 1978–1980, I: 130].

БУДА́НОВ, БУДА́НЦЕВ, БУ́ДНИКОВ

Будан, буданец, будник — это работник в бóде. Так в старину называли постройку в лесу для выварки поташа, смолы; селитровый завод.

БУДА́РНЫЙ

Бударный — это либо мастер, делающий буда́рье, либо работник на бударе.

Буда́ра — грузовая лодка, поднимает 15–25 пудов.

БУЛА́ЕВ

Булай, булыка, булыня — так называли в основном в псковской губернии, по свидетельству Даля [Даль 1978–1980, I: 141], тех, кто булыничал, т. е. скупал лен и перепродавал его.

БУЛА́ТНИКОВ

Булат — это сталь очень высокого качества, узорчатая, крепкая, прочная. Недаром в сказках у богатырей имеется булатный меч. Существует поговорка: «слово тверже булата».

Булатник — это мастер, который делал булатную сталь.

БУЛЫ́КИН, БУЛЫНИН

То же, что **Була́ев** (см. **Була́ев**).

БУРА́ШНИКОВ

Бурачник (бурашник) — это мастер, который делал бураки́, т. е. туесы, кузовки, коробки (в основном из бересты).

БУРЛАКÓВ

Бурлаком называли крестьянина, идущего на заработки на речные суда.

Таким образом, эта фамилия относится к числу тех, которые восходят к называнию человека по роду его деятельности.

Однако возможно и другое толкование. Бурлаком, особенно в курских и воронежских говорах, называли неженатого, холостого, одинокого, шатуна, побродягу, а также человека буйного, своевольного, грубого, дикого.

БУРМИ́СОВ, БУРМИ́СТОВ

(см. **Бурми́стров**).

БУРМИ́СТРОВ

Бурмистр — староста из крестьян, поставленный помещиком.

В Словаре Даля приводится вариант слова бурмистр — бурмист.

Именно этот вариант и лег в основу фамилии **Бурми́стов** (см. **Бурми́стров**).

Фамилия **Бурми́сов** (см. **Бурми́сов**), возможно, произошла от еще одного производительного варианта слова бурмистр — бурмис.

БУФЁТОВ

Буфет — это место «при каком-либо общественном заведении, где получают питье, закуски» [Даль 1978–1980, I: 146].

Буфет — это буфетчик, хозяин буфета.

Название места, где работает человек, становится его именованием.

ЛИТЕРАТУРА

Сверка исторических значений фамилий проводилась на основе следующих авторитетных источников:

Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001.

Грушко Е. А. Энциклопедия русских фамилий. М., 2002.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978–1980.

Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М., 1993.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1970.

Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О. Н. Трубочёва. М., 1994.

Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004.

Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989.

Фамилии Тамбовской области: Словарь-справочник / сост. Л. И. Дмитриева, А. С. Щербак. Вып. I–VIII. Тамбов, 1999–2002.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973.

Федосюк Ю. А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1981.

Энциклопедия русских фамилий. М., 2000.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».

Поступила в редакцию 24.03.2013 г.

UDC 81'373.47

PROFESSIONAL SURNAMES OF TAMBOV'S REGION

N. V. Novikova, L. I. Dmitrieva

The article is devoted to genesis of professional surnames, fixed on the Tambov region's territory.

KEY WORDS: onomastics, professional surnames, genesis, regional component.

Активные процессы в современном русском языке

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ МОДИФИКАЦИОННЫХ СУФФИКСОВ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Д. А. Осильбекова

Статья посвящена уточнению границ модификационного словообразования имен существительных. Основным положением работы является утверждение, что неоднородность модификационных значений, а также их отличие от мутационных значений обусловлены разными типами референтной соотнесенности производных и производящих.

К Л Ю Ч Е В Ы Е   С Л О В А :
словообразование,
существительные,
модификация, мутация,
идентифицирующее значение.

Термин «модификация» может употребляться в широком, неспециализированном значении, обозначая любое преобразование производящей основы [Винокур 1959: 425]. Однако в современном языкознании вслед за М. Докулилом термин «модификация» чаще используется для обозначения одной из сфер словообразования, которую составляют производные с особым типом семантического преобразования производящей основы [Dokulil 1962]. Согласно Грамматике-80, специфика модификационного значения заключается в том, что оно «... Представляет собой некоторый дополнительный (модифицирующий, видоизменяющий) компонент значения, присутствующий в мотивированном слове и отсутствующий в мотивирующем. Мотивирующее и мотивированное слова принадлежат при этом всегда к одной и той же части речи» [Русская грамматика 1980: 265]. Этот дополнительный компонент выражается формантом — суффиксом или префиксом.

Если формант лишь видоизменяет лексическое значение производящего слова, то реалья, названная производным словом, очевидно, должна принадлежать тому же классу предметов или явлений. Однако значения словообразовательных аффиксов, рассматриваемых в качестве модификационных, очень неоднородны. К ним относят субъективно-оценочные значения ‘уменьшительность’, ‘ласкательность’, ‘увеличительность’ (*комната* — *комнатка*, *голова* — *головушка*, *рука* — *ручища*). Близки к ним значения стилистической модификации (*дурак* — *дуралей*, *конь* — *коняга*, *старик* — *старикан* и т. п.). К модификационным относят также значения женскости (*спортсмен* — *спортсменка*), незрелости (*медведь* — *медвежонок*), единичности (*чай* — *чаинка*), собирательности (*лист* — *листва*), подобия (*нога* — *ножка стула*). Модификационные производные могут выполнять номинативную и стилистическую функции. Все это делает границы модификации весьма широкими и размытыми.

Необходимо также отметить многочисленность модификационных субстантивных суффиксов. И. С. Улуханов пишет: «У разных частей речи имеется неодинаковое количество модификационных суффиксов. Если у существительных их более 60, то у прилагательных — 11, у глаголов — 7, у наречий — 7» [Улуханов 1996: 160–161].

Мысль о необходимости уточнить рамки модификационного словообразования высказывалась неоднократно. Так, С. Менгель

считает, что к модификационным должны относиться лишь те значения, которые выполняют номинативную функцию: «В этой связи возникает вопрос о правомерности выделения стилистического словообразовательного значения (как общего, так и его “конкретных разновидностей”) и экспрессивного, приписываемых соответствующим функциям словообразования. Думается, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Стилистическая и экспрессивная окрашенность — принадлежность речи» [Менгель 2006: 137]. Именно в результате действия номинативной функции «дополнительное значение, возникающее в процессе словообразовательного акта, обеспечивает более или менее значительное изменение лексического значения производного по сравнению с его производящим. Здесь возникают модификационное и мутационное словообразовательные значения» [Там же: 139].

Отличаются же эти значения тем, что, как отмечает Е. А. Земская, модификационное значение «покоится на универсальных внеациональных категориях (типа ‘женскость’, ‘невзрослость’, ‘единичность’, ‘собираемость’ и т. п.), которые присущи многим народам и языкам и свободны от алогичности наивной картины мира, отображаемой в словообразовании предметов» [Земская 1992: 34]. На наш взгляд, такие мутационные значения, как, например, ‘производитель действия’, ‘место действия’, ‘носитель признака’, также являются универсальными для многих языков. Неоднородность же модификационных значений обусловлена степенью видоизменения семантики производящей основы формантом.

Хотя большинство исследователей относят модификацию к словообразованию, близость понятийного содержания модификационных производных и их производящих дает основание не рассматривать их в качестве новых слов. Так, Л. П. Катлинская производные модификационного типа относит к формообразованию, поскольку при словопроизводстве должен меняться денотат [Катлинская 1987: 10–11]. В своем исследовании в качестве основной содержательной категории она выдвигает номинативное значение. По мнению автора, обращение к номинативному значению позволило предложить более объективный критерий разграничения словообразования от формообразования. Оно отличается от словообразовательного и лексического значений производного слова. «Под номинативным значением понимаются содержательные характеристики слова, соответствующие денотативным признакам понятия, с которым слово соотносится» [Там же: 7].

На наш взгляд, главная особенность и главная проблема классификации модификационных суффиксов заключается в том, что они образуют произ-

водные с разной степенью семантической близости к своим производящим, и референты модификационных значений аффиксов могут относиться к объективному и субъективному миру. В акте номинации совмещаются две логические операции — категоризация обозначаемого и сравнение его с другим обозначаемым. Другими словами, категоризация происходит через сравнение с предметом или явлением, названным производящим словом. Значения производных отражают два возможных результата этой логической операции: «то же самое, что названо мотивирующим словом» и «не то же самое, что названо мотивирующим словом». Следовательно, значения производных делятся на два типа: идентифицирующие и неидентифицирующие. К первым относятся значения модификационных производных, обозначающих реалию, такую же, как и реалия, названная мотивирующим словом, но видоизмененную. В сущности, производное и производящее могут называть один и тот же предмет или явление в разных ситуациях.

Рассмотрим, как значения, привносимые модификационными суффиксами, изменяют или уточняют существенные признаки понятия, с которым соотносится производящее слово. Не вызывает сомнения, что идентифицирующие значения имеют производные с суффиксами субъективной оценки. Их внутренняя форма содержит классифицирующий признак, выраженный производящей основой, и уточняющий признак-определение, выраженный суффиксом. Суффиксы субъективной оценки передают значения ‘маленький размер’ (*дом-ик, вагон-етк-а, луж-иц-а, комнат-к-а, сыр-ок*), ‘большой размер’ (*дом-ин-а, нож-иц-а*); значение позитивной оценки (*берез-оньк-а, дед-ул-я, Лен-очк-а*) и значение негативной оценки (*город-ишк-о, книж-онк-а, сара-юшк-а, вин-иц-е*).

Именно взаимоотношения субъективно-оценочных производных и их производящих всегда были предметом дискуссии: это формы одного слова или разные слова? Об истории изучения вопроса писали В. В. Виноградов [Виноградов 1986: 100–103] и С. С. Плямоватая [Плямоватая 1955]. Уменьшительно-ласкательные и увеличительные образования рассматривались как формы словоизменения Л. В. Щербой и А. А. Шахматовым. А. И. Соболевский, напротив, считал, что слова увеличительные отличаются от исходных слов лексическими значениями. А. А. Потебня, относивший любые лексические изменения к рождению нового слова, также считал субъективно-оценочные слова отдельными словами. В. В. Виноградов рассматривал уменьшительно-ласкательные суффиксы как формообразующие, однако отмечал промежуточное положение производных с этими суффиксами между формообразованием и словообразованием [Там же: 101–102].

С. С. Плямоватая разграничила экспрессивное и уменьшительное значения суффикса. По ее мнению, слова со значением размера отличаются одним из объективных признаков от своих производящих, и уменьшительность не может рассматриваться как грамматическое значение. Суффиксы здесь выполняют «объективно-различительную» функцию. В словах же типа *братец*, *хлебушко*, *ситчик* суффикс выполняет экспрессивную функцию. В этом случае средства выражения эмоциональности носят отвлеченный характер, и, следовательно, «можно говорить об их грамматическом значении и определенной близости к таким фонетико-синтаксическим эмоционально-выразительным средствам, как интонация, порядок слов и т. п., ибо выражаемое оценочным суффиксом эмоциональное содержание абстрагировано (в большей или меньшей мере) от частного и конкретного значения основы» [Там же: 8–9]. Отсюда следует, что подобные слова являются экспрессивными формами исходных слов. «Если представить себе сферы словообразования и формообразования в виде двух полюсов, то слова с чисто экспрессивным оттенком (их меньшинство) будут обращены в сторону формообразования, а слова, показывающие предметы в уменьшенном виде (их больше), — в сторону словообразования. Преобладающее же большинство слов с такими суффиксами, как кажется, совмещает в современном языке уменьшительные значения с разнообразными экспрессивными оттенками и окажется расположенным между этими полюсами» [Там же: 9].

В современной лингвистике суффиксы субъективной оценки относят к сфере словообразования, однако семантическая близость производных и производящих очевидна. Они называют реалии одного класса, различающиеся размером, оценкой или обоими признаками. Производящие называют предметы в отвлечении от конкретных применений. Суффиксы же субъективной оценки уточняют ситуацию применения слова. В производных со значением размера конкретизируется один из объективных признаков предмета, а в производных со значением оценки или стилистической модификации выражается отношение к предмету или обозначается стилистическая ситуация употребления слова.

Например, пожилую женщину можно назвать *старушкой* (в повествовании от автора), *старухой* и *старушеницей* (в речи персонажей): Появлению *старушки* на Покровском бульваре предшествовала история, развернувшаяся в доме по Петровскому переулку...; Мертвая *старуха* сидит тридцать часов подряд в самом центре Москвы; С чего вы взяли, что наша *старушеница* объявилась? (В. Пьецух. Новая московская философия).

Уменьшительные образования могут приобретать свои собственные значения, семантически

отдаляясь от производящих. Например, у слова *домик* в БТС отмечается терминологическое значение «жилище животных птиц, насекомых». Аналогичные примеры: Пушистое *рыльце* Сэма, минуту назад бывшее осмысленным и интеллектуальным, странно исказилось...; Под его притиснутыми к *брюшку лапками* («Господи, какие худые!» — подумал Арчибалда)... расстиралось море (В. Пелевин. Жизнь насекомых). Примечательно, что в толковых словарях терминологическое значение приводится только у слова *брюшко*: «Задняя часть тела членистоногих животных, следующая за грудью» [БТС 2000].

В. В. Виноградов именно это явление рассматривал как проявление двойственной природы уменьшительно-ласкательных производных: «Широкая возможность превращения уменьшительно-ласкательной формы в особое самостоятельное слово общеизвестна (ср.: *сеть* и *сетка*; *пузырь* и *пузырек*; *ручка двери*; *мужик* и *муж* и т. п.). Она свидетельствует о том, что формы субъективной оценки имен существительных занимают промежуточное, переходное положение между формами слова и разными словами...» [Там же: 102].

Значения единичности и собирательности, казалось бы, также можно отнести к идентифицирующим, так как производное и производящее связаны количественными отношениями ('то же самое, но единичное', 'то же самое, но во множестве'). Однако в смысловой структуре производных слов суффиксы со значением единичности и собирательности выполняют классифицирующую функцию. Так, суффиксы *-инк(а)* (*чаинка*, *икринка*), *-ин(а)* (*горошина*, *виноградина*), *-к(а)* (*мармеладка*, *чешуйка*) передают не только грамматическое значение единичности, но и более сложные лексические значения 'отдельный предмет из совокупности подобных предметов' или 'часть чего-то целого'. Ср.: *виноградина* 'ягода винограда' и *виноград* «1. Вьющееся теплолюбивое кустарниковое растение с гроздьями крупных сочных ягод... 2. *соби́р.* Ягоды этого растения» [БТС, 2000]; *чаинка* 'частица чая (кусочек высушенного чайного листа)' и *чай* «1. Вечнозеленое дерево или кустарник сем. чайных... 2. Высушенные и особо обработанные листья этого растения, служащие для приготовления напитка» [Там же].

Собирательное значение, передаваемое суффиксами *-в(а)* (*листва*, *братва*), *-ј(ё)* (*бабьё*, *дубьё*), *-н(я)* (*матросня*, *ребятня*), *-няк* (*вербняк*, *сосняк*), *-ур(а)/-атур(а)* (*аппаратура*, *мускулатура*) и др., также отличается от грамматического значения множественного числа. Это классифицирующий признак названия другой реалии: *аппаратура* 'совокупность аппаратов с общей функцией', *сосняк* 'сосновый лес — место, где растут сосны'.

Таким образом, суффиксы существительных с модификационными значениями не имеют единой

логико-семантической функции. Они выполняют не только уточняющую, определительную функцию, но и классифицирующую. Особенно это относится к суффиксам со значением женскости и невзрослости: *-ин(я)* (*графиня, гусыня*), *-их(а)* (*сторожиха, лосиха*), *-иц(а)* (*певица, волчица*), *-к(а)* (*студентка, голубка*), *-ш(а)* (*лекторша, кассирша*) и др.; *-онок/-чонок* (*турчонок, мышонок*), *-оныхи* (*детеныши, змееныши*). Производные с этими суффиксами совмещают в своей семантике две понятийные категории, поэтому и суффикс, и производящая основа могут выражать классифицирующий признак. Ср.: *оленинок* — ‘невзрослый олень’ и ‘детеныш оленя’, *докторша* (разг.) (‘доктор женского пола’) и ‘женщина-доктор’, *тигрица* — ‘тигр женского пола’ и ‘самка тигра’. Эти два толкования представляют собой мену сем, и здесь, очевидно, можно говорить о синкретизме классифицирующего и уточняющего признаков смысловой структуры. Такая мена сем невозможна в значениях *докторша* ‘жена доктора’ и *поваренок* ‘мальчик — помощник повара’. В данном случае суффикс передает только классифицирующий признак и производное имеет неидентифицирующее значение, а значит, относится к мутационному словообразованию.

Промежуточное положение между мутацией и модификацией производных со значением женскости подтверждается тем, что немногочисленные образования со значением мужского пола относятся к мутационным. Ср.: *доярка* — *дояр*¹, *коза* — *козел*, шуточные *балерина* — *балерун*, *стрекоза* — *стрекозел*.

Образование производных со значением стилистической модификации вообще не сопровождается логической операцией сравнения, и суффиксы не выражают уточняющего признака, за исключением производных, в которых усиливается отрицательная оценка, содержащаяся в мотивирующей основе: *ворюга, грязюка, срамота, стыдоба, уродина*. Мы считаем, что так называемые суффиксы стилистической модификации не могут иметь статус омонимов одноименных мутационных и транспозиционных суффиксов. Как и все СА, они имеют словообразовательную функцию, но эта функция сочетается со стилистической. Присоединяясь к субстантивным основам, они могут дублировать их предметное, реже — абстрактное значение. Таким образом, нейтрализуется мутационная или транспозиционная функция и высвечивается только стилистическая. Ср.: *бедн-яг-а, лет-яг-а* (мут.) и *кон-яг-а* (стил.), *мед-як, тро-як* (мут.) и *черв-як* (стил.), *кривл-як-а* (мут.) и *черт-як-а* (стил.), *интриг-ан, велик-ан* (мут.) и *старик-ан* (стил.), *кудр-яш, торг-аш* (мут.) и *плем-яш* (стил.), *слеп-ец, бор-ец* (мут.) и *шелм-ец* (стил.),

жад-ин-а (мут.) и *урод-ин-а* (стил.), *неслад-ех-а* (мут.) и *дур-ех-а* (стил.), *стар-ух-а* (мут.) и *сестр-ух-а* (стил.); *зл-об-а* (транс.) и *стыд-об-а* (стил.), *темн-от-а* (транс.) и *сук-от-а* (стил.).

Стилистическую функцию реализуют все СА, придающие стилистическую окрашенность производному слову. Когда они присоединяются к субстантивным основам, то стилистическая функция сопутствует мутационной (*цирк-ач, зол-ушк-а, писк-л-я*), они также могут иметь только стилистическую функцию, как было показано выше. Когда же экспрессивные суффиксы сочетаются с основами прилагательных и глаголов, то стилистическая функция сопутствует транспозиционной или мутационной функции. Так, мутационную и стилистическую функции имеют суффиксы *-ён(а)* (*сладёна, смирёна, гулёна*), *-х(а)/-ох(а)* (*несладеха, растеряха, выпивоха*), *-ул(я)* (*грязнуля, воображуля, замазуля*), *-ышк(а)* (*голышка, коротышка*), транспозиционную и стилистическую функции имеют суффиксы *-он* (*выпивон, закидон, объедон*), *-цин(а)/-чин(а)* (*азитчина, литературичина, уголовщина*).

Характерной особенностью данных суффиксов является то, что их стилистическая функция проявляется во всех производных, т. е. это их постоянная функция. Стилистическая функция других мутационных суффиксов непостоянная и проявляется лишь в части производных. Ср.: *тк-ач* (мут.) и *ловк-ач* (мут. и стил.), *десят-ок* (мут.) и *пят-ок* (мут. и стил.), *горб-уш-а* (мут.) и *чин-уш-а* (мут. и стил.), *пад-ёж* (транс.) и *граб-еж* (транс. и стил.), *желт-ух-а* (транс.) и *показ-ух-а* (транс. и стил.).

Весьма спорным является включение в сферу модификации значения подобия. Существует мнение, что оно является результатом метафорического переноса уменьшительного значения: *шляпка, ножка, ручка* и т. п. Однако Н. Г. Янко-Триницкая существительные на *-к(а)* со значением подобия относит к суффиксальным производным [Янко-Триницкая 1972]. В Грамматике-80 выделяется целая группа суффиксов со значением подобия: *-ец* (*зубец*), *-ех(а)* (*мачеха*), *-ик(и)* (*плечики*), *-им* (*отчим*), *-к(а)* (*спинка*), *-овин(а)* (*горловина*), *-оид* (*металлоид*), *-ок/-ик/(язычок, носик)*, *-ник* (*сердечник*), *-ур(а)* (*кожура*) [Русская грамматика 1980: 205].

На наш взгляд, значение подобия не является идентифицирующим, так как производное называет реалию, отличную от реалии, обозначенной производящей основой, но подобную ей. У таких производных суффикс называет классифицирующий признак ‘предмет’ и часть уточняющего признака ‘сходный с...’. Мотивирующая основа также выражает часть уточняющего признака. Ср.: *кожура* ‘наружный покров,

¹ В диахроническом плане *дояр* образовано от *доярка*, однако в синхроническом словообразовании *дояр* соотносится с глаголом *доить*.

оболочка плодов, семян, т. е. 'предмет, сходный с кожей (по функции)'; носик (чайника) 'выступающая часть сосуда', т. е. 'предмет, сходный с носом (внешне)'.
Однако нельзя отрицать очевидную связь значения подобия у существительных на *-ец, -ик(и), -к(а), -ок/-ик* с модификационными значениями. В первую очередь это связь со значением уменьшительности. Производные *шляпка* (гриба), *бородка* (ключа), *язычок* (колокольчика) являются названиями небольших предметов. Кроме того, как справедливо заметил И. Г. Милославский, очевидна связь значения подобия со значением стилистической модификации: *мамка, книжка* (сберегательная, записная и т. п.) [Милославский 1980: 53].

Итак, модификационные суффиксы существительных (вернее, относимые к модификационным) неоднородны в семантическом и функциональном планах и по-разному видоизменяют значения производящих основ. Они могут выражать классифицирующий признак, уточняющий признак, часть того и другого, в отличие от мутационных суффиксов, которые выражают только классифицирующий признак. Иными словами, они формируют разные типы референтной соотнесенности производных и производящих. Если референт не меняется, то отношения производных и производящих близки к формообразованию. Однако модификационные значения отличаются от грамматических форм одного слова тем, что последние, являясь морфологическими разновидностями слова, различаются категориальными грамматическими значениями и синтаксическими свойствами, а не компонентами лексического значения. Если референт меняется, то отношения производных и производящих близки к мутации.

Таким образом, к сугубо модификационным мы относим только суффиксы субъективной оценки; суффиксы со значением единичности, собирательности, женскости, незрелости и подобия формируют промежуточную сферу между модификацией и мутацией и выполняют синкретичную модификационно-мутационную словообразовательную функцию.

Таким образом, к сугубо модификационным мы относим только суффиксы субъективной оценки; суффиксы со значением единичности, собирательности, женскости, незрелости и подобия форми-

руют промежуточную сферу между модификацией и мутацией и выполняют синкретичную модификационно-мутационную словообразовательную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

- БТС 2000: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.
- Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Катлинская Л. П. Функциональное словообразование (активные процессы словопроизводства в современном русском языке): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1987.
- Менгель С. Словообразовательное значение // Славистика: синхрония и диахрония. Сб. научн. ст. к 70-летию И. С. Улуханова. М., 2006.
- Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтета. М., 1980.
- Плямоватая С. С. О грамматической природе и классификации имен существительных с уменьшительно-экспрессивными суффиксами в современном русском языке // Русский язык в школе. 1955. № 6.
- Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Янко-Триницкая Н. Г. Членимость слов типа «ножка», «ручка» // Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975.
- Dokulil M. Tvoření slov v češtině, 1. Praha, 1962.

ФГБОУ ВПО «Московский государственный педагогический университет».

Поступила в редакцию 12.04.2013 г.

UDC 415.411.12 SEMANTIC AND FUNCTIONAL HETEROGENEITY OF MODIFYING SUFFIXES OF THE NOUNS

D. A. Osilbekova

The article is devoted to clarify the boundaries of modifying word-formation of the nouns. The main thought of the work is the assertion that the heterogeneity of the modifying meanings, as well as their difference from the mutation meanings are due to different types of denotatum relevance of derivatives and motivating words.

KEY WORDS: word-formation, nouns, modification, mutation, identifying meaning.

ОБРАЗ МАТЕРИ В РОМАНЕ МО ЯНЯ «БОЛЬШАЯ ГРУДЬ, ШИРОКИЕ БЁДРА»

М. В. Родина

Статья посвящена интерпретации образа матери в романе китайского писателя Мо Яня, лауреата Нобелевской премии 2012 года, «Большая грудь, широкие бёдра». Автор дает характеристику двух важнейших женских образов романа – Шангуань Люй и Шангуань Лу.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А :
галлюциногенный реализм, русская деревенская проза, женские образы романа, народная поэзия, мотив сна.

Мо Янь — это литературный псевдоним китайского писателя Гуань Мое, который дословно переводится как «молчи». Мо Янь является почетным доктором Открытого университета Гонконга. Неофициально его часто называют «китайским аналогом Франца Кафки и Джозефа Хеллера». Однако в России с творчеством литератора знакомы лишь эксперты, до последнего времени на русском языке публиковались только отрывки из некоторых произведений писателя. В декабре 2012 года писатель стал лауреатом Нобелевской премии по литературе. Премия литератору присуждена за его работы, в которых «галлюциногенный реализм сочетается с народными сказками, историей и современностью» [<http://www.rsuh.ru>]. Тот образ Китая, который предлагает Мо Янь, лишь один из тысяч возможных, поскольку Китай и есть отдельный мир, очень поверхностно знакомый большинству наблюдателей. Страна огромная и глубокая, там слишком много всего, в гигантском диапазоне от нищеты до сверхновых технологий [<http://moan.ru/>], от абсолютного бесправия и врожденной дисциплины до феноменальной внутренней свободы, которую демонстрируют миру нестигаемые китайские диссиденты.

«В мире людей нет более святого имени, чем “мать”. В мире людей нет ничего более бескорыстного, чем материнское чувство. Среди мировых литературных произведений больше всего волнуют воспевающие мать», — эти слова писателя определяют суть многих его произведений, в том числе романа «Большая грудь, широкие бёдра», который можно охарактеризовать как центральное и наиболее известное произведение Мо Яня. Роман демонстрирует большое сходство с русской деревенской прозой середины XX века [<http://zavtra.ru>]. Пред взором читателя проходит история китайской деревни, показанная на примере женской половины семьи кузнеца Шаньгуня из провинции Шандунь. Автор описывает Китай в период японской оккупации. Главная героиня воспитывает семерых девочек. Муж настаивает на том, чтобы в семье был мальчик. Спустя некоторое время у героини рождаются близнецы, один из которых — долгожданный сын. Мо Янь рассказывает о трех поколениях семьи, соединяя прошлое и настоящее.

В центре внимания автора — две матери: Шангуань Люй, жена кузнеца, и ее невестка, Шангуань Лу, мать девятерых детей, вскормившая всех их грудью. Но здесь же хочется сделать небольшую оговорку: наряду с этими двумя автор дает еще один образ, который

условно тоже можно назвать женским образом — речь идет об образе ослицы, описание которой ведется параллельно с описанием как Шангуань Лу, так и Шангуань Люй. В них автор выделяет много общего. Так, все трое показаны в поистине судьбоносный момент — момент родов: и Шангуань Лу, и ослица изнемогают в родовых муках, в то время как старшая женщина, Шангуань Люй, пытается помочь обеим, не оказывая предпочтения ни одной, ни другой, хотя и считает, что в данный момент ослица нуждается в помощи даже больше, чем невестка.

Итак, главная и старшая в семье Шангуань — это, как уже было сказано, Шангуань Люй. Вот как пишет о ней Мо Янь: *«Рослая и деbeatая, она молча и сосредоточенно сметала прибитую утренней росой пыль, аккуратно выбирая и отбрасывая в сторону мусор. Двигалась она неуклюже, но движения были исполнены невероятной силы, и золотистая метелка из стеблей проса казалась в ее руках игрушечной. Собрав пыль в совок, она примяла ее большой ладонью и выпрямилась. <...>. Считалось, что она всего лишь кузнецова жена, но в кузнечном деле она была гораздо искусней мужа, и от одного вида железа и огня у нее начинала бурлить и быстрее бежать по жилам кровь. На руках вздуваются мускулы, словно узлы на пастушеском биче, черное железо бьет в красное, искры летят во все стороны, <...>, и все пространство между небом и землей исполнено бьющего в нос запаха железа и крови»* [<http://mojan.ru/>].

В этом фрагменте обращает на себя внимание обилие лексики, имеющей коннотацию силы: *«рослая и деbeatая»*, *«движения были исполнены невероятной силы»*, *«метелка из стеблей проса казалась в ее руках игрушечной»*, *«в кузнечном деле она была гораздо искусней мужа»*, *«на руках вздуваются мускулы, словно узлы на пастушеском биче»* и др. Эту женщину не пугают трудности, она не прячется от них — напротив, героиня их принимает и всякий раз пытается достойно разрешить возникающие проблемы, освобождая от этого мужа и сына — тех, кто по своему мужскому статусу должны бы сами искать и находить выход из сложных ситуаций, быть защитниками своей семьи. Но ни тот, ни другой не стоят Шангуань Люй. Автор неоднократно подчеркивает это, главным образом используя прием контраста: он постоянно сравнивает руки Шангуань Люй — *«большие»*, *«привыкшие ковать железо»*, *«с жесткой, словно в мозолях, кожей»*, с руками мужа и сына, которые охарактеризованы как *«маленькие»*, *«нежные»*, *«тонкие»*, т. е. почти детские. И читатель понимает, что эти руки не в состоянии ни защитить близких людей, ни построить что-либо, ни совершить по-настоящему весомый, значимый поступок. Для мужчины это весьма странно. Однако Шангуань Люй не упрекает и не унижает ни того, ни другого, хотя иной раз и иронизирует над их поведением, поскольку очень хорошо понимает,

что они слабые и тут уж ничего не поделаешь. В этом заключается высокое достоинство данной героини.

Внешне Шангуань Люй очень неэмоциональна и сдержанна, однако душа ее сохраняет способность чувствовать глубоко и сильно, о чем свидетельствует наличие целого ряда деталей. Так, в приведенном фрагменте упоминание о том, что *«от одного вида железа и огня у нее начинала бурлить и быстрее бежать по жилам кровь»* указывает на скрытую пассионарность героини, которую не дает ей проявить как статус старшей в доме, так и необходимость постоянно решать какие-либо сложные проблемы; на то, что ее душа на последней своей глубине отнюдь не чужда романтики, равно как и на то, что истинная стихия этой женщины — стихия постоянной борьбы и преодоления. Весьма показательны слова героини, сказанные в момент, когда ее невестка мучается родами: *«Ну и неженки бабы пошли нынче, я когда муженька твоего рожала, так и рожала, и подошвы для туфель прошивала...»*, однако Шангуань Лу *«с удивлением заметила, что та вдруг поседела»*; более того, упоминание об этом автор выносит в отдельный абзац, тем самым подчеркивая колоссальную напряженность внутренних переживаний героини, которая понимает, что сноха, скорее всего, умрет, оставив на нее семерых дочерей. Драматизм описываемых событий усиливается за счет того, что все они разворачиваются на фоне вторжения японцев, от которого жители деревни не ждут ничего, кроме разрушений и убийств. Однако Люй понимает и другое: если она сейчас начнет жалеть сноху и плакать вместе с ней, то будет еще хуже, соответственно, упомянутая шутовская реплика характеризует героиню и как хорошего психолога: она не только своей тревогой не выдает, но еще и роженицу пытается успокоить, что в очередной раз свидетельствует об огромной внутренней силе этой женщины. А когда многие из жителей деревни, узнав о приближении японцев, решили спасаться бегством, Шангуань Люй рассудила так: ее семье бежать некуда и незачем: по ее мнению, захватчики тоже люди; им также в скором времени нужны будут работники, подобные ей и членам ее семьи.

А теперь перейдем к характеристике Шангуань Лу. Вот как описывает ее автор в момент родов:

«Она жала зубы, чтобы сдержать рвущийся наружу крик. <...>. Во вставленном в оконную решетку осколке ртутного зеркала с выцербленной поверхностью отражался ее профиль: мокрые от пота волосы, удлиненные и раскосые, потухшие глаза, бледная высокая переносица, полные, пересохшие, беспрестанно дрожащие губы. <...>. Однажды во сне ей привиделось, что в животе у нее кусок холодного как лед железа. В другой раз приснилась жаба, вся в пятнышках. Воспоминание о куске железа еще ладно, если поднапрячься, можно вынести. А вот при мысли о жабе, тело всякий раз покрывалось мурашками. “Бодисатва, оборони... Духи предков, защитите... Боги и демоны, какие

ни на есть, сохраните и пощадите, дозвольте родить здоровенького мальчика, чтобы все было на месте... Сыночек родненький, выходи давай... Правитель небесный и мать-земля, желтые небожители и духи в лисьем образе, помогите мне... " Так она молила и умоляла среди накатывавшихся одна за другой, раздиравших все внутри схваток. Руки вцепились в циновку за спиной, все мышцы била дикая дрожь» [<http://mojan.ru/>].

Буквально лавиной обрушивается на читателя в данный момент лексика, передающая ужас и страдание: «сжала зубы», «рвущийся наружу крик», «потухшие глаза», «пересохшие, беспрестанно дрожащие губы», «руки вцепились в циновку», «била дикая дрожь». Женщина испытывает нечеловеческие муки, однако даже в этот момент она не теряет своего достоинства — никого не упрекает и не обвиняет: ни мужа, который разбил ей голову, узнав о рождении пятой дочери, ни свекровь, которая ушла принимать роды у ослицы и которую она очень ценит и любит. Героиня крепко усвоила ее философию, запечатленную в словах, обращенных к ослице: «Ну, давай, милая, постарайся, такая уж наша бабья доля, никуда от этой напасти не деться!<... >. Потерпи еще чуток, голубушка, нас ведь никто не заставлял рождаться женщицами, верно? Стисни зубы, поднатужься... » [Там же]. Поэтому в критический момент Шангуань Лу молится, но не столько о том, чтобы облегчились ее собственные страдания, сколько о том, чтобы родить сына, без которого она не может считаться полноценной матерью и хозяйкой дома. Ее молитва очень во многом напоминает старинную народную песню, о чем свидетельствует наличие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («сыночек родненький», «здоровенького мальчика») и многочисленных обращений («Духи предков, защитите», «Правитель небесный и мать-земля, желтые небожители и духи в лисьем образе, помогите мне»), свойственные именно народной поэзии. Слова роженицы «Боги и демоны, **какие ни на есть, сохраните и пощадите...** » указывают на то, что, вероятно, эта женщина не очень-то и небожна, но в данный момент, понимая, что, скорее всего, умрет, молится так, как подсказывает душа.

Главную героиню также отличает необыкновенная духовная сила, однако никто не знает о том, как тяжело

ей быть сильной и всегда сохранять спокойствие. Чтобы помочь читателю понять истинное состояние души этой женщины, автор вводит мотив сна: Шангуань Лу грезится, будто в животе у нее то кусок холодного, как лед, железа, то отвратительная жаба. Это очень важная деталь, которая, с одной стороны, выдает страх и внутреннее смятение героини, а с другой — указывает на то, что ее огромная внутренняя сила удивительным образом соседствует с хрупкостью: как и многие женщины, Шангуань Лу боится маленьких, хотя и неприятных существ — ей проще вытерпеть кусок железа в своем животе («если поднатужься, можно вынести») чем признать, что там жаба, при одной мысли о которой ее тело покрывается мурашками.

Из дальнейшего хода повествования мы узнаем, что Шангуань Лу родила двойню: девочку и мальчика; что и ее, и детей от верной гибели спасла случайность — японский военный врач сделал роженице кровоостанавливающий укол, привел в сознание казавшихся мертвыми детей. И героиня смогла приложить их к своей большой груди, что оба тут же оценили. А потом женщина находит в себе силы подняться и, достав из сундука свекрови яйца, финики и кусковой сахар, накормить всех остальных. Так перед читателями возникает величественный образ Матери — Матери с большой буквы, могучей и непобедимой; Матери, которую не могут остановить никакие препятствия, коль скоро дело касается детей.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко Владимир. МОЛ ЧУН // Газета «Завтра». 17.10.2012. URL: <http://zavtra.ru/content/view/mol-chun-2012-10-17-000000>. Дата обращения: 02.11.2012.
- Лента.ру: Скромно ведет себя с партией // Сайт Российского государственного гуманитарного университета. URL: http://www.rsuh.ru/press_centр/press/87738. Дата обращения: 06.11.2012.
- Мо Янь. Большая грудь, широкие бедра // Сайт о современном китайском писателе Мо Яне. URL: <http://mojan.ru>. Дата обращения: 10.11.2012.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».

Поступила в редакцию 24.03.2013 г.

UDC 821.581 IMAGE OF MOTHER IN THE NOVEL "LARGE BREASTS, WIDE HIPS" BY MO YAN

M. V. Rodina

The article is devoted to interpretation of mother's image in the novel of Chinese writer Mo Yan, who is the winner of Noble Prize in 2012 for "Large breasts, wide hips". An author gives a characteristics of two main female characters of the novel — Shanguan Luj and Shanguan Lu.

KEY WORDS: psychedelic realism, Russian village prose, female characters of the novel, folk poetry, the motif of dream.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

О.Г. Попова

Современный этап развития лингвистики характеризуется возросшим интересом к динамическим аспектам языка и переходом к лингвистике антропоцентрической, изучающей язык во взаимосвязи с человеком, его сознанием, мышлением, различными видами деятельности. Существенные изменения происходят и в науке о терминах, в результате чего формируется новое — когнитивное — направление терминоведения.

Обращение к истории терминоведения свидетельствует о том, что появление этого нового направления оказалось закономерным. Во многих обобщающих исследованиях по теории термина представлены основные направления терминоведения. Общеизвестным среди исследователей является мнение о том, что терминоведение как самостоятельная научная дисциплина складывалась постепенно в результате автономного развития отдельных научных направлений с последующим их синтезом. Ведущими направлениями — составными частями терминоведения — были: методологические исследования, теория термина, филологические исследования терминологии, функционально-стилистические исследования терминологии, диахронические исследования терминологии, упорядочение и стандартизация терминологии, терминография, научно-технический перевод, профессиональная лингводидактика и отраслевые исследования терминологии [Володина 2000: 54].

В современных терминоведческих исследованиях подчеркивается сложная (неоднородная, многослойная) структура термина, предполагающая многогранность и многоаспектность терминологического анализа. В то же время традиционная связь терминологических исследований с науками о мышлении обеспечила базу для активного внедрения когнитивного подхода в терминоведение. Многие феномены, обнаруженные в исследованиях функционального направления, представляется целесообразным рассматривать с когнитивной точки зрения, поскольку последняя учитывает тот факт, что в языке зашифрована информация о разных типах мышления, соответствующих разным этапам развития человека. При этом особое внимание уделяется не только традиционно выделяемым видам знания (лингвистическим и экстралингвистическим факторам, специальным и обыденным понятиям), но и явлениям горизонтального и вертикального измерения социального знания,

В работе рассматривается употребление экономической терминологии в средствах массовой информации, раскрывается понятие когнитивного терминоведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
когнитивность,
терминоведение,
референтность, моно-,
полипарадигмальный,
дискурс.

научно-профессиональной и культурной памяти термина и т. п., обосновывается вывод о когнитивно-информационной природе термина.

Термины, с помощью которых общаются специалисты конкретной области знания, представляют собой особые когнитивные структуры — фреймы, требующие соответствующего поведения. При изучении организации и динамики языковых категорий обнаруживается не только сложносистемное строение языка, но и влияние сознания и других когнитивных структур на любое построение в языке и дискурсе. В поле зрения ученого оказывается не столько сама категория, сколько внутренняя сторона ментальной репрезентации, особенности структурирования непосредственного опыта человека. Поэтому важно выявление того, какие именно концепты (по структуре, по содержанию и по степени конкретности) лежат в основе терминологической номинации и более всего способствуют фиксации, хранению и передаче научных знаний.

Важным итогом развития терминоведения является осознание ограниченности имманентных установок изучения термина только внутри терминосистемы и необходимости выявления места и функции термина в лингвомыслительной деятельности человека исходя из того, что «терминологизация... представляет собой комплексный процесс, в ходе которого слово естественного языка проходит глубинную стадию концептуальной обработки» [Володина 2000: 67].

Когнитивное терминоведение, с одной стороны, продолжает традиции, а с другой стороны, приобретает черты, присущие современному этапу научного познания. Поэтому целесообразно рассмотреть характеристики когнитивного направления в сравнении с предшествующими этапами терминоведения.

Обращение когнитивного терминоведения к другим наукам определяется его стремлением найти языковым фактам то или иное объяснение и проявляется в тенденции к междисциплинарному синтезу. В то же время развитие когнитивного терминоведения свидетельствует о том, что, «несмотря на фактические наблюдаемые процессы интеграции и сближения позиций разных школ, каждая из них продолжает свой собственный путь развития, демонстрируя разные предметные области исследования и по существу являя собой отдельную (малую) парадигму научного знания». Поэтому когнитивное терминоведение может быть охарактеризовано как полипарадигмальное.

При описании предметно-познавательной части когнитивного направления терминоведения целесообразно сравнить его с традиционными направлениями. На основании этого отличительной характеристикой когнитивного терминоведения следует признать «экспансионизм», или междисци-

плинарный синтез, поэтому теории традиционного терминоведения предстают как монопарадигмальные, а теории когнитивного терминоведения — как полипарадигмальные [Костомаров 1994: 98].

В последние десятилетия необычайно активизировался процесс пополнения словарного состава русского языка. Среди новых слов преобладают слова финансовой и экономической терминологии: бартер, брокер, дилер, инвестиции, маркетинг, монетаризм, риэлтер, спонсор.

Широко употребляемые в рекламе, они проходят этап письменной фиксации и включаются в словари.

Изменения в области экономики привели к изменению толкования слов в этой сфере. Очень часто это связано с исчезновением в них определения «капиталистический» или указаний «при капитализме» «в капиталистических странах». Так, в словарной статье, посвященной слову «банк», опущена часть толкования, связанная с комментарием о роли банков при капитализме и при социализме; в словарной статье к слову «биржа» убрана часть «в капиталистических странах»: более точно сформулировано слово «брокер».

Лексема «маркетинг» толкуется не как «осуществляемая крупными капиталистическими компаниями система мероприятий по изучению рынка», а как «комплексный подход к управлению производством и реализацией продукции».

Аналогичные изменения произошли с определением значения слова «менеджмент», которое трактовалось как «управление производством, применяемое в США и др. капстранах», а в настоящее время определяется как «совокупность современных принципов, методов и форм управления производством и сбыта». Деидеологизация наблюдается и у терминов рента, тейлоризм и др. Все чаще в дефинициях подобных лексем стали проявляться положительные коннотации.

Можно выделить значительный пласт лексических единиц, которые представляют собой некоторый постоянный фонд экономической терминологии (независимо от типа экономики). Данные слова выражают базовые общеэкономические понятия и категории, например: производство, потребление, производственные отношения, производительные силы, капитал, базис, надстройка, спрос, предложение, товар, товарооборот, стоимость, цена, деньги, прибавочный продукт, бюджет, национальный доход, экспорт, импорт и др.

Часть экономических терминов, нейтральных по своей семантической структуре, употреблялась в советское время в качестве атрибутов или реалий капиталистической экономики: безработица, инфляция, индексация, картель, концерн, биржа, банкир и мн. др.

Теперь подобные слова расширили референтную соотнесенность. Они стали «нашими» словами.

Значительный пласт экономической лексики, фиксирующий новые явления, представляют собой слова «возвращаемые», слова, нейтрально функционировавшие в русском языке «досоветского» периода по отношению к русским реалиям. Массовым сознанием, вследствие распада связи времен, они могут восприниматься как новые.

Многочисленную группу лексики, которая на сегодняшний день представляет собой открытый ряд, составляют иноязычные заимствования (преимущественно из английского языка, американизмы), которые отражают основную тенденцию мировой экономики стремящейся к глобализации. В этой ситуации термин все чаще приобретает интернациональные черты.

Наиболее употребительные слова, которые функционируют за пределами узкопрофессиональной сферы встречаются на страницах газет, журналов, звучат на радио и ТВ, присутствуют в разных видах рекламы: менеджмент, маркетинг, консалтинг, дилинг, бренд, инжиниринг, холдинг, лизинг, клиринг, селинг, демпинг, франчайзинг, трансферт, офф-шор, аудит, реституция, дилер, дистрибьютор, риэлтер, спонсор, чартер, фьючерс, лот, дивиденды, эмиссия, ипотека, ноу-хау, тендер, депозитарий и др.

Например:

Реклама играет важную роль в жизни любого города, являясь не только средством продвижения определенных товаров, услуг и брендов (Деловой Тамбов, октябрь 2012).

Участников семинара-тренинга интересовала презентация не столько как шоу-программа, рассказывающая о товаре или организации в целом, сколько как элемент продажи, определенная ее стадия (Деловой Тамбов, июль 2012).

По словам Андрея Крылова, в настоящее время комплекс маркетинга уже не может быть описан кон-

цепцией «4 P»: продукт (product), место продажи (place), цена (price), продвижение (promotion). Требуют внимания и другие составляющие маркетинга: люди (people), процесс покупки (process) и физический атрибут, который может служить подтверждением факта оказания услуги (physical evidence), — все эти компоненты становятся важными, когда обычные механизмы продвижения перестают работать (Деловой Тамбов, июль 2011).

Вторая половина семинара была посвящена порядку внедрения процессного управления на примере решения Корпорации ПАРУС — консалтингово-программного комплекса ПАРУС-Автопилот (Деловой Тамбов, декабрь 2005).

Сегодня есть целое направление в менеджменте — «экологичный менеджмент» (Деловой Тамбов, май 2010).

Методологические подходы, сложившиеся в развитии отдельных парадигм, становятся взаимодополняющими областями описания и анализа термина, его роли в жизни общества и отдельной личности.

Анализ основных направлений терминоведения свидетельствует о том, что в целом логика развития терминоведения «повторяет» основные этапы развития лингвистики, что, в свою очередь, подтверждает правомерность выделения нами нового этапа развития терминоведения и определения его как когнитивного терминоведения.

ЛИТЕРАТУРА

Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина. М., 2000.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Второй Тамбовский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ».

Поступила в редакцию 24.03.2013 г.

UDC 81'276.6 **ECONOMIC TERMINOLOGY IN MASS MEDIA**

O. G. Popova

We consider the use of economic terminology in mass-media, we reveal the concept of cognitive terminological accept during the description of domain cognitive and cognitive areas.

KEY WORDS: cognition, Terminology, reference, mono-, multiparadigmatic, discourse.

НОВЫЕ ТРАДИЦИИ В СОХРАНЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ГОД Державина в Тамбове

Н. Ю. Желтова

В начале 2008 года на Ученом совете ТГУ имени Г. Р. Державина по инициативе Института русской филологии было принято решение объявить текущий год Годом Г. Р. Державина. И это не случайно. Университет с 1995 года носит это славное имя и видит свою миссию в продолжении гуманитарных традиций, заложенных государственным деятелем, поэтом, просветителем в пору своего тамбовского наместничества. Именно Г. Р. Державин стоял у истоков народного просвещения на Тамбовщине, а, значит, и у истоков университета. Весьма символично, что учебный корпус № 1 располагается недалеко от того места, где находился дом, в котором жил и работал Г. Р. Державин.

В Тамбове развивается и художественный талант Г. Р. Державина. Здесь им написаны три выдающиеся оды, переложения псалмов, стихотворения, драматические произведения, прозу. Это наследие легло в основу сформировавшихся в стенах университета уже в XX веке известных тамбовских филологических школ: лингвистической (руководитель — доктор филологических наук, профессор В. Г. Руделев) и литературоведческой (руководитель — доктор филологических наук, профессор Л. В. Полякова).

В начале 2008 года состоялась презентация Года Державина в стенах Института русской филологии, которую провела директор — профессор Н. Ю. Желтова. В феврале прошли XIII Державинские чтения, посвященные юбилею поэта. Была организована специальная «Державинская» секция, издан сборник научных работ под редакцией профессора Н. Л. Потаниной (10,17 п. л.).

В мае к 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина в Дни славянской письменности и культуры состоялся всероссийский семинар «Духовные традиции русской культуры: история и современность» (к 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина). В его работе приняли участие ректор профессор В. М. Юрьев, епископ Тамбовский и Мичуринский Феодосий, а также более 100 представителей крупнейших филологических школ России: МГУ имени М. В. Ломоносова, Тверского, Елецкого, Кемеровского, Орловского и, конечно, Тамбовского университетов. Перед началом семинара в Домовой церкви св. вмчц. Александры епископ Тамбовский и Мичуринский Феодосий отслужил молебен. На организацию семинара научный коллектив получил

В статье освещаются традиции изучения, сохранения и популяризации культурного наследия Г. Р. Державина в Тамбовском государственном университете, который носит имя великого поэта. Описываются мероприятия Года Державина 2008 и 2013 годов.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А :
культурные традиции,
Державин, Тамбовский регион.

грант Российского гуманитарного научного фонда (руководитель проекта — ректор В. М. Юрьев; исполнители: Н. Ю. Желтова, А. М. Кальницкая, Н. Л. Потанина).

К началу работы семинара была опубликована большая коллективная монография «Духовные традиции русской культуры: история и современность. К 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина» (Тамбов, 2008; 15,34 п. л.; научный редактор — профессор Н. Л. Потанина). Монография, созданная усилиями ведущих российских ученых-филологов, посвящена различным аспектам многогранной деятельности Державина. Кроме того, на семинаре состоялась презентация иллюстрированного спецвыпуска университетской газеты «Державинский вестник» (ответственная за выпуск — Н. Ю. Желтова) с редкими фотографиями усадьбы Зубриловка, связанной с деятельностью Г. Р. Державина в Тамбове.

В рамках семинара ведущие ученые России профессора М. М. Годубков (МГУ им. М. В. Ломоносова), В. А. Редькин, С. Ю. Николаева (Тверской госуниверситет) провели мастер-классы для молодых исследователей русской литературы. В работе форума приняли участие также представители широкой региональной общественности: учителя, журналисты, музейные работники, писатели, издатели и др.

В начале июня состоялось Торжественное заседание Ученого совета университета, на котором с докладом о литературном творчестве Г. Р. Державина выступила представитель тамбовской филологии — доктор филологических наук, профессор Л. В. Полякова. Под ее руководством на кафедре истории русской литературы впервые были заложены основы академического тамбовского державиноведения. В 1993 году была проведена Международная научная конференция, посвященная 250-летию Г. Р. Державина, по ее итогам издан диптих научных трудов «Творчество Г. Р. Державина: специфика, традиции» и «Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания» (Тамбов, 1993), вышел специальный выпуск журнала «Кредо» (№ 7–8, 1993) и уникальное литературное приложение к нему «Пленира», посвященное супруге Г. Р. Державина — Е. Я. Бастидон. Необходимо отметить, в рекомендациях этой конференции было впервые выдвинуто положение о целесообразности присвоения имени Г. Р. Державина тогда еще Тамбовскому государственному педагогическому институту. Спустя всего несколько лет имя Державина получил вновь образованный Тамбовский государственный университет.

Однако краеведческое державиноведение в Тамбове значительно старше академического. Еще

в 1962 году вышла книга кандидата филологических наук, доцента Е. В. Авдошенко «Поэт Г. Р. Державин в Тамбове» (Тамбов, 1962). Позднее Е. В. Авдошенко неоднократно выступала с докладами о Державине на конференциях различных уровней, публиковала о нем литературно-краеведческие работы.

В 2000-е годы были созданы учебник и хрестоматия по литературному краеведению, в которых большое место отведено творчеству Г. Р. Державина (Л. В. Полякова, В. Т. Дорожкина, Е. А. Гаранина, С. В. Федотова. Литературное краеведение. Учебное пособие для учащихся 8–9 классов. Тамбов, 2007; Литературное краеведение. Хрестоматия / сост. Л. В. Полякова, В. Т. Дорожкина. Тамбов, 2006).

В июне 2008 года профессор Л. В. Полякова выступила также с большим докладом о творчестве поэта на торжественном заседании администрации города Тамбова.

Немалый вклад в изучение периода пребывания Державина в Тамбове и его деятельности на посту наместника внесли ученые-историки университета. На заседании Ученого совета прозвучал обширный доклад доктора исторических наук, профессора Ю. А. Мизиса и кандидата исторических наук, доцента В. Д. Орловой, в котором была освещена тема «Г. Р. Державин в Тамбове», а в сообщении доктора исторических и юридических наук, профессора А. С. Тумановой была затронута проблема «Державин как государственный деятель». На заседании состоялось также награждение выдающихся ученых университета Державинским памятным знаком и вручение «Державинских грантов» молодым ученым.

В журнале «Вестник Тамбовского университета» (№ 7, 2008) в рубрике «Державинский год в державинском университете. К 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина» были опубликованы научные статьи профессоров С. Ю. Дубровиной, Н. Ю. Желтовой, Л. В. Поляковой, Н. Л. Потаниной, а также библиографическая работа доцентов Л. А. Прониной, Н. Е. Копытовой, Н. В. Шаталовой.

Кроме того, в Год Державина отметило свой первый юбилей региональное Державинское общество (руководитель — кандидат филологических наук, доцент Г. Б. Буянова). Общество было образовано в 2003 году, в год 260-летнего юбилея Г. Р. Державина, по инициативе кафедры истории русской литературы ТГУ имени Г. Р. Державина, поддержанной ректором университета профессором В. М. Юрьевым. Общество, носящее имя славного губернатора и просветителя, объединило целеустремленных, талантливых людей: студентов, аспирантов, преподавателей, музейных работников, служащих социальной сферы — всех тех, кто занимается изучением исторического и литературного

наследия Тамбовского края, стремится к сохранению и укреплению сложившихся в регионе богатых культурных традиций.

В марте 2008 года состоялось еще одно событие регионального значения, связанное с выполнением державинских заветов. По инициативе филологов и ректора ТГУ имени Г. Р. Державина В. М. Юрьева была образована общественная организация «Тамбовское областное филологическое общество» (ОО ТОФО). Решением общего собрания общества Президентом стала доктор филологических наук, профессор Н. Ю. Желтова.

Главной целью ОО ТОФО является сохранение, развитие и популяризация русского языка и литературы, и шире — национальной культуры в Тамбовском регионе. Общество выступило организатором и соорганизатором многих научных, социокультурных, издательских, образовательных проектов регионального, всероссийского, международного значения. В 2010 году Тамбовское областное филологическое общество получило грант Президента РФ для некоммерческих организаций, активно участвующих в создании гражданского общества (проект «Славянский мир — единство культур»), руководитель — профессор Н. В. Сафонова), в 2011 году — грант фонда «Русский мир» на проведение интернациональной лингвокультурологической школы «К России — с любовью» (руководитель — профессор Н. В. Сафонова).

В Тамбове Г. Р. Державин основал первое провинциальное периодическое издание — газету «Губернские ведомости». В продолжение державинских традиций филологический факультет при непосредственной и деятельной поддержке ректората впервые в Тамбовской области открыл специальность «Журналистика». Это произошло к 1996 году, за два года до 255-летия Державина. В настоящее время выпускники этой специальности успешно работают в редакциях печатных и электронных СМИ Тамбовской области и далеко за ее пределами.

Развивая те же традиции, в 2009 году институт русской филологии и ОО ТОФО инициировали издание нового общероссийского научного и информационно-аналитического журнала «Филологическая регионалистика» (главный редактор — Н. Ю. Желтова, заместители редактора — Л. В. Полякова, Н. Л. Потанина, А. Л. Шарандин). Появление собственного научного журнала свидетельствует об огромном научном потенциале тамбовской филологической школы, которая складывалась и развивалась на протяжении восьми десятилетий. Журнал издается ОО ТОФО совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г. Р. Державина, имеет международную редколлегию.

Известно, что именно Г. Р. Державин основал в Тамбове одну из первых в России провинциальных типографий. В настоящее время в области зарегистрировано около 100 средств массовой информации и более 10 издательств. И весьма символично, что в Год Г. Р. Державина в университете состоялся первый набор на уникальную специальность «Издательское дело и редактирование», единственную в Центральном Черноземье.

Открытие специальности было осуществлено при самой активной и непосредственной поддержке ректората ТГУ и продиктовано, прежде всего, существующей в регионе потребностью в кадрах, которые могли бы осуществлять квалифицированную редакторскую обработку информационных и рекламных материалов и подготовку изданий различных типов и видов. Оно связано и с реализацией общего курса Державинского университета на открытие востребованных временем специальностей.

ТГУ имени Г. Р. Державина располагает всем необходимым для обеспечения самого высокого уровня подготовки специалистов книжного дела. Это кадровый потенциал Института филологии самой высокой научной и педагогической квалификации, Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, располагающий высокопрофессиональными кадрами и новейшим техническим оборудованием. В 2013 году, уже в год 270-летия Г. Р. Державина, состоится первый выпуск специалистов по направлению «Издательское дело и редактирование».

Г. Р. Державин большое внимание уделял образованию и творческой реализации молодежи. В этой связи в течение Года на базе университета проходил конкурс научных студенческих работ, Державинский областной семинар молодых литераторов. В апреле состоялась студенческая научная конференция, были подведены итоги творческого конкурса среди школьников области «Шедевр Державина» и студенческого конкурса переводов. На молодежную аудиторию был сориентирован и университетский конкурс чтецов «Державинские ассамблеи». В мае при участии Областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина состоялись научно-популярные чтения «Державин и Тамбовский край».

На базе научной библиотеки ТГУ организованы уникальные книжные выставки, посвященные личности и творчеству Державина, а также раритетным изданиям XVIII — начала XIX века, хранящимся в фондах университетской библиотеки. В Музейно-выставочном комплексе ТГУ была создана стационарная экспозиция «Г. Р. Державин и Тамбовский край: из прошлого в настоящее» (директор — Н. Н. Будюкина).

В рамках национального проекта «Образование» проводился круглый стол «Качество подготовки специалистов — основа образовательной деятельности университета: державинские традиции и инновационный потенциал». В работе круглого стола приняли участие преподаватели университета, руководители областных управлений образования и культуры, директора образовательных и культурно-досуговых учреждений, учителя и работники культуры.

Все спортивные мероприятия самого разного уровня, проходившие под эгидой университета, были посвящены юбилею Державина. Кроме того, была организована презентация Года в СМИ. Усилиями филологов создан цикл передач на телеканале «ВДВ» о многогранной деятельности Г. Р. Державина в Тамбове.

Следует отметить, что все академии, институты и факультеты университета работали под знаком Державинского года.

В рамках юбилейных мероприятий этого года тамбовская делегация в составе доктора филологических наук, профессора Н. Ю. Желтовой, кандидата филологических наук, доцента Г. Б. Буяновой, главного хранителя Тамбовского областного краеведческого музея Л. Е. Городновой приняла участие во всероссийской научной конференции «Державин и культура Казанского края», посвященной 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина (26–28 июня 2008 года). Конференция прошла в Казани и на родине поэта, в городе Лаишево. Мероприятие было организовано Министерством образования и науки Республики Татарстан, Министерством культуры РТ, Национальным музеем РТ, Казанским государственным университетом и исполнительным комитетом Лаишевского муниципального района РТ.

Гостям, ученым-историкам и филологам из 11 регионов России, организаторы показали, какая работа была проведена в Лаишево для увековечения памяти Державина: реставрация церкви Богоявления в селе Егорьево, где захоронены его родители, восстановление надгробия на их могиле, установление памятной стелы в селе Сокуры, где родился поэт и находилось его родовое имение, открытие в городе Лаишево Дома народного творчества с краеведческим музеем имени Г. Р. Державина, в котором организована экспозиция «Река времени», посвященная жизни поэта, открытие в 2003 году на центральной площади города Лаишево, носящей имя Державина, памятника.

По итогам конференции был опубликован сборник материалов, в том числе с докладами тамбовских ученых, а также библиографический указатель работ, посвященных жизни и творчеству Державина.

Сегодня Тамбовский государственный университет готовит не просто специалистов. Главная его

задача — воспитать самостоятельную, творчески и нравственно сильную личность, способную послужить во благо родного края и Отечества. На решение этой задачи и сориентированы мероприятия Года Державина, который становится традиционным для нашего университета. 2013 год, когда выдающемуся русскому поэту и государственному деятелю исполняется 270 лет, вновь объявлен в ТГУ Годом Державина.

Открытие года планируется провести в институте филологии 21 февраля в День родного языка. В учебном музее «Литературный салон» будет представлена литературно-краеведческая экспозиция «... А я пиит, и не умру», посвященная 270-летию Г. Р. Державина (авторы: Н. Л. Потанина, Н. Ю. Желтова, Г. Б. Буянова, С. А. Косякова). В программе: выставка книг Г. Р. Державина из фамильных коллекций преподавателей, фотоработы преподавателей, аспирантов и студентов «Тамбов державинский», чтение стихов Г. Р. Державина («Осень во время осады Очакова», «На смерть графини Румянцевой», «Памятник» и др.), тематические композиции: тамбовские страницы биографии Державина; Державин и Пушкин; Державин в живописи; музыка державинской поры; модели светской одежды второй половины XVIII века.

Крупным событием Державинского года, несомненно, станет IV Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность», посвященная 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина (22–24 мая 2013 года). К началу форума планируется выпуск коллективной монографии с одноименным названием (научный редактор — Н. Л. Потанина). Другим значимым изданием года является выход научно-популярной книги «Так в вечность льются дни и годы» (державинское наследие тамбовского периода), подготовленной коллективом тамбовских ученых (ответственный редактор — Н. Л. Потанина). Юбилею Г. Р. Державина будет также посвящена Международная научно-практическая конференция «Региональная журналистика: от истории к современности», которая проводится кафедрой журналистики и издательского дела в апреле 2013 года (координатор — О. Е. Видная).

В Год Державина предполагается реализовать исследовательский проект «Державин в Тамбове: творческий портрет на фоне российской истории» (научный коллектив: В. М. Юрьев, С. С. Худяков, Н. Л. Потанина, Н. В. Сорокина, Н. Ю. Желтова, Ю. А. Мизис, Л. В. Полякова).

Целая серия мероприятий запланирована «Державинским обществом». Среди них: региональный творческий конкурс, посвященный 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина (1 апреля — 24 мая 2013 года) с изданием

сборника творческих работ студентов и школьников; круглый стол «Державин и его время», читательская конференция по книгам В. Селиверстова «И в сердце всех страстей волнение...», «Гибель триумvirата». Силами кафедры журналистики и издательского дела и ТГУ-ТВ будет создан документальный фильм «Г. Р. Державин» (координатор — Т. Е. Самотойлова).

Год Державина — 2013 включает в себя мероприятия как на русском, так и на иностранном языках. Состоятся четыре тематических конкурса чтецов, два конкурса эссе, конкурс переводов, а также выставки, круглые столы, студенческие конференции, литературные вечера, семинары, экскурсии, заседания творческих студий, научных центров, лабораторий института филологии,

выступления ведущих преподавателей в СМИ, на официальных мероприятиях. Все подразделения университета включены в празднование Года Державина.

Широта мероприятий и проектов, которые будут реализованы в Год Державина, еще раз свидетельствует не только о масштабе, многогранности уникальной личности Г. Р. Державина, но и об актуальности, востребованности его творческих экспериментов, достижений на поприще государственного служения. Державинские традиции в Тамбовском университете крепнут и развиваются.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».
Поступила в редакцию 24.03.2013 г.

UDC 82-95   **NEW TRADITIONS IN SAVING THE REGIONAL CULTURE:
YEAR OF DERZHAVIN IN TAMBOV**

N. Yu. Zheltova

The article emphasizes traditions of studying, saving and popularization of cultural heritage of G. R. Derzhavin in Tambov State University, which was named after great poet. Actions of Derzhavin's Year of 2008 and 2013 are described.

KEY WORDS: cultural tradition, Derzhavin, Tambov region.

РУССКИЙ ПОЭТ И СЛАВЯНСКИЙ МИР: К 270-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Н. Л. Потанина

В Институте филологии 22–24 мая 2013 года проведена IV Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции словесность», посвященная 270-летию со дня рождения Г. Р. Державина, 95-летию Тамбовского университета, 70-летию Дней славянской письменности и культуры в ТГУ имени Г. Р. Державина.

Организаторы конференции: директорат института филологии, кафедра русской и зарубежной литературы. Конференция проведена при финансовой поддержке Управления образования и науки Тамбовской области (грант на проведение научного мероприятия).

Цель конференции состояла в обсуждении сложившихся и новых перспективных подходов к исследованию творчества Г. Р. Державина в контексте истории русской литературы и в целом — славянской культуры, в осмыслении славянского мира как единого цивилизационного пространства, развивающегося по собственным внутренним законам, но при этом открытого для взаимодействия с другими национальными культурами.

В конференции приняли участие ученые из российских университетов, научно-исследовательских институтов и учреждений культуры Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода Великого, Нижнего Новгорода, Саранска, Тамбова; из стран Ближнего и Дальнего зарубежья: Словении, Украины, Беларуси, Казахстана и др. Всего более 80 участников.

К началу работы конференции издан сборник научных трудов: Славянский мир: духовные традиции и словесность. Вып. 4 / отв. ред. Н. Л. Потанина. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2013. 20 п. л.

Основные формы проведения конференции:

- пленарное заседание, посвященное 270-летию Г. Р. Державина (23 мая 2013 года);
- круглые столы («К 70-летию Дней славянской письменности и культуры в ТГУ имени Г. Р. Державина»; «Мой дом везде, где есть небесный свод...»: в преддверии Года Лермонтова» — 22–23 мая 2013);
- секционные заседания (22 мая 2013 года);
- семинар «Наследие Г. Р. Державина и региональная культура» (24 мая 2013 года; музей-усадьба С. Рахманинова в с. Ивановка Уваровского р-на).

В материале представлена информация о традиционной научной конференции в Тамбове, посвященной юбилею выдающегося русского поэта Г. Р. Державина, правителя Тамбовского наместничества в 1786–1788 годах.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А :
Славянский мир,
ТГУ имени Г. Р. Державина,
Г. Р. Державин, Тамбов, юбилей.

На пленарном заседании конференции выступили с докладами ректор Державинского университета заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор В. М. Юрьев и митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий, а также доктор филологических наук, профессор С. Г. Исаев (Великий Новгород), доктор филологических наук, профессор Л. В. Полякова и доктор филологических наук, профессор Н. Ю. Желтова (Тамбов).

В адрес участников пленарного заседания поступили приветственные письма и телеграммы от соучредителей конференции: Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки (Луцк, Украина), Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы Национальной Академии Наук Беларуси и Корпоративного международного славянского института имени Г. Р. Державина (Македония).

На секционных заседаниях были обсуждены следующие проблемы:

- Общие вопросы языкового сознания;
- Языковая личность и литература;
- Наследие Г. Р. Державина в современной филологической науке;
- Традиции русской (славянской) культуры и пути их художественного осмысления в творчестве Г. Р. Державина;
- Державинский дискурс в русском художественном сознании XIX–XXI веков;

- Доктрина державности и наследие Г. Р. Державина;
- Творчество Г. Р. Державина и христианство;
- «Тамбовский шедевр»: стихотворение Г. Р. Державина «Осень во время осады Очакова» (литературоведческий, лингвистический, культурологический, искусствоведческий аспекты интерпретации) Г. Р. Державин и Тамбовский край;

■ Наследие Г. Р. Державина и книгоиздательская деятельность;

■ Наследие Г. Р. Державина в средствах массовой информации;

■ Вопросы распространения знаний о славянских языках и литературах (в их числе — о русском языке и русской литературе).

В ходе подведения итогов конференции руководители секций отметили разнообразие тематики докладов и вместе с тем — их общую ориентированность на центральную проблему этого научного форума; продуктивность представленных исследований и аргументированность полученных результатов. По общему мнению участников проведенная конференция уже стала важным событием в славянском мире и непременно послужит новым стимулом к развитию научных исследований и межнациональных взаимодействий, укреплению национальной славянской идентичности.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».
Поступила в редакцию 22.05.2013 г.

UDK 82-92

RUSSIAN POET AND THE SLAVIC WORLD: ON THE 270th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF G. R. DERZHAVIN

N. L. Potanina

The article presents information about traditional scientific conference in Tambov, it devotes to the anniversary of the outstanding Russian poet G. R. Derzhavin, who was the governor in Tambov region in 1786–1788.

KEY WORDS: Slavic world, TSU named after G. R. Derzhavin, G. R. Derzhavin, Tambov, anniversary.

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА *

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МНОГОПРОФИЛЬНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Н. Ю. Желтова, Т. В. Махрачева

В статье освещаются основные достижения и направления деятельности многопрофильного студенческого объединения «Филологическая регионалистика» в 2012–2013 годах: создание учебного литературного музея Тамбовской области, информационно-аналитической региональной «Службы русского языка» и профильной, научно-технической базы для сбора полевого материала.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А :
культурное наследие Тамбовской области, филологическая регионалистика, литературный музей, служба русского языка, база данных.

В современном мире на фоне процессов глобализации все большую актуальность приобретают проблемы, связанные с сохранением, изучением, популяризацией регионального культурного наследия. На решение этих государственно важных задач направлено создание студенческого многопрофильного объединения «Филологическая регионалистика» в Институте филологии ТГУ имени Г. Р. Державина (руководитель — профессор Н. Ю. Желтова) в рамках реализации мероприятия 38 Программы развития студенческих объединений ТГУ имени Г. Р. Державина.

Филологическая регионалистика — это современное научное направление, возникшее на базе двух ведущих научных школ Тамбовской области: литературоведческой (руководитель — профессор Л. В. Полякова) и лингвистической (руководитель — профессор В. Г. Руделев), которые в настоящее время получили всероссийскую и международную известность. Филологическая регионалистика изучает в междисциплинарном аспекте конкретные языковые и литературные реалии региона с учетом его исторического, экономического, политического, духовно-нравственного развития.

В этой связи деятельность студенческого объединения носит многопрофильный характер и ставит конкретные цели и задачи: создание инновационной площадки для формирования и адаптации современных проектов, сориентированных на потребности региона; формирование благоприятной среды для раскрытия гражданского, творческого, научного, профессионального потенциала молодежи Тамбовского региона.

В рамках студенческого объединения «Филологическая регионалистика» реализуются следующие проекты: создание учебного литературного музея Тамбовской области, информационно-аналитической региональной «Службы русского языка» и профильной, научно-технической базы для сбора полевого материала.

Многолетняя поисковая, собирательная, научная работа студентов, аспирантов, преподавателей кафедры русской и зарубежной

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы развития студенческих объединений ТГУ имени Г. Р. Державина.

литературы Института филологии ТГУ имени Г.Р. Державина в области литературного краеведения стала основой для создания учебного музея «Литературный салон». Его торжественное открытие состоялось 12 декабря 2012 года и было приурочено к 95-летию первого университета на Тамбовщине.

В оригинальных интерьерах серебряного века представлена уникальная выставка «Серебряный век в фамильных коллекциях», включающая предметы 1890–1910-х годов (книги, журналы, посуда, одежда и т. п.) из семейных собраний преподавателей Института филологии. Кроме того, в салоне создана первая в мире экспозиция, посвященная творчеству выдающегося русского писателя первой трети XX века Аркадия Аверченко — «Король смеха». Показан единственный скульптурный портрет художника, выполненный аспиранткой кафедры русской и зарубежной литературы Наталией Егоровой.

«Литературный салон» создавался при непосредственной поддержке ректора ТГУ имени Г.Р. Державина В. М. Юрьева, проректоров В. В. Мамонтова, М. С. Чвановой, В. Ю. Стримова, В. В. Смагиной, а также Музейно-выставочного комплекса (директор — Н. Н. Будюкина) и при участии кафедр русского языка и российской истории ТГУ имени Г.Р. Державина. Новый музей направлен на популяризацию литературной истории Тамбовской области, ее художественного наследия, поддержку региональных исследований в этом русле, отчасти восполняет пробел, связанный с отсутствием в Тамбове литературного музея. На открытии салона заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей РФ, поэт, общественный деятель В. Т. Дорожкина отметила региональное значение учебного музея, подчеркнула его большие возможности для изучения и популяризации литературы Тамбовской области.

«Литературный салон» является одновременно и учебной аудиторией, и сценической площадкой для многих тематических вечеров института. На базе салона работает студия прикладного научного творчества Института филологии «Сумерки кумиров», хорошо известная в молодежной среде не только университета, но и России. Студия объединяет более 190 участников не только из ТГУ имени Г.Р. Державина, но из других тамбовских и российских вузов, охватывая «все грани гения»: поэзию, музыку, театр, живопись, фотографию и т. п. В 2012 году на базе «Литературного салона» прошло более 10 мероприятий («Серебряный вечер», «День лица», «Вечер российско-македонской дружбы», «Цветавская гостиная», творческие вечера молодых поэтов и др.), в том числе регионального и международного характера. Кроме того, при поддержке Программы развития студенческих объединений ТГУ имени Г.Р. Державина издается

студенческая газета института филологии «Профиль», в которой находят отражения и события, связанные с деятельностью объединения «Филологическая регионалистика».

Проведение занятий, вечеров и заседаний студии в «Литературном салоне» способствуют глубокому проникновению молодежи в творческую атмосферу конкретной эпохи, в ее «тамбовский» облик.

На базе музея ведется большая научная работа, связанная с поиском инновационных подходов к изучению региональной литературы и литературы о регионе. В этой связи руководителем Международного научного центра изучения творческого наследия Е. И. Замятина, профессором Л. В. Поляковой для студентов и аспирантов Института филологии ТГУ имени Г.Р. Державина был прочитан цикл лекций «Что такое филологическая регионалистика». В декабре состоялся международный семинар молодых исследователей, посвященный этим проблемам с участием Валентины Бертоло, замятиноведа, аспирантки Католического университета (Италия).

Линия международного сотрудничества на базе многопрофильного объединения «Филологическая регионалистика» была в полной мере реализована в результате научной стажировки аспирантки кафедры русской и зарубежной литературы Наталии Егоровой в Карловом Университете (Чехия). Еще будучи студенткой, Н. Егорова начала работу по изучению творчества А. Т. Аверченко — «возвращенного» писателя-эмигранта. Предметом его художественных интересов были и тамбовские герои, и «тамбовские сюжеты». В Праге под руководством известного ученого, политика, директора Института славянских и восточно-европейских исследований Философского факультета Карлова университета, профессора Р. Хмела аспирантка изучала «чешский период» жизни и творчества А. Т. Аверченко. Найденные Н. Егоровой материалы были использованы в создании экспозиции, посвященной А. Т. Аверченко, в «Литературном салоне» ТГУ имени Г.Р. Державина.

Благодаря финансовой поддержке Программы стало возможным участие студентов в крупнейших международных и российских форумах.

В специальной Молодежной программе Международного форума инновационного развития «Открытые инновации» (30.10.2012–02.11.2012) по приглашению Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах при Президенте РФ приняли участие профессор кафедры русской и зарубежной литературы Н. Ю. Желтова и студентка Института филологии Карина Кузнецова.

Молодежная программа проходила на базе МГУ имени М. В. Ломоносова и МГТУ имени Н. Э. Бау-

мана. Участники мероприятия получили уникальную возможность лично познакомиться с первыми лицами таких компаний, как Google, Microsoft, Nokia Corporation, EVCA, СколТех, РосНано, Almaz Capital Partners, РВК и других, услышать их открытые лекции, задать им вопросы, поделиться своими идеями, а также присутствовать на мастер-классах профессоров Гонконгского университета науки и технологий (лучшего университета Азии), Singularity University, Стэнфордского университета, Университета Чикаго и др. Кроме того, в рамках Форума были организованы встречи молодых ученых и инноваторов с представителями государственной власти, институтов развития и российских венчурных фондов.

Спикеры Форума неоднократно подчеркивали, что для успешного развития инноваций необходимо развитие гуманитарных технологий, формирование особой культурной среды, благоприятного поля активности для талантливых молодых ученых и студентов. В этом смысле Форум дал свои благоприятные результаты.

Необходимо отметить, что проект учебного музея «Литературный салон», который представляла на Форуме К. Кузнецова, занял первое место на региональном этапе Всероссийского студенческого форума в номинации «Высшая лига» и будет представлен на окружном конкурсе.

В конце февраля 2013 года при поддержке Программы проходила стажировка молодых исследователей Н. Егоровой, М. Жматовой, А. Будановой, О. Корякиной в Русском музее, Российской национальной библиотеке, Институте русской литературы РАН (Санкт-Петербург). Целью стажировки стало знакомство с достижениями современных музейных технологий, изучение редких и малоизученных материалов, связанных с литературной историей Тамбовского края. Во время поездки ведущий реставратор Русского музея И. М. Мукин передал в дар Тамбовскому университету собрание репродукций, посвященных 400-летию династии Романовых. Открытие выставки состоится в «Литературном салоне» в октябре 2013 года.

В мае Н. Егорова и О. Корякина приняли участие в IX Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Содружество наук. Барановичи-2013», проходившей в Барановичском государственном университете Республики Беларусь. Молодые ученые достойно представили результаты своих научных изысканий. В номинации «Филологические науки» среди аспирантов, магистрантов и студентов Наталия Егорова завоевала диплом I степени.

Инновационные технологии в филологии нашли свое применение в создании портала «Служба русского языка». В настоящее время имеется электронная оболочка портала, которая разработана

как многоуровневая система, реализующая правовую, социально-экономическую, информационную, воспитательную, культурно-образовательную, досуговую и другие функции. В перспективе комплексный подход позволит осуществлять весь набор услуг с учетом возрастной, социальной, профессиональной и иных особенностей пользователей. Студенческая аудитория получит возможность на протяжении всего обучения закреплять и совершенствовать профессиональные навыки в области практической и функциональной стилистики, в литературном редактировании, а также в таких разделах, как орфография, пунктуация. Деятельность службы будет стимулировать продвижение инновационного предпринимательства в сфере профильного образования.

Успешно развивается и проект, связанный с созданием профильной, научно-технической базы для сбора полевого материала (руководитель — Т. В. Махрачева). Создание электронной версии базы данных полевого архива — это многолетний коллективный труд, основу которого с точки зрения методологии составляет планомерный, целенаправленный сбор аутентичного материала. Финансовая поддержка данного проекта на любом этапе его исполнения — неоценимая помощь и уникальная возможность не только зафиксировать «уходящую» культуру во всем ее многообразии (с учетом вербальных и невербальных форм) и разноплановности, но и обработать полученные сведения, перевести их в современный формат, классифицировать в соответствии с жанровыми своеобразиями. Иными словами дать в руки исследователя целый корпус ранее не представленной информации. Базы данных, некогда привлекаемые только как вспомогательный аппарат, в настоящее время приобрели самостоятельную ценность. Некоторым положительным опытом, позволяющим оценить значимость баз данных, можно считать публикацию регионального материала в журнале «Живая старина» [Живая старина 2013: 15–26]. Цикл статей (Т. В. Махрачева «Празднование дня Кузьмы и Демьяна на Тамбовщине»; Д. С. Ипполитова, Т. В. Махрачева «Народные представления о загробном мире в Тамбовской области»; Д. Н. Лоскутова «Представления тамбовских крестьян о лихорадке»; А. А. Чемерчева «Народная магия на Тамбовщине: остановка града») был подготовлен при финансовой поддержке Программы, с использованием сведений, хранящихся в базе данных.

XX век в истории славистики ознаменован своеобразной «диалектологической революцией» (Ж. Фуке), обеспечившей победу лингвистической географии: во всех славянских странах идет интенсивная работа по созданию диалектологических атласов самого разного типа (территориальных,

национальных, межнациональных, проблемных, уровневых, интерпретационных и проч.). Лингвистическая география прочно заняла свои позиции, став одним из важнейших источников лингвистической информации о внутренней динамике языковых, этнических и культурных процессов [Вендина 2009: 3].

Реализация столь масштабных проектов, появление новых технических ресурсов (компьютерные технологии в лингвистике) поставили перед руководителями проектов и исследователями-исполнителями целый ряд новых задач, которые в более общем виде сводятся к созданию гибкого механизма, способствующего организации планомерной продуктивной работы в регионах и сотрудничеству последних с главенствующими институтами РАН. Осуществление намеченной политики оказалось не возможным без подготовки квалифицированных кадров из числа молодых специалистов. Решить эту проблему и были призваны Школы молодых лексикологов и лексикографов, проведение которых планируется сделать ежегодным.

В 2012 году Школа молодых лексикологов и лексикографов проходила с 5–6 ноября в Институте лингвистических исследований РАН в г. Санкт-Петербурге. Участие тамбовской делегации стало возможным благодаря финансовой поддержке Программы развития студенческих объединений ТГУ имени Г. Р. Державина. На Школе молодых лексикологов и лексикографов к обсуждению были представлены варианты лингвистических карт по материалам «Голубика», «Волнушка», «Колочая трава», «Одуванчик» и «Шампиньон». Совместный доклад доцента кафедры русского языка Т. В. Махрачевой и студентки 5 курса Д. С. Ипполитовой оказался информативным, а картографические решения оригинальными и были признаны в числе лучших.

Для тамбовских филологов сотрудничество с ведущими институтами России не является пер-

вым опытом. К настоящему времени уже накоплен значительный опыт многолетнего сотрудничества с Институтом лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург) и Институтом славяноведения РАН (г. Москва), однако тамбовские ученые продолжают развивать традиционные и осваивать новые формы работы. Существенным результатом такого совместного труда можно считать авторские карты кандидатов филологических наук: Махрачевой Т. В., Лоскутовой Д. Н., Чемерчевой А. А. и студентки Ипполитовой Д. С. (соавтора нескольких карт), которые были одобрены редколлегией и приняты к публикации «Атласа русских народных говоров» (издание Атласа планируется в 2013 году).

Благодаря финансовой поддержке Программы, стало возможным обучение и участие студентов в проектах всероссийского и международного масштаба, которые будут иметь существенное значение для их дальнейшего научного и образовательного роста.

Общим результатом реализации мероприятия 38. «Создание многопрофильного студенческого объединения “Филологическая регионалистика”» стало издание трех сборников научных трудов молодых исследователей, активизация инновационной деятельности студентов, а также большое внимание СМИ к реализуемым в рамках объединения проектам.

ЛИТЕРАТУРА

Вендина Т. И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009.
Живая старина. 2013. № 1 (77).

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».
Поступила в редакцию 12.05.2013 г.

UDC 82.02

PHILOLOGICAL REGIONALISTICS

On the activity of multi-profile student community

N. Yu. Zheltova, T. V. Makhrachyova

The article shows the main searches and directions of multi-profile student community's activity "Philological regionalistics" in 2012–2013: creation of student and literary museum in Tambov region, informational and analytical regional "Service of Russian language" and profile, scientific and technic base for field material collection.

KEY WORDS: cultural heritage of Tambov region, philological regionalistics, literary museum, Service of Russian language, statistics.

Членские взносы и порядок их оплаты

«ТАМБОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

является добровольной, самоуправляемой общественной организацией, созданной по инициативе ученых ТГУ имени Г.Р. Державина, объединившихся для реализации общей цели — сохранения, развития и популяризации русского языка и литературы, и шире — национальной культуры.

ЗАДАЧИ ОРГАНИЗАЦИИ:

— развивать идеи филологии на основе обобщения отечественного и зарубежного опыта проведения научных исследований в этой области, разработки новых методов и подходов к исследованию языка и литературы;

— содействовать популяризации филологических знаний и гуманитарной (в том числе региональной) культуры путем организации творческих вечеров, фестивалей, концертов, тематических промо-акций, викторин, издания альманахов, путеводителей, биографий, буклетов и т. д.;

— активизировать многоаспектное взаимодействие между филологами ТГУ имени Г.Р. Державина и региональной общественностью: работниками образования, культуры, СМИ, всеми гражданами, заинтересованными в сохранении и развитии филологической (и шире — гуманитарной) культуры;

— развивать интерес студентов, аспирантов, докторантов к проведению исследований в области филологии на основе организации олимпиад, конкурсов, издания коллективных монографий, тематических сборников научных трудов;

— способствовать обмену научной информацией между отечественными и зарубежными учеными;

— информировать научную общественность о проблемах и тенденциях в изучении и преподавании филологических дисциплин;

— содействовать систематизации и популяризации фундаментальных знаний в филологии на основе проведения регулярных научных конференций, школ, семинаров и других научных, научно-методических и просветительских мероприятий, совместно осуществляемых исследований и разработок, тематических публикаций, издания научных сборников и журналов по филологии;

— оказывать содействие в расширении сфер применения полученных знаний, в том числе в вузовских лекционных курсах, учебниках, учебных пособиях, справочных и методических материалах по проблемам литературоведения и лингвистики, популярных изданиях по этнолингвистике, лингво- и литературному краеведению;

— поддерживать контакты с Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, Российской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, Международной ассоциацией лингвистов-когнитологов, Российской ассоциацией лингвистов-когнитологов, Международной ассоциацией исследователей английской литературы, Общероссийской ассоциацией исследователей английской литературы посредством участия в международных научных конференциях и публикаций в международных и российских научных журналах;

— устанавливать связи с общественными объединениями, коммерческими организациями и отдельными лицами, разделяющими и поддерживающими цели Организации;

Вид взноса	Категория взноса	Размер взноса, в руб.
Вступительный	Общий	300
	Учителя	100
	Аспиранты	50
	Студенты	50
Членский за год	Общий	700
	Учителя	400
	Аспиранты	250
	Студенты	150
Льготная схема: Вступительный + членский за год (выплата единовременно)	Общий	900
	Учителя	400
	Аспиранты	200
	Студенты	150

— создавать отделения, филиалы и представительства;

— осуществлять издательскую и рекламную деятельность.

Членами Организации могут быть физические лица, достигшие возраста 18 лет, и юридические лица — общественные объединения, занимающиеся исследованиями и просветительской деятельностью в области филологии и разделяющие цели и задачи Организации. Членство в Организации добровольное. Все члены Организации имеют равные права и обязанности.

Прием в члены Организации физических лиц осуществляется Президиумом Организации на основе письменного заявления.

Фактом подачи заявления о приеме в члены Организации заявитель безоговорочно признает Устав Организации, другие решения и правила Организации, а также решения и правила, которые она примет в будущем.

ЗАЯВЛЕНИЯ О ВСТУПЛЕНИИ В ТОФО

на имя председателя Президиума ТОФО Желтовой Наталии Юрьевны с указанием адреса и контактного телефона вступающего могут быть присланы почтой по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33 — или лично представлены по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 181 и (вторая очередь), каб. 211.

РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ И ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ:

Общественная организация
«Тамбовское областное филологическое общество»,
392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33,
р/с 40703810500100000003 в филиале «Тамбовский»
ООО КБ «Росавтобанк»
ИНН 6829043046; КПП 682901001
ОГРН 1086800000132;
ОКПО 81993046; БИК 046850783

КОНТАКТНЫЙ ТЕЛЕФОН: 8 (4752) 72-76-61.
E-mail: phreg@mail.ru

Требования к оформлению рукописей для публикации в журнале «Филологическая регионалистика»

Журнал является рецензируемым изданием, зарегистрированным в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № 77–35659 от 17 марта 2009 г., ISSN 2074–7292). Территория распространения журнала — Российская Федерация. Подписной индекс в каталоге «Роспечать»: 20603.

ОСНОВНЫЕ РУБРИКИ ЖУРНАЛА:

Теория и методология филологической науки
Региональные исследования в филологии
Россия в глобальном миропорядке
Литературное и лингвистическое краеведение
История региональной культуры
Междисциплинарные взаимодействия
Представляем научные коллективы российских регионов
Критика, обзоры, библиография
Хроника: факты, события, имена
Возвращаясь к опубликованному
Наши авторы
На правах рекламы

Редколлегия привлекает участие в журнале представителей различных научных школ и направлений, учреждений образования, культуры, общественных организаций.

Материал, предлагаемый для публикации должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Электронный вариант рукописи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением «.doc» или «.rtf». В имени файла указываются фамилия, имя, отчество автора.

2. Параметры компьютерного набора статьи: формат — А4; поля — по 2 см со всех сторон; гарнитура — Times New Roman; кегль — 14; межстрочный интервал — 1,5; выравнивание по ширине; абзацный отступ — 1,25 см.

3. Структура рукописи:

— Индекс УДК.

— Инициалы и фамилия автора (авторов) — строчный полужирный шрифт (по центру). Число авторов статьи не должно быть более пяти человек.

— Название статьи — строчный полужирный шрифт (по центру). Название не должно превышать трех строк.

— Аннотация — не более 7 строк.

— Ключевые слова — не более 6 терминов.

— Основной текст статьи не должен содержать лишних пробелов, ручных переносов, разрывов строк. Нежелательно использование таких способов выделения, как разрядка и подчеркивание. Внутренние заголовки выделяются полужирным начертанием и отбиваются на 1 интервал. При использовании дополнительной гарнитуры, ее файл необходимо предоставить в редакцию.

— Сведения об источниках приводятся нумерованным списком в алфавитном порядке после заголовка *Литература*.

— Наименование организации, из которой исходит рукопись, и слова *Поступила в редакцию*.

— УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация и ключевые слова на английском языке.

4. Ссылки в тексте с указанием фамилии автора, года издания и цитируемой страницы заключаются в квадратные скобки, номера страниц указываются только в ссылках [Иванов 1990: 25; Петров 2001; см. также: Сидоров 2002; 2003 и др.].

5. Сноски автоматически привязываются к тексту и располагаются внизу страницы со сквозной цифровой нумерацией.

6. Таблицы, рисунки, графики (в общей сложности не более 10) должны быть черно-белыми (полутоновыми) и монтироваться в текст после первого упоминания о них.

7. Рисунки и графики должны иметь тематические заголовки и предоставляться отдельными файлами либо в растровых форматах .png, .tif (без LZW-сжатия) с разрешением не менее 300 dpi, либо в векторных (.eps, .ai, .cdr) с минимальной толщиной линий 0,2 мм. Если в рукописи один рисунок, то он не нумеруется, а в тексте при упоминании о нём пишется (см. рисунок).

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной: слово *Таблица* с порядковым номером, на следующей строке название. Пропуски в столбцах (за отсутствием данных) не оставляют пустыми, а заполняют знаком тире. Числовые данные в таблицах не сопровождаются единицами измерения, последние выносят в текст боковика, головки или названия таблицы.

9. Рекомендуемый объем рукописи — не более 15 страниц. Статьи методологического характера могут иметь объем до 20 страниц. Редакционная коллегия оставляет за собой право подвергать статьи редакционной правке.

10. Авторство одного человека допускается не более чем в двух статьях.

11. Вместе с рукописью необходимо предоставить сведения об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество, место работы и должность, ученая степень и звание, телефон, почтовый (с индексом) и электронный адреса для переписки.

СТОИМОСТЬ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСИ

для публикации в журнале «Филологическая регионалистика» в 2012–2013 гг. — **300 руб.** за 1 стр.; для членов Тамбовского областного филологического общества (ТОФО) — **бесплатно**. Стоимость публикации в авторской редакции (на правах рекламы) — **500 руб.** за 1 стр., для членов ТОФО — **250 руб.** за 1 стр. Публикация рекламных объявлений — по договоренности. Оплата производится после решения редколлегии только перечислением необходимой суммы на счет ТОФО.

РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ОПЛАТЫ:

Получатель платежа: Общественная организация «Тамбовское областное филологическое общество»;

Адрес: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Банк получателя: Филаил «Тамбовский» ООО КБ «Росавтобанк», г. Тамбов;

р/с 40703810500100000003; ИНН 6829043046;

КПП 682901001; ОГРН 108680000132;

ОКПО 81993046; БИК 046850783

В разделе «**Наименование платежа**» указывается: (с пометой «**оплата рецензирования для публикации в журнале «Филологическая регионалистика»**»).

Текст статьи, сообщения, рецензии предоставляется в электронном и в распечатанном виде.

Рукопись должна быть подписана авторами и направлена **ПО АДРЕСУ:** 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ТГУ имени Г.Р. Державина, Институт филологии, редакция журнала «Филологическая регионалистика», каб. 312.

Одновременно электронный вариант статьи должен быть выслан на **ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:** phreg@mail.ru, **ответственному секретарю Дзайкос Элени Николаевне.**

ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК:

8-905-047-18-20 (Желтова Наталия Юрьевна)

Requirements to manuscripts for publication in the journal

In 2009 Tambov State University named after G. R. Derzhavin and Tambov regional philological society launched a new journal "PHILOLOGICAL REGIONAL SCIENCE", reflecting a wide range of scientific problems of literary studies and linguistics. The journal is registered in the Federal service for supervision in the sphere of telecom information and mass communications (certificate ПИИ № 77–35659 of March 17, 2009, ISSN 2074–7292). The territory of distribution of the journal is the Russian Federation.

THE MAIN HEADINGS OF THE JOURNAL:

Theory and methodology of philological science
Regional studies in philology
Russia in a global world order
The literary and linguistic study of local lore
The history of regional culture
Interdisciplinary interaction
We present the research teams of the Russian regions
Criticism, reviews, bibliography
Chronicles: facts, events, the names
Returning to the published
Our contributors
As advertising

The editorial board welcomes the participation in the journal of the representatives of different scientific schools, institutions of education, culture, public organizations.

REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF MATERIALS SENT TO THE EDITORIAL OFFICE

The text of the article, report, review (page format A4) is to be available on a floppy disk and printed copy (2 copies) in MS Word version of 7.0 or above in 1-spaced, type Times New Roman, margins on all sides by 2 cm.

On the top line of the center the initials and a surname of the author (authors) (12 pt **bold italic**) are stated. The title of the article is printed in **BOLD CAP** type 12 pt, center alignment, without indentation. Point at the end of the title is not put. Before and after the title there is a gap in 1 interval. Under the title a brief abstract of the article, which should not exceed 8 lines, and keywords (not more than 5 terms) are printed, 10 pt common, indent a paragraph to the left and right — 2 cm, alignment on width. After the abstract and keywords there are gaps in 1 interval. The text should be printed in common type 11 pt. Paragraph alignment on width, indentation of the first line of the paragraph 1 cm.

Drawings are made in a graphics editor CorelDraw or in any of the MS Office applications in aggregated form. Graphics, drawings and photographs are mounted in the text after the first mentioning of them. In the attached electronic version of the supplement each drawing, photograph, graph, etc. should be submitted to the editorial office by a separate file. Illustrations, tables and formulae can be placed on the whole width of the page. The name of the illustrations (10 pt, common) is given below them in the center after the word *Fig.* with a serial number (10 pt, bold). If there is only one figure in the text, the number is not put. Point is not put after signature. There is 1 interval between the name to the figure and the text.

The word "Table" with the serial number is located on the right edge before the table. The next line includes the name of the table (center alignment, without indentation and transferring of syllables)

without a point in the end. After the table there is a blank space in 1 interval. The only table in the article is not numbered.

References in the text with the name of the author, year of publication and the cited page are enclosed in square brackets, page numbers are indicated only in the references. [Ivanov 1990: 25; Petrov 2001; see also: Sidorov 2002; 2003, etc.].

A list of the sources is given after the text of the article in alphabetical order after the word *Literature* (without point or a colon at the end), type 11 pt common. Numbered list is not applied.

In the end of the manuscript, in space, in the lower left corner you should specify the name of organization, from which the manuscript comes and the author's signature type size 10 pt, and the words "submitted to the editorial office".

Along with the article you must provide: information about the authors, including surname, name and patronymic name, place of work and position, academic degree and title, phone, postal address (with an index) and e-mail address for correspondence.

The authorship of one person is allowed not more than in two articles.

The cost of the review of manuscripts for publication in the journal "Philological Regional Science" in 2012–2013 is **150 roubles** per page, for the members of Tambov Regional Philological Society (TRPS) is **free of charge**. The cost of publication in author's edition (as advertising) is **500 roubles** per page, for the members of TRPS is **250 roubles** per page. Publication of advertising can be agreed. Payment is made after the decision of the editorial board by transferring the necessary amount to the account of the TRPS.

From 2011, a subscription to the journal is organized through the catalogue "Rospechat". The estimated cost of subscription for the first half year is **400 roubles**.

BANK DETAILS FOR PAYMENT:

Payment recipient: Public organization "Tambov Regional Philological Society";

Address: 33, Internatsionalnaya st., Tambov, 392000.

Beneficiary bank: Branch "Tambov" OOO CB "Rosavtobank", Tambov;

c/a 40703810500100000003; INN 6829043046;

KPP 682901001; OGRN 1086800000132;

OKPO 81993046; BIC 046850783

In the section "**Name of payment**" you specify: (with manure "**payment review for publication in the journal "Philological Regional Studies"**).

ARTICLES AND REPORTS MUST BE SENT TO THE FOLLOWING ADDRESS:

TSU named after G. R. Derzhavin,
33, Internatsionalnaya st., Tambov, 392622, Institute of Philology,
the editorial office of the journal "Philological Regional Science"
to the chief editor Natalia Yurievna Zheltova

OR BROUGHT TO THE EDITORIAL BOARD

AT THE ADDRESS:

office 211, educational building № 5, 181 I, Sovetskaya st., Tambov
TSU named after G. R. Derzhavin, Institute of Philology

CONTACT PHONE: 8-905-047-18-20

E-mail: phreg@mail.ru

Наши авторы

АЛТАБАЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью и речевой коммуникации Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К. А. Тимирязева
E-mail: evaltabayeva@mail.ru

БАРМИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

соискатель кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина
E-mail: elbarmina@mail.ru

ГУСЬКОВА СВЕТАНА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина
E-mail: guskova_s_v@mail.ru

ДМИТРИЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина
E-mail: nina_novikova@mail.ru

ЖЕЛТОВА НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина
E-mail: nata_zheltova@mail.ru

КЛИМКОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

заместитель директора ТОГУК «Центр по сохранению историко-культурного наследия Тамбовской области»
e-mail: marinaklimkova@mail.ru

МАХРАЧЕВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.
E-mail: mahrachova@mail.ru

МАЯСОВ ВАСИЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

кандидат филологических наук, сотрудник Мичуринского государственного аграрного университета
E-mail: evaltabayeva@mail.ru

НЕБОЛЬСИН СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета
E-mail: nebolsin_sa@mail.ru

Our contributors

ELENA V. ALTABAYEVA

Doctor of Philological Sciences, Professor Department of Public Relations and Speech Communication of the Russian State Agricultural University — Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev
E-mail: evaltabayeva@mail.ru

ELENA N. BARMINA

The postgraduate of department of Russian & Foreign Literature of Tambov State Derzhavin
E-mail: elbarmina@mail.ru

SVETLANA V. GUSKOVA

Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Journalistics and Editorship of Tambov State University named after G. R. Derzhavin
E-mail: guskova_s_v@mail.ru

LUDMILA I. DMITRIEVA

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department of Tambov State University named after G. R. Derzhavin
E-mail: nina_novikova@mail.ru

NATALIA Yu. ZHELTOVA

Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department of Tambov State University named after G. R. Derzhavin
E-mail: nata_zheltova@mail.ru

MARINA A. KLIMKOVA

Deputy Director of Tambov Regional State Culture Establishment “Center of historical and cultural heritage of Tambov region”
e-mail: marinaklimkova@mail.ru

TATYANA V. MAKHRACHOVA

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department of Tambov State University named after G. R. Derzhavin
E-mail: mahrachova@mail.ru

VASILIJ E. MAYASOV

Candidate of Philological Sciences, Employee of Michurinsk State Agricultural University
E-mail: evaltabayeva@mail.ru

SERGEY A. NEBOLSIN

Doctor of Philology, Head science employee of Institute of world literature named after A. M. Gorky of Russian Academy of Science, Professor of Moscow State Psychological and Pedagogical University
E-mail: nebolsin_sa@mail.ru

НОВИКОВА НИНА ВИКТОРОВНА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина
E-mail: nina_novikova@mail.ru

ОПРИТОВА ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА

главный библиотекарь библиотеки-филиала № 1 им. К. В. Плехановой МБУ «Централизованная библиотечная система» города Тамбова
E-mail: taopritova@mail.ru

ОСИЛЬБЕКОВА ДАНИЯ АЛТМИШБАЕВНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета
E-mail: daniya_osilbekova@rambler.ru

ПОПОВА ОКСАНА ГЕННАДИЕВНА

старший преподаватель кафедры менеджмента организации Второго Тамбовского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ»
E-mail: goluzo@inbox.ru

ПОТАНИНА НАТАЛИЯ ЛЕОНИДОВНА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой и русской зарубежной литературы Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

РОДИНА МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА

аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина
E-mail: marija.marianna1987@yandex.ru

NINA V. NOVIKOVA

Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department of Tambov State University named after G. R. Derzhavin
E-mail: nina_novikova@mail.ru

TATYANA A. OPRITOVA

Main librarian of library-section № 1 named after K. V. Plekhanova Moscow Library Section "Central librarian system" in Tambov
E-mail: taopritova@mail.ru

DANIA A. OSILBEKOVA

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department of Moscow Pedagogical State University
E-mail: daniya_osilbekova@rambler.ru

OKSANA G. POPOVA

Senior Lecturer of Management Department of Organization of Second Tambov unit of Federal State Budget Educational Establishment of High Professional Education "Russian Academy of Public Management within President of Russian Federation"
E-mail: goluzo@inbox.ru

NATALIA L. POTANINA

Doctor of Philology, Professor, Head of Russian and Foreign Literature Department of Tambov State University named after G. R. Derzhavin
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

MARIA V. RODINA

The postgraduate of department of Russian & Foreign Literature of Tambov State Derzhavin
E-mail: marija.marianna1987@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

Тамбов, 2013. № 1(9). 94 с.

ISSN 2074-7292

Редактор

Э. Н. Дзайкос

Редактор английских текстов

А. Ю. Асанов

Компьютерное макетирование

Т. О. Прокофьева

Адрес редакции:

392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181 и, каб. 211.

Тел.: (4752) 72-34-34 (доб. 8611)

e-mail: phreg@mail.ru

Интернет: <http://www.tsutmb.ru/change.php?RAZDEL=userrazdel3771-679>

Подписной индекс 20603

в каталоге агентства «Роспечать»

Подписано в печать 24.05.2013.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Усл. печ. 10,93.

Тираж 1000 экз. Заказ ?????. Цена свободная.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33,
общественная организация «Тамбовское областное филологическое общество»

Отпечатано в Издательском доме ТГУ имени Г. Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190 г.